Т3(2Р-6МО)1
М 792

ISSN 0130—4585

Проблемы дореволюционной истории крестьянства Мордовии

Т3(2Р-6МО)1-283 я542
М 792

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ ССР

ПРОБЛЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА МОРДОВИИ

(Труды, выпуск 103, серия историческая)

Саранск
Мордовское книжное издательство
1991

ББК 63,3 (2Р—6Морд)
П 78

Редакционная коллегия:
А. С. Тувин (ответственный редактор),
В. М. Сурков, Т. П. Реброва, В. А. Юрченков

69538

БИБЛИОТЕКА
МОРДОВСКОГО
Научно-исследовательского
института языка, литературы,
истории и экономики

П $\frac{0503020000—053}{М\ 130\ (03)—91}$ 129—91

ISBN 5—7595—0620—X

© Ордена Знак Почета научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской ССР, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопросам дореволюционной истории крестьянства и сельского хозяйства исследователи Мордовии уделяли и уделяют немалое внимание, что вполне закономерно, поскольку до 1917 г. регион носил ярко выраженный аграрный характер, а крестьянство составляло абсолютное большинство населения и являлось основной производительной силой края.

Различные аспекты дореволюционной истории крестьянства получили определенное освещение в таких фундаментальных коллективных трудах, как «Очерки по истории Мордовской АССР» (Т. 1.) и «История Мордовской АССР» (Т. 1.), подготовленных сектором истории НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской ССР. Отмечая их несомненные достоинства, укажем, что все же вопросы социально-классовой структуры проанализированы в них были явно недостаточно. Подобное положение обусловило обращение ученых к специальному исследованию истории классов и социальных групп региона.

Наиболее благоприятные условия сложились в силу ряда причин по изучению крестьянства Мордовии, разработка истории которого с 1982 г. стала одной из магистральных тем сектора. В настоящее время уже опубликованы два тома «Истории советского крестьянства Мордовии» (1987г., 1989 г.), готовятся к изданию тома «Истории крестьянства Мордовии», охватывающие период с древнейших времен до 1917 г. Как показала практика, проблемы истории крестьянства и сельского хозяйства края настолько широки и многогранны, что даже специальное монографическое исследование не охватывает всего спектра вопросов. К тому же следует иметь в виду и то, что историческая наука не стоит на месте, идет постоянный процесс сбора и накопления нового фактического материала, переосмысление старого. Поэтому сектор подготовил ряд тематических сборников, посвященных тем или иным аспектам истории крестьянства. Отдельные вопросы истории крестьянства Советской Мордовии рассмотрены в тематических сбор-

никах трудов «Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Мордовии» (1984 г.), «Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии» (1987 г.). Во многом этими же обстоятельствами вызвана и необходимость публикации предлагаемого сборника.

Включенные в сборник работы будут способствовать углублению и расширению знаний по дореволюционной истории Мордовии и вызовут интерес у читателей.

А. Б. Кузнецов

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ЗЕМЛЮ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ В XVII—XVIII ВВ.

Вопросы аграрной истории занимают заметное место в истории России периода феодализма. Являясь важнейшим средством производства в это время, земля постоянно привлекала к себе внимание основных социальных слоев русского общества. Экономическое развитие класса феодалов не могло успешно идти без расширения феодальной собственности на землю. Но такое расширение приводило к острой борьбе за новые земельные площади. Поэтому борьба за землю является одним из важных вопросов истории любого района России XVII—XVIII вв.

Несмотря на важность данной темы, для Мордовии этот сюжет разработан явно недостаточно. Отдельные замечания в «Очерках по истории Мордовской АССР» и в «Истории Мордовской АССР» не могут заменить собой специального исследования, тем более, что документальный материал для изучения этого вопроса весьма обширен. Это в первую очередь документы Инсарской, Саранской, Темниковской и других приказных изб, хранящиеся в фондах ЦГАДА, а также документы, которые хранятся в ЦГА МССР. Некоторая часть интересующих историка материалов опубликована в «Документах и материалах по истории Мордовской АССР». Они-то и позволяют нарисовать весьма обстоятельную картину той борьбы, которая развернулась за землю в Мордовии в XVII — XVIII вв.

Данная статья отнюдь не претендует на исчерпывающее рассмотрение этой большой и многоплановой темы. Ее задача, основываясь на опубликованных и архивных документах, попытаться выяснить направления и формы той борьбы, которая велась за землю между различными социальными группами в Мордовии во второй половине XVII—XVIII вв.

Вторая половина XVII в. была временем интенсивного развития феодального землевладения на территории Мор-

довии. Строительство в середине XVII в. засечной черты создавало более благоприятные условия для хозяйственного развития этого района России, обезопасив ее от набегов татар и ногайцев, а это в свою очередь способствовало тому, что русские феодалы хлынули сюда и стремились всеми путями захватить здесь земли. Царское правительство весьма благожелательно взирало на распространение здесь феодального землевладения, оказывая всяческое содействие русским помещикам в приобретении земли.

Особенно усилился приток русских феодалов в мордовские земли в 60—70 гг. XVII в., ибо завершение строительства сторожевой черты и относительная безопасность этого района открывали перед ними широкие возможности, которыми те не замедлили воспользоваться. Получая земли, они незамедлительно переходят в наступление на местное крестьянство, захватывая земли у него.

Многочисленные документы рисуют картину той острой борьбы, которая развернулась между крестьянами и помещиками. Так, в 1668 г. мордовские крестьяне нескольких сел Саранского уезда жаловались, что помещики захватывают их земли и «покосы и земли наши к себе забирают и нас с тех земель силою збивают»[1].

Такие действия со стороны захватчиков вызывали сопротивление крестьян, которые в ряде случаев с оружием в руках выступают на защиту своей земли. Между сторонами неоднократно происходят столкновения. Так, в 1676 г. служилые люди Краснослободского присуда С. Аксенов и Н. Носов жаловались, что во время составления писцовых книг земли некоторых мордовских деревень, находившихся поблизости, были переданы этим служилым людям. Однако крестьяне не захотели их потерять и «своим насильством... сеяной ржи зжали десятину и свезли к себе». Когда на следующий год служилые люди захотели обработать землю, то «мордва скопом выехали на то поле и с луками и нас збили и тот хлеб зжали и ныне жнут и к себе в гумно возят, а нам не дают. Да они ж, мордва, нас бранят беспрестанно и впредь хвалятся расстреливать и всяким убийством и пожегою»[2].

Такое сопротивление крестьяне оказывали и в последующее время. Когда в октябре 1682 г. староста Е. И. Украинцева Мартин Иванов приехал в Темниковский уезд, в с. Азясь, чтобы снять урожай с поля, он был встречен крестьянами соседних деревень. Они, выйдя большой группой, разогнали уборщиков, выгнали их с поля. «И государя моего, Емельяна Ивановича, житого овса 50 телег

стравили и с тое поместной земли свезли к себе в деревню»,— жаловался властям староста[3].

Но, несмотря на сопротивление крестьян, продолжали наступление на их земли служилые люди и помещики. Под всевозможными предлогами они захватывали крестьянские земли, закрепляя их за собой. Довольно распространенной формой захвата крестьянских земель была ссылка на отсутствие у крестьян документов на право владения своими землями. Выяснив, что у мордовских крестьян по каким-то причинам нет выписей из ранее составленных писцовых и переписных книг, феодалы обращались в соответствующие инстанции, предъявляя крестьянам обвинение в незаконном владении землей, или просто захватывали их земли, которые затем спешили юридически закрепить за собой.

Так, в 1684 г. темниковские служилые татары захватили несколько земельных участков, принадлежавших ранее мордве ряда деревень Темниковского уезда, заявив, что у крестьян нет документов на право владения ими[4]. В 1687 г. помещик Мартынов захватил у крестьян с. Пели Саранского уезда довольно значительный участок земли, согнал с него крестьян и засеял его. При этом помещик-захватчик аргументировал свое «право» на эти земли тем, что у крестьян нет документов, подтверждавших, что они принадлежали им ранее[5].

В конце XVII в. захваты феодалами крестьянских земель достигли таких размеров, что правительство начинает опасаться, что обезземеливание мордовских крестьян, которые в большинстве своем были ясачными и вносили подати государству, может привести их к неплатежеспособности, чего оно никак не хотело. Это заставляет центральные власти в ряде случаев вступаться за мордву, ограждая ее от чрезмерных захватов помещиками принадлежавших ей земель.

В 1697 г. бортники и мордва сел Николаевского и Муравихи Терюшевской волости обратились к царю Петру с челобитной, в которой писали, что крестьяне помещиков Нарбекова, Милославского и Дубенского нарушили царскую грамоту и въезжают в их владения, «рубят лес и посеянному их всякому хлебу чинят толоку и многие пахотные поля захватывают и их (мордву.— А. К.) бьют и увечат смертным боем и грабят»[6]. Опасаясь, что такое положение может привести к разорению ясачных крестьян, помешать исправному поступлению платежей, Петр потребовал прекратить нападения помещиков на мордву. Однако этот запрет не остановил помещиков, которые продолжали захватывать земли терюшевской мордвы. Поэтому в 1699 г. из Москвы последовала новая грамота, требо-

вавшая от помещиков, чтобы они прекратили нападения на мордву в Терюшевской волости, ибо они стали слишком частыми и приводят даже к убийствам. Это, отмечалось в грамоте, очень затрудняет исправное несение повинностей мордовскими крестьянами Терюшевской волости[7].

Однако и этот строгий приказ не очень-то испугал местных помещиков. Они продолжали захватывать земли у крестьян, что вызывало протест с их стороны. В октябре 1699 г. мордовские крестьяне д. Березники Терюшевской волости подали челобитную, в которой сообщали, что помещик Видов со своими крестьянами неоднократно нападал на их земли и при этом дело доходило до насилий. Так, однажды Видов напал со своими людьми на мордовских крестьян и «...Ивашку Мартемьянова и Андрошу Федорова били и саблей рубили»[8]. Результатом таких действий помещика был захват части крестьянской земли. Видову удалось захватить около 30 дес. земли и засеять их.

Как видно, вторая половина XVII в., точнее, последняя четверть его, была временем все более увеличивающегося наступления феодалов на землю мордовского крестьянства, временем все более расширявшихся захватов его земли.

Еще более усиливаются помещичьи захваты земли у крестьян Мордовии в начале XVIII в. В это время во многие районы России, в том числе и в Мордовию, хлынули русские помещики, которые поспешили захватить земли, еще остававшиеся в руках крестьян. Используя царские пожалования, они отбирали себе лучшие земли, сгоняя с них крестьян. В результате к середине XVIII в. на территории Мордовии появляются крупные владения Головиных, Гагариных, Давлеткильдеевых и других дворянских фамилий.

Захват земли феодалами вызывает ответные действия со стороны местного крестьянства, которое упорно отстаивает свои земли от посягательства. В 1700—1702 гг. между татарскими мурзами и мордовскими крестьянами д. Трускляй и Сидоровой Саранского уезда происходили постоянные столкновения из-за земли, расположенной по р. Инсар. Мурзы стремились присвоить эти земли, а крестьяне в свою очередь доказывали, что эта земля принадлежит им исстари. На этих землях неоднократно происходили стычки. Поэтому в 1706 г. мурзы обратились к властям с просьбой провести межевание земель и закрепить их за ними. В свою очередь мордовские крестьяне ряда деревень Саранского уезда обратились с челобитной, в которой писали, что мурза Бачеин, пожалованный в Саранском уезде на порожжих землях, на самом деле повел дело к захвату их земель[9].

Борьба мордовского крестьянства против захвата его

земель помещиками достигала иногда такой остроты, что правительство было вынуждено вмешиваться в нее. Само собой разумеется, что царизм в абсолютном большинстве случаев поддерживал помещиков и, используя свою власть, заставлял крестьян согласиться с потерей своей земли.

Ярким примером было дело между крестьянами, принадлежавшими царевичу Арчилу Вахтанговичу и жившими в Терюшевской волости ясачными крестьянами. В 1710 г. крестьяне этой волости, отданные Арчилу, постоянно сталкивались с ясачными мордовскими крестьянами. Последние свозили рожь с засеянных ими полей, выгоняли с земли помещичьих крестьян. Тогда владелец земли обратился с жалобой на них. В дело вмешалась местная администрация и в конце концов под давлением властей ясачные мордовские крестьяне вынуждены были принять то размежевание земли, которое предложил помещик. В межевой записи было оговорено, что ясачные крестьяне не будут добиваться переделов. В противном случае они должны будут уплатить неустойку в 100 руб[10].

Такие захваты помещиками крестьянских земель наблюдались во всех уездах Мордовии и были явлением постоянным. Так, в 1712 г. крестьяне князя П. А. Голицына захватили часть земли у крестьян с. Шагаева Саранского уезда и засеяли ее[11].

Как уже отмечалось, захваты земли у мордовских крестьян помещиками вызывали недовольство у народа. Крестьяне поднимались на борьбу за землю, оказывая упорное сопротивление захватчикам. Нередко помещики встречали решительный отпор со стороны крестьян, а поэтому борьба за землю носила затяжной характер. Стремясь сломить их сопротивление, помещики прибегали к самым жестоким мерам, организовывали вооруженные нападения на мордовских крестьян, которые в ряде случаев оканчивались жертвами. Ярким примером тому является история борьбы за землю между крестьянами с. Пеля Саранского уезда и помещиками Аникеевыми.

В 1712 г. крестьяне помещика Аникеева захватили часть земли у крестьян мордовского с. Пеля и отпахали себе часть поля, засеянного ими рожью. Крестьяне с. Пеля захватили нескольких из них и на допросе выяснили, что они действовали по приказу своего барина. Однако сопротивление крестьян не умерило захватнических аппетитов помещика. В 1714 г. крестьяне с. Пеля вновь жаловались, что «помещиков крестьяне насильством своим завладели и вспахав, посеяли их с. Пели землей ржаным и яровым хлебом, многое число и ныне на тех их землях крестьяне рожь и овес жнут и себе увозят».

Сопротивление крестьян заставило Аникеева пойти на крайние меры, которые принудили бы их согласиться с потерей земли. Поэтому он произвел настоящее вооруженное нападение на мордву. Осенью 1714 г. крестьяне с. Пеля сообщали, что 17 августа этого года крестьяне Аникеева «...собрався многолюдством и согласясь старцем, который пострижен в Гуляяве пустыне с Сергеем Аникеевым, наехав на нас с пищалями и рогатины и с саадаки, били нас и из пищалей и из луков, по нас стреляли,а именно: на тех спорных землях бил нас монах Полянской пустыни Сергей Аникеев, потому, что он, Сергей, оставя свой монашеский чин выезжал на ту на нашу землю верхом на лошади с пищалью и с луком, с стрелами и бил из своих рук чуть ли не до смерти и от тех побой многие наши братья крестьяне помрут»[12]. Несмотря на всю беззаконность такого нападения, не предприняли никаких мер против помещиков.

Подобными методами приобретения земли пользовались и другие помещики. Так, в августе 1714 г. крестьяне д. Лемдяй Саранского уезда в своей челобитной сообщали, что на них было совершено нападение помещичьих крестьян, когда они находились в своих бортных уходаях. Во время нападения «мордву били и увечили». Результатом этого было изгнание мордовских крестьян с ранее принадлежавших им земель[13]. В 1715 г. крестьяне с. Теньгушева обратились к властям с челобитной, в которой говорилось о том, что помещик Прокудин незаконно захватил у них землю. Ссылаясь на писцовые книги, крестьяне указывали, что захваченная помещиком земля исстари принадлежала им[14]. Однако и на этот раз власти не сделали ничего для того, чтобы защитить крестьян.

Уже в начале XVIII в. захват крестьянской земли помещиками на территории Мордовии стал заметным явлением.

Не менее интенсивно шел процесс захвата помещиками крестьянской земли и в 20-е годы XVIII в. Укреплялась власть самодержавия и усиливалось господство дворянства. Их стремление расширить барскую запашку находило выражение не только в сокращении землепользования своих собственных крестьян, но и в насильственном захвате земель крестьян соседних.

Крестьяне, отстаивая свою землю от посягательств помещиков, нередко оказывали серьезное сопротивление захватчикам. Так, в 1720—1721 гг. между крестьянами с. Говорова Саранского уезда и князем П. А. Голицыным разгорелась тяжба из-за земли, ибо помещик насильственно захватил у них несколько луговых участков. Однако последние не признали этого захвата и обратились в суд.

Когда же судьи отказали крестьянам в их иске, то они силой ворвались на луга, разогнали помещичьих косцов и сами, скосив сено, отвезли его домой[15].

В 1736 г. крестьяне с. Ждановка Саранского уезда «собрався в немалом числе с разным дрекольем», прогнали крестьян помещицы Бельской с земли. Они заняли это поле и заявили, что оно принадлежит им[16].

Встречая организованное сопротивление крестьян, помещики изыскивали различные пути для того, чтобы сломить его. В этой борьбе немалую роль играла и слабость крестьянского хозяйства. Маленькие урожаи, значительные государственные налоги, повинности — всё это подрывало и без того слабое крестьянское хозяйство. Нехватка денег, семян, продуктов питания заставляли крестьян идти на поклон к помещику, занимать у него деньги. Этим-то и пользовались помещики, заставляя крестьян фактически за бесценок продавать свои земли.

В июле 1723 г. крестьяне с. Давыдова Саранского уезда «за всеконечною своею нуждою и за недородом хлеба, и в платеже податей» продали свои земли по р. Умысу за 10 руб. В документе о продаже крестьянами земли говорилось: «И впредь нам, Арзамаске с товарищи до той отданной земли дела нет и в нее не вступать и убытки никакие не чинить»[17]. Как видно, под маркой «законной» сделки произошло настоящее ограбление крестьян.

В 30—60 гг. XVIII в. при помощи самых разнообразных средств помещики отбирают у крестьян землю. Многочисленные челобитные рисуют картину самого беззастенчивого грабежа дворянами крестьянства.

В июле 1756 г. приказчик помещицы Нестеровой Саранского уезда Лукьянов «собравшись многолюдством человек со сто или более, приехав в крепостные наши дачи близ деревни Пырхляй по речке Пырхляй и по прочим угодьям сено скосил стогов на сорок самовольно и в том собрании крестьян били дубьем, с рогатины и с косами и показанный приказчик с ружьем и с палашом своим озорничеством приводя нас в страх, дабы мы ему сенокос косить помешки не чинили и сверх того похвалялся ржаной посеенный наш хлеб таким же собранием сжати и свезти к себе хотел»,— писали крестьяне об этом случае захвата земли.

Владелец с. Константиновки Краснослободского уезда С. Смагин в 1768 г. захватил земли крестьян с. Козловки и для доказательства своих «прав» на эти земли, «Смагин канцеляриста Львова... возил ночным временем с фонарями и чтоб тот отказ удобно совершиться мог, для того сторон-

них людей, в том числе 6 попов, поминаемый Смагин избирал по своему хотению и напоив пьяными, принудил при том отказе засвидетельствовать и подписатца лично, якобы за рекою Инзарою покосы состоят во владении его, Смагина,— писали крестьяне об этих действиях захватчика. Челобитная крестьян в Саранский уездный суд имела для них неутешительный результат. Судьи нашли действия помещика законными, а с крестьян за «озорство» был взыскан штраф в 30 руб. и судебная пошлина в 3 руб. После этого решения суда Смагин окончательно распоясался. При содействии воеводы им были пойманы несколько человек мордвы из с. Козловки. Они были посажены в тюрьму, где при помощи пыток их заставили подписать документ о принадлежности земель, отнятых Смагиным, ему самому[18].

Таким образом, во второй половине XVII—XVIII вв. борьба между помещиками и крестьянами на территории Мордовии достигла значительной остроты. Стремясь захватить крестьянские земли, помещики, поддерживаемые самодержавием, прибегали к самым разнообразным методам — от «законных» захватов до вооруженных нападений. В свою очередь крестьяне оказывали упорное сопротивление.

Другим элементом аграрных отношений была борьба за землю внутри класса феодалов. Дело в том, что на территории Мордовии в XVII—XVIII вв. были земли феодалов разного ранга: от служилых людей — мелкопоместных феодалов до очень крупных, владевших тысячами десятин земли и сотнями крепостных. Более крупные феодалы в стремлении расширить собственные владения сталкивались не только с крестьянами, но и со своими собратьями по классу. Результатом всего этого и были неоднократные конфликты из-за земли.

В ноябре 1650 г. темниковские служилые люди Елиамет Мурза Агишев и Аослан Мурза Байков заявили, что еще в 1644 г. им был выделен земельный участок по р. Акселе в Темниковском уезде. Однако в 1649 г. на эту же землю предъявили претензии и служилые татары Косай Дасаев, Сюндюк Сюнчелеев, которые заявили, что эта земля ещё ранее принадлежала им, а следовательно, Агишев и Байков получили чужую землю. В соответствии с челобитной темниковский воевода С. А. Наумов направил на спорный участок межевщиков, которые и произвели размежевание.

Однако на этом дело не закончилось. В 1654 г. Сюнчелеев обратился к воеводе Ф. И. Философову с новой челобитной, в которой писал, что «владеет тот Елиамет-Мурза их старинною крепостною землею, пятнадцатьми четьми

да сенными покосы ста копнами на диком поле за Малым Оксёлом да сенными покосы под деревней Пласковою своим насильством тому ныне осьмой год». Одновременно Сюнчелеев представил выпись из писцовых книг 1645 г. Однако при рассмотрении этого документа оказалось, что в нём нет никаких указаний на те земли, на которые он претендовал. Исходя из этого воевода решил отказать Сюнчелееву в его иске[19].

Нередко одни феодалы, стремясь захватить земли других, использовали самые разнообразные способы. Они даже не брезговали, пользуясь отсутствием на месте по каким-то причинам владельцев, вторгаться в чужие владения и захватывать часть принадлежавшей им земли. В 1675 г. служилый человек Тоишка Кильмометов жаловался на то, что во время его пребывания на Дону в 1674 г. мурза Еникеев «с крестьяны покосили насильством Шукетровское поле». Когда жена Кильмометова заявила захватчикам, что эти покосы принадлежат её мужу, она была так избита, что через две недели умерла. Влияние Еникеева было так велико, что когда власти повели следствие, то опрошенные заявили, что они о том не знают[20]. Дело закончилось тем, что земли, которые захватил Еникеев, остались за ним.

Стремление к захвату помещиками чужих земель, как уже отмечалось, неоднократно выливалось в настоящие вооружённые нападения на соседей. В этом случае нападавшие наносили довольно серьёзный ущерб потерпевшим. Во время таких нападений нередко вытаптывался хлеб, уничтожалось сено и т. п. Урожай свозился с полей соседа в свои амбары. Так, в 1662 г. на земли служилого человека И. Фомина его соседом Ф. Зюзиным было совершено нападение, в результате которого с его полей было свезено несколько возов ржи.[21].

В 1693 г. темниковцы Аюкай и Баркай Бакшеевы обратились к властям с челобитной, в которой писали, что С. Кожевников и И. Земщиков совершили несколько нападений на их сенокосные угодья и «своим насильством свезли с их сенных покосов» 305 копен сена[22].

Борьба за землю внутри господствующего класса на территории Мордовии значительно усилилась в XVIII в. Падение роли служилого элемента приводит к тому, что царское правительство всё более активно поддерживает крупных помещиков, у которых развязываются руки для проведения своих земельных операций. Мелкое же и мельчайшее служилое землевладение все более распадается. Часто, лишенные необходимых денежных средств, бывшие

служилые люди вынуждены были занимать деньги у своих более богатых соседей или продавать им землю. Таким положением не замедлили воспользоваться состоятельные помещики, которые либо ссужали деньги своим более бедным соседям под залог земли, либо прямо скупали ее.

Поэтому в XVIII в. борьба за землю в рядах самих дворян приобретает весьма острый характер.

Так, в 1728 г. А. Аросланов продаёт А. Мокшубееву свою поместную землю в Темниковском уезде размером в 48 дес.[23]. В 1743 г. Воронцовы за 7 тыс. руб. приобрели у В. Бессонова большое имение, с. Спасское с 1075 душами крестьян[24].

Наряду с такими «законными» операциями, некоторые помещики продолжали захваты земли у своих собратьев по классу. Судебные документы XVIII в. содержат большое количество дел, посвященных захватам земли одними помещиками у других. Так, в 1712 г. И. К. Мартынов захватил земли, принадлежавшие Андрею и Григорию Огаревым в Саранском уезде. Захваченную землю его крестьяне запахали и засеяли[25].

При этом помещики неоднократно используют для захвата чужой земли своих крестьян, которые нападают на соседей. В 1741 г. управляющий помещика Субботина подал челобитную о том, что «разные помещиковы крестьяне завладевают (землей.— А. К.) насильством своим и хлеб сеют и сено косят и грани все повырывали». Поэтому он просил, чтобы воеводская канцелярия приняла меры и оградила его господина от нападений на принадлежавшую ему землю[26].

Следует заметить, что такое привлечение крестьян помещиками для своих захватов кроме всего прочего позволяло последним вносить разлад в среду крестьян, мешало объединению для совместной борьбы против эксплуататоров.

Таким образом, в XVII—XVIII вв. в Мордовии идёт довольно острая борьба за землю между помещиками, формы и методы которой были самыми разнообразными. Но нужно отметить, что это была борьба между представителями одного класса, феодалами. В том случае, когда феодалы вели борьбу против крестьян, их общие интересы брали верх и они, отбросив свои несогласия, единым фронтом выступали против крестьянства.

Кроме этих направлений борьба за землю на территории Мордовии имела ещё один аспект — борьбу светского и духовного землевладения.

Духовное, и в первую очередь монастырское, землевладе-

ние рано проникло в Мордовию. Еще во второй половине XVI в. русское правительство в целях христианизации мордовского населения создаёт здесь православные монастыри, которые с первых же шагов своей деятельности начали захватывать земли у мордовского крестьянства. В середине XVII в., когда в Мордовии выросло количество светских землевладельцев, монастыри довольно часто начинают вторгаться в их владения. Это вызывало неоднократные споры между монастырями и светскими землевладельцами.

Так, в 1693 г. Санаксарский монастырь в своем челобитии сообщал, что темниковские служилые люди Добрынка Нефёдов и Даниил Дмитриев «с товарищи» в течение долгого времени ведут тяжбу с монастырём. В конце концов они перешли к более решительным действиям в отношении монастырской братии. «Они сено косят и к себе возят насильством своим»,— сообщалось в монастырской челобитной. Попытки монастырской администрации заставить служилых людей отказаться от борьбы против монастыря ни к чему не привели. «Он же, Добрынка с товарищи, хвалятся и впредь сено монастырское косить и к себе возить насильством же своим»,— жаловались челобитчики. Лишь вмешательство верховной власти помогло монастырю закрепить за собой спорные земли[27].

Упорная борьба дворянства за землю велась и против Саровского монастыря. Основанный в начале XVIII в., этот монастырь очень скоро стал создавать свои земельные богатства. В процессе расширения своих земельных владений монастырь сталкивался не только с крестьянами, но и с феодалами. Пути концентрации земель в руках монастыря были различными — вклады на помин души, дарения, земельные тяжбы с соседями, покупка земли и т. п. Все эти средства монастырь использовал очень широко.

Так, за первые 20 лет XVIII в. Саровский монастырь совершил покупки 98 земельных участков у своих соседей и в первую очередь у служилых людей Темниковского уезда[28]. В 1717 г. он купил землю у мурзы Сенбаева, в 1719 г.— у Уразметова, в 1720 г.— у кн. Разгильдеева, в 1721 г. он приобрёл землю у Умряк-мурзы[29].

В феврале 1714 г. новокрещенный П. Ф. Алдяров продал Саровскому монастырю свою вотчину «бортный ухожай и черный лес с сенными покосы и с рыбными ловлями и со всякими угодьи» за 20 руб[30].

Однако не одни эти «законные» операции были в арсенале монастырской братии. Монахи не брезговали и такими методами, которые приводили их к столкновению с соседями. В 1718 г. к Петру I обратились с челобитной потомки окольн-

ничьего Леонтьева, которые писали о том, что с. Кременки ранее принадлежало им и они «леса расчищали и пашни распахивали и луга раскашивали». Потом, воспользовавшись трудным положением Леонтьевых, Саровский монастырь захватил часть их земли. Поэтому они просили царя заступиться за них и возвратить им землю. Рассмотрев эту просьбу, царь дал распоряжение А. Д. Меншикову возвратить землю Леонтьевым, отобрав её у Саровского монастыря[31].

Но отдельные неудачи не обескураживали настойчивых в расширении своих земель монахов. Они продолжали выискивать всевозможные пути для того, чтобы округлить свои земельные владения даже за счёт своих соседей-помещиков. В 1731 г. помещик В. С. Полоченинов обратился с жалобой на то, что монахи Саровского монастыря захватили часть его земли и «тою землёю владеют самовольством». В свою очередь последние подали челобитную, в которой писали, что они купили эту землю у мурз, и ни в какие владения Полоченинова не вторгались. В конце концов саровской братии удалось доказать, что Полоченинов не прав, предъявляя им претензии, а поэтому землю, которую монастырь приобрёл, суд оставил за ним[32]. Вскоре игумен Саровского монастыря обратился к императрице Анне Ивановне с просьбой закрепить за монастырём принадлежащие ему земли, ибо они «расчищали леса своими трудами на пустых землях» и кроме того, эта земля была приобретена братией в законном порядке[33].

В 1763 г. разгорелся спор Саровского монастыря с помещиком Наумовым. На земли, расположенные по р. Сатису, предъявил претензии Наумов, который доказывал, что он купил эти земли у прежних их владельцев и что монастырь стремится присвоить их себе незаконно. Со своей стороны монахи выставили встречный иск, доказывая, что продавец земли Умранчеев, не имел права продавать землю Наумову, поскольку он еще раньше, в 20-х гг. XVIII в., продал её монастырю. Во время следствия по этому делу были предприняты поиски документов в архиве. В ходе него было выяснено, что, действительно, в 20-х гг. XVIII в. Саровский монастырь приобрел у мурз указанные земли. Поэтому в конце концов саровские монахи выиграли своё дело.

Однако ничто не могло заставить помещиков отказаться от сопротивления монастырю. Они понимали, что его действия затрагивают их кровные интересы и оказывали упорное сопротивление захватническим устремлениям саровской братии. Сохранилось немалое количество документов XVIII в., рисующих картину упорной борьбы между Саровским монастырём и окрестными помещиками.

В 1726 г. Саровский монастырь обратился с челобитной к Екатерине I, в которой жаловался на то, что соседние помещики неоднократно натравливали своих крестьян на монастырь. Кроме того, как жаловались монахи, помещики захватывают землю, принадлежащую монастырю и запахивают ее, строят здесь либо мельницы, либо что-нибудь другое[34].

Такая же борьба развернулась и в последующее время. Помещики и монастыри стремились к тому, чтобы удержать за собой то, что находилось в их руках. В 1746 г. происходила тяжба Саровского монастыря с кн. Шаховским. Князь в своей жалобе в воеводскую канцелярию сообщал, что он в районе с. Кременок приобрел землю. Однако Саровский монастырь не допустил его людей к размежеванию, считая эти земли своими. Со своей стороны Саровский монастырь, ссылаясь на то, что он купил эту землю еще раньше, объявил эту сделку недействительной. Лишь в 1749 г. монастырь и Шаховской пришли к полюбовному соглашению о разделе земли[35].

В 1747 г. между монастырём и рядом владельцев разгорелся спор из-за земли. Саровский монастырь предъявил претензии на д. Михайловскую, считая ее своей. Однако владелец ее кн. Тенишев заявил, что эта деревня была им куплена у одного из мурз уже давно и предоставил соответствующие документы. Дело было передано в Вотчинную канцелярию, которая встала на сторону Тенишева[36].

Не ограничиваясь лишь судебными тяжбами с Саровским монастырем, соседние помещики неоднократно направляли своих крестьян на захват земли у монастыря. Так, в 1767 г. Саровский монастырь обратился в воеводскую канцелярию с жалобой на то, что крестьяне помещика Угрюмова «завладели силою монастырской землёй» и рядом монастырских угодий[37].

Острота борьбы между Саровским монастырём и соседними с ним помещиками дошла до того, что в нее вынуждена была вмешаться центральная власть, которая попыталась положить предел захватническим устремлениям монастыря. В 1768 г. Коллегия экономии вынуждена была специально направить Саровскому монастырю грамоту, в которой указывалось, что монастырь достаточно часто совершает незаконные захваты земли у своих соседей-помещиков. Монахи, говорилось далее в грамоте, «во время крестьянских в летнее время работ проезжают через их (помещиков.— А. К.) земли, топчут их посевы, пускают лошадей, подают в городах челобитные, призывают к судам, ищут разных исков». Поэтому Коллегия требовала от монастыря жить в мире с помещиками и не стремиться присваивать их владения[38].

69538

БИБЛИОТЕКА
МОРДОВСКОГО
Научно-исслед... ьского

Таким образом, в XVII и особенно в XVIII в. между монастырем и светскими помещиками-землевладельцами развертывается упорная борьба, целью которой является захват возможно большего количества земли. Объектом ее было прежде всего мелкое дворянское землевладение. Пользуясь своими денежными богатствами, монастыри, и в первую очередь Саровский монастырь, ведут интенсивную скупку земли у своих соседей-помещиков, тем самым округляя свои владения. Эти-то захватнические устремления монастырей и встречают упорное сопротивление помещиков, усматривавших в монастырской братии своих опасных конкурентов. Но хотелось бы еще раз подчеркнуть, что это направление борьбы за землю было борьбой в рамках одного класса, борьбой за перераспределение земли внутри класса феодалов, которая в определённой мере ослабляла его, но не вела к антагонизму.

Упорная борьба за землю развернулась между монастырями и местным крестьянством.

Эта борьба имеет для Мордовии достаточно давнюю историю. Еще во второй половине XVI в., когда русский царизм стремился закрепиться в Среднем Поволжье, одним из моментов этого было создание здесь монастырей и христианизация местного населения. Создаваемые монастыри получали землю и в дальнейшем, стремясь расширить свои владения, переходили к захвату земли у мордовского крестьянства. На этой почве между монастырями и окрестным мордовским населением развёртывалась упорная борьба за землю.

Во второй половине XVII в., когда натиск разного рода феодалов на крестьянские земли еще более возрос, крестьяне оказались в трудном положении. Им приходилось отстаивать свои земли от посягательств со стороны дворян-помещиков, а также со стороны монастырской братии, которая за делами небесными не забывала и о делах мирских и даже в ряде случаев своей алчностью к чужому добру сумела перещеголять дворян. В такой ситуации крестьяне вынуждены были бороться на два фронта. Выступая против помещиков, они упорно отстаивали свои земли и от посягательств со стороны монастырей.

Наиболее упорной была борьба крестьян против Саровского монастыря, проявившего большую прыть в захвате крестьянских земель. Вся первая половина XVIII в. прошла для этой обители в борьбе за крестьянские земли, которые монастырь стремился присоединить к своим владениям.

Пользуясь различными методами, от покупки до прямого захвата, монастырь настойчиво округляет свои владения.

Объектом его действий были в первую очередь крестьяне. В ответ на это последние оказывали монастырю упорное сопротивление. Они обращались в суд, требуя возврата своих земель, подавали челобитные на имя представителей власти, а иногда, когда убеждались в том, что они ничего не хотят сделать для восстановления справедливости, переходили к вооруженному сопротивлению захватчикам.

Наиболее ярким из дел о борьбе крестьян против Саровского монастыря является выступление крестьян сел Старого и Нового Алемасова Темниковского уезда, которое тянулось с середины 60-х до середины 80-х гг. XVIII в.

В 1767 г. Саровский монастырь обратился с челобитной к Екатерине II, в которой сообщал, что крестьяне с. Старого и Нового Алемасова «без всякого от нас, пустынножителей дозволения в дачах пустыни рубят всякий лес и воровски в бортях выжигают пчёлы с мёдом». Монахи также сообщали, что крестьяне самовольно ловят рыбу в озерах и совершают нападения на монахов и монастырских работников. Отвечая на монастырское челобитие, императрица дала монастырю грамоту, запрещавшую крестьянам их действия под угрозой штрафа в 5 тыс. руб[39].

Однако крестьяне не примирились с этим решением и в мае 1768 г. сами обратились с челобитной на имя Екатерины II. Они указывали, что еще в 1697 г. при составлении дозорных книг им были выделены земли, но в 1705 г., когда создавался Саровский монастырь, монахи захватили у них землю. В дальнейшем монастырь округляет свои владения и вместе с другими захватывает еще часть их земель. Когда в 1731 г. из Арзамасской воеводской канцелярии прибыли представители для проверки прав монастыря на земли, то они не сделали ничего для того, чтобы отобрать у монахов несправедливо отторгнутую у крестьян землю. После этого монастырь продолжал захваты и более того, монахи «построенныея на речке Сарм две мельницы захватили». В 1765 г., после челобитной крестьян, из Воронежа прибыл коллежский асессор Житков, который установил, что монастырь владеет землями без соответствующих документов. Он предложил монастырю возвратить землю крестьянам. Однако монахи не посчитались с требованиями чиновника и продолжали владеть ею. Теперь крестьяне в своей челобитной просили восстановить справедливость.

В июне 1768 г. по распоряжению воронежского губернатора А. И. Маслова из Шацкой провинциальной канцелярии был направлен вахмистр Шанев, который дол-

жен был добиться, чтобы крестьяне дали подписку о прекращении тяжбы с монастырем. Однако первая попытка властей добиться от крестьян такого документа кончилась для них неудачей. Крестьяне отказались дать такую подписку. Тогда Шанев был вторично направлен в эти деревни. Он имел предписание любыми средствами заставить крестьян выполнить требование губернатора. В конце концов под угрозами крестьяне дали обязательство «о нечинении Саровской пустыни с монашествующими в рыбных ловлях ссор и драк»[40].

Не ограничиваясь только этим, монастырь сумел добиться от крестьян того, что они 1 июля 1769 г. подписали договор, согласно которого они обязались не вступаться в земли, отнятые у них[41].

Не менее упорной была борьба монастырей с горожанами и посадскими людьми. Особенно упорную борьбу с жителями Темникова пришлось выдержать Санаксарскому монастырю. В ответ на захватнические действия монахов они оказали упорное сопротивление, которое вылилось в целый ряд столкновений монастырских служителей и монахов с горожанами. Здесь даже монастырь вынужден был искать защиты от горожан со стороны местных властей.

В мае 1696 г. настоятель Санаксарского монастыря Исакий в челобитной на имя Петра I жаловался на темниковских посадских людей, что они «половили в монастырских наших водах (рыбу.— А. К.) на 30 руб. и впредь тем нашим монастырским рыбным ловлям и сенным покосам... хотят владеть и сено косить насильством и во владении чинятся сильны». В июне этого же года вновь последовало челобитие Исакия о ловле посадскими людьми рыбы в монастырских водах. После этого воевода Ю. Б. Бибиков начал розыск. Темниковский посадский человек Т. С. Смирнов сообщил, что горожане ловят рыбу и косят сено не во владениях монастыря, а, наоборот, «та Санаксарская пустынь поставлена на Мокше, на реке на нашей же оброчной воде рыбной ловли, а мы тою водою владеем по старине» [42].

Вмешательство воеводы не прекратило борьбы горожан Темникова с Санаксарским монастырем. В 1697 г. у Санаксарского монастыря происходит новое столкновение с темниковцами. Посадские люди занимают находившиеся под городом сенные покосы и рыбные ловли, считая их своими. Когда же монахи прибыли на место, чтобы защитить свои земли, то один из них был горожанами избит. Посадские люди, «собрався многолюдством, пришед на-

рядным делом: дубьём и с топоры и с умыслом, хотя нас, богомольцев, побить до смерти и братью из монастыря изгнать и насильством своим и смертным убийством своим, хотят разорить и без братьи учинить впусте»,— жаловались монахи[43]. Тем самым посадские люди, видя в монастыре одного из своих противников, вели с ним активную борьбу.

Таким образом, изучение борьбы за землю в Мордовии XVII—XVIII вв. позволяет выяснить несколько ее направлений.

Во-первых, борьба за землю развертывалась между помещиками и крестьянами. Стремясь увеличить свои владения, помещики самым беззастенчивым образом захватывали крестьянскую землю, а последние в свою очередь оказывали им упорное сопротивление. Это во многом и определяло остроту борьбы между ними.

Крестьянам приходилось выдерживать упорную борьбу не только против помещиков-дворян, но и против монастырей, которые рьяно наступали на их земли.

Другим направлением борьбы была борьба за землю внутри класса феодалов. Здесь уже дело шло о перераспределении земли внутри одного класса, а поэтому, несмотря на довольно упорный характер борьбы, она не приводила к столь резким столкновениям, как это было в борьбе между крестьянами и помещиками. Борясь против своих собратьев по классу, светских владельцев, помещики боролись против монастырского землевладения как своего конкурента в деле эксплуатации крестьян.

Такое переплетение поземельной борьбы делало обстановку в Мордовии XVII—XVIII вв. довольно напряженной и усиливало борьбу крестьянства против всякого рода эксплуатации.

Литература и источники

1. ЦГАДА, ф. 1156, д. 123, л. 4.
2. Документы и материалы по истории Мордовской АССР.— Саранск. 1940.— Т. II.— С. 171 (В дальнейшем: Документы и материалы.)
3. ЦГАДА, ф. 1167, д. 246, лл. 10—10 об.
4. Там же, д. 647, л. 14.
5. Там же, ф. 1156, д. 194, л. 6.
6 Документы и материалы.— Т. II.— С. 285.
7. Там же.— С. 292.
8. Там же.— Т. III.— Ч. II.— С. 289.
9. ЦГА МССР, ф. 2, л. 25—26.
10. Документы и материалы.— Т. III.— Ч. II.— С. 327.
11. Там же.— С. 332.
12. Там же.— С. 336—339.

13 ЦГА МАССР, ф. 2, д. 9, л. 1.
14 Там же, ф. 1, д. 32, л. 15.
15 Документы и материалы.— Т. III.— Ч. II.— С. 382—387.
16 ЦГА МАССР, ф. 5, д. 9, л. 4.
17 Там же, ф. 2, д. 8, л. 12.
18 Документы и материалы.— Т. III.— Ч. II.— С. 343—344.
19 Там же.— Т. I.— Ч. II.— С. 256—262.
20 ЦГАДА, ф. 1167, д. 571, л. 1—2.
21 ЦГАДА, ф. 1120, д. 27, л. 3—4.
22 ИТУАК.— Вып. XXI.— С. 68—69.
23 ЦГАДА, ф. 585, д. 37, лл. 182—185.
24 ГИМ, ОПИ ф. 14, д. 3276, л. 16.
25 Документы и материалы.— Т. III.— Ч. II.— С. 333—334.
26 Там же.— С. 370.
27 ИТУАК.— Вып. XXXIV.— С. 170—171.
28 Подсчет на основании ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 33, лл. 1—27.
29 ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 1, 30, 43.
30 Документы и материалы.— Т.— III.— Ч. II..— С. 335—336.
31 ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 38, лл. 1—6.
32 Документы и материалы.— Т. III.— Ч. II.— С. 346—358.
33 ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 58, лл. 9—10.
34 Там же, оп. 2, д. 1, лл. 10—12.
35 Там же, оп. 1, д. 95, лл. 1—27.
36 Там же, д. 21, лл. 1—12.
37 Там же, д. 160, лл. 1—4.
38 Там же, д. 19, лл. 11—15.
39 Там же, д. 156, лл. 5—6.
40 Документы и материалы.— Т. III.— Ч. II.— С. 375—381.
41 ЦГА МАССР, ф. 1. оп. 1, д. 75, л. 33.
42 Документы и материалы.— Т. III.— Ч. II.—С. 282—284.
43 ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 68, лл. 8—10.

В. А. Юрченков

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КРЕСТЬЯНСТВА МОРДОВИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII—XVIII ВВ. (НА ПРИМЕРЕ С. ЛОБАСКИ)

Исследование истории крестьянства Мордовии включает в себя рассмотрение всей совокупности элементов его социально-экономического развития, форм и методов классовой борьбы, изменений демографического плана, чему в значительной степени посвящены работы обобщающего характера [1]. Однако оно предполагает и конкретно-историческое изучение процесса возникновения и развития отдельных сел и деревень, первые опыты которого уже имеются[2]. Основываясь на этом, обратимся к рассмотрению истории с. Лобаски (современный Ичалковский р-он) второй половины XVII—XVIII вв.

В XVI в. за службу по охране границ Российского го-

сударства многие феодалы получали на территории расселения мордвы земли. Развитию дворянского землевладения немало способствовала постройка в 1571 г. Большой засечной черты. Дворяне перевозили на пожалованные земли своих крепостных из центра России, верхневолжских уездов, теснили мордовское население. Под их давлением в XVI в., и особенно в первой половине XVII в., мордва отступала в область «дикого поля». Территория, где располагаются современные Лобаски, входила в его состав. Местность не была заселена. Владельцем этих земель было государство. Первое упоминание о Лобасках в бумагах приказного делопроизводства относится к 50-м годам XVII в. В феврале 1656 г. мордовский и бортничий голова Константин Дмитриев сообщал окольничему Федору Михайловичу Ртищеву о том, что с деревни Лабасковы собран медвяной оброк — 1 пуд и 20 гривенок. Он был отправлен в Москву вместе с мордвином Ливанзкой Мучкаевым, который доставил мед в государев Сытный дворец. Ежегодные отчеты о посылке меда из Лобасков встречаются вплоть до 1660 г[3]. Размер оброка свидетельствует о том, что селение было небольшим, и видимо, только возникшим. В 1677 г. писец Василий Киреев и подьячий Григорий Молчанов составили книгу бортничьих и мордовских деревень Арзамасского уезда. В этой переписи указывается на то, что первыми жителями села явились выходцы из деревень Старые Лобаски и Солдаманово. После к ним присоединились выселенцы из деревни Пели[4]. По местным преданиям и легендам, записанным в середине прошлого века, среди поселенцев были крестьяне из деревни Кочулово Саранского уезда[5]

Относительно названия села существуют несколько версий. Согласно первой в основу наименования положено мордовское слово «ломбамо», что означает «красивая, приятная местность»[6]. В основе второй лежит бытующее среди населения до настоящего времени мнение, что наименование села происходит от мордовских слов «ломба» и «ки» — «горькая, кислая дорога». От этой версии нельзя отмахнуться. Тем более, что соседнее село именуется Ташкино, а профессор М. Н. Коляденков не исключал происхождения этого топонима из сочетания «ташто ки» — «старинная дорога», «старинный тракт». Третья версия толкует слово «ломбамо» как «пресное», а изначальное наименование села — Ламбаськи как «пресненькое»[7]. Согласно четвертой версии это название является антропонимом мордовского происхождения. Его этимологию, вероятно, следует связывать с дохристианским именем Лам-

бась (Лобаска)[8]. На наш взгляд, эта точка зрения более всего соответствует истине.

Лобаскинские земли в начале XVII в. не были заселены, представляли собой пустошь, принадлежавшую государству. Освоение их встретило значительные затруднения. Ощущалась нехватка рабочих рук, доход земель был невелик. Видимо, поэтому от них было решено отступиться. Подобные случаи уже бывали. В том же Арзамасском уезде Тайный приказ в это же время отступился от неухоженных мордовских земель. В данных случаях, раздавая земли из дворцовых владений, государь-вотчинник поступался своими частновладельческими интересами в пользу класса феодалов в целом.

Последний раз в актах дворцового хозяйства Лобаски упомянуты в 1660 г[9]. Более село среди царских оброчных деревень не зафиксировано. Следовательно, в 1659 г. или же в 1660 г. оно было пожаловано царем Алексеем Михайловичем боярину Б. И. Морозову. Однако в документах боярского хозяйства Лобаски не упоминаются. На это были свои веские причины. Б. И. Морозов был заинтересован в освоении пустошных земель, однако остро ощущалась нехватка людей. Поэтому боярин, а затем и его наследники принимали, а иногда и сманивали к себе чужих крестьян и кабальных людей. Боярское влияние при дворе делало Б. И. Морозова порой всесильным. Не случайно среди лобаскинцев долгое время бытовало предание о том, что великий государь даровал боярину право спасать от преследования законов беглецов, если они селились на его землях[10].

Б. И. Морозов скончался в 1661 г. Вотчины его отошли за неимением наследников мужского пола вдове — Анне Ильиничне. В октябре — ноябре 1667 г. владения боярыни А. И. Морозовой по царскому указу были описаны. Арзамасские вотчины описывал П. Г. Огарев. В составленных им книгах среди вотчинных земель встречается упоминание Лобасков: «... ухожай за Алаторь-реку к Лабаскам»[11]. Анна Ильинична ненадолго пережила мужа. После ее смерти арзамасские вотчины в значительной степени наследовал ее отец, тесть царя И. Д. Милославский. После смерти последнего в 1668 г. земельные владения попали в разряд вымороченных и отошли в казну.

Подводя итоги первых лет существования села Лобаски, следует отметить, что оно возникло на рубеже 40—50-х гг. XVII в. Первыми жителями села были бежавшие из окрестных мест мордовские крестьяне. С пожалованием земель боярину Б. И. Морозову они попадали в орбиту

сложившейся феодально-крепостнической системы, каковой являлась боярская вотчина. К концу века статус жителей села изменился, они вернулись в казну. Место вотчинника заняла оформившаяся к этому времени абсолютная монархия.

Огромное прогрессивное значение для России имели преобразования петровского времени. Не было в стране такого уголка, который бы ни был затронут новыми веяниями.

В петровское время Лобаски входили в состав Починковской волости. Подати с населения поступали первоначально в различные приказы. В 1704 г. Петр I передал волость в распоряжение Семеновской канцелярии, сконцентрировав финансы в одних руках. 11 марта 1704 г. царь направил в Починковскую волость стольника князя С. И. Путятина, возложив на него сбор денег «с домовых пчельных заводов и с иноверных свадеб пошлинных, и вместе выводных и пропойных денег и с их мордовских керемет, и с мольбищ данных денег». Петру необходимы были денежные средства и вдогонку стольнику летит депеша, датированная 18 июля 1704 г. В ней указывается князю переписать домовые пчельные заводы и бортные ухожаи и, чтобы он «оброчные деньги, собрав, выслал в Москву... в скорых числах, не дожидаясь о том к себе впредь иного его указу»[12]. Сохранилась от 1704 г. книга сборов оброка с государственных крестьян Починковской волости. Относительно Лобасков в ней есть запись: «Деревни Лобасков с мордвы Леонтия Воинова з дву ульев, Жданки Нуясова с 1 улья, Проньки Малкина с 3-х ульев, Ошки Боктяшева с 4-х ульев, Данки Нуняева с двух ульев, Абрашки Артемьева с 4-х ульев, Елмешки Надежина со шти ульев, Мишки Овтяшева с 13-ти ульев, Андрюшки Устимова с 40 ульев, итого 75 ульев 3 рубли взято»[13]. Это свидетельствует, с одной стороны, о том, что переход в категорию государственных крестьян мало что изменил в положении жителей села. Мало того, их положение ухудшилось, так как государственная власть обложила налогом языческие свадьбы, керемети и т.д. С другой стороны, явно начинает прослеживаться расслоение среди жителей села, классовая дифференциация. Показателем этого является имущественное положение крестьян. А оно разное: у А. Устимова 40 ульев, М. Овтяшева — 13, а у Ж. Нуяксова только один. Село перестало быть однородным, его социальная структура усложнилась. Связано это было с развитием буржуазных связей в недрах феодальной системы хозяйства, с «новым периодом русской истории». Скла-

дывался всероссийский рынок, в товарный обмен оказывались втянутыми все, даже самые глухие, «медвежьи» углы страны. Руководителями и хозяевами этого процесса были купцы, торговцы[14]. Появились такие и в Лобасках. 24 ноября 1714 г. житель села Аношка Денисов купил в соседнем Алаторском уезде три кипы хмеля по 14 рублей кипа. Поручиком в торговой сделке выступал житель д. Қаласево Русяй Матвеев. А. Денисов продал хмель в Москве. 18 декабря 1714 г. мещанин с. Лобаски Лаптяй Смирнов купил три кипы хмельных шишек по 11 руб. кипа. Поручиком при купле был мещанин д. Васильевки Федор Васильев. Хмель продан также в Москве[15]. В книге Московской большой таможни за 10 марта 1726 г. есть запись о том, что мордвин с. Лобаски Кондратий Лаптев явил свою покупку в Алаторском уезде — 3 кипы хмеля шишечного по 8 руб. кипа. В Москве продал хмель за 54 рубля 31 алтын 4 деньги[16] (т. е. 54 руб 95 коп.). Таким образом, прибыль составила более 100 процентов. Вес в трех кипах составляет 78 пудов 20 фунтов. Следовательно, везли хмель в Москву на трех возах, т. к. на воз обычно клали по 20—25 пудов. В 1758 г. крестьяне сел Богоявленского и Лобасков Нестор Семенов, Яков Петров, Макар Никифоров совместно с товарищами из Ичалок и Кенди подрядились у саратовского купца Ивана Бабушкина поставить соль в Алатырь. При покупке они нарушили одно из государственных постановлений и по доносу купеческого приказчика обвинены в том, что соль купили воровски. По приказу саранского воеводы Гаврилы Каменецкого они были задержаны и содержались под стражей. Воевода договорился с крестьянами полюбовно, с каждого получив взятку в 95 руб. и отпустил[17]. Участие жителей села в торговых операциях не проходило бесследно. Менялся не только социальный облик села, менялись взгляды, психология жителей.

«То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник»,— так охарактеризовал А. С. Пушкин личность Петра I. С именем царя легенда связывает строительство в Лобасках шляпного завода[18]. Однако в перечне казенных мануфактур 1702 г. он не значится. Зато имеются указания о наличии в Починках подобного завода, построенного по указу адмиралтейства. Строили его крестьяне окрестных государственных сел, в том числе и Лобасков. Завод должен был выпускать 10 тыс. драгунских шляп в год. Продукция завода поставлялась в Москву, Воронеж, на Осередь. Везли ее приписные крестьяне, эти поездки зачислялись им в оброк[19]. Жители с. Лобаски, без сомнения, принимали

участие в работе этого казенного предприятия. Отзвук этих реальных событий мы и имеем в дошедшей до нас легенде.

В 1707 г. в Починках была организована поташная контора, села и деревни волости были переданы в ее ведение. По мнению П. Ф. Симсона, Лобаски были приписаны к поташным заводам ранее всех, одним из первых селений[20].

Положение приписных крестьян было чрезвычайно тяжелым. В 1756 г. «урок» рабочих починковских поташных заводов составлял 32 пуда золы на душу. Крестьяне были вынуждены бросать работы по хозяйству даже в страдную пору. Об этом они писали в своей жалобе: «... принуждены они поголовно и в самую рабочую пору, оставляя свою пашню, оную работу исполнять и на гарт возить»[21]. Управитель поташной конторы А. Чикин как-то признал, что администрация обращается с работными людьми, «как помещики со своими крепостными».

Первая половина XVIII в. характеризуется резким усилением фискального гнета. В 1718—1724 гг. подворное обложение было заменено подушной податью, которая оказалась гораздо тяжелее прежнего обложения. По подсчетам чиновников Починковской поташной конторы, многим плательщикам при новом налоге приходилось уплачивать в своих семьях за малолетних, старых и увечных подушный оклад в четырехкратном и даже шестикратном размере[22].

Усиление феодального гнета приводило к протесту, который проявлялся в самых различных формах. Одной из них явилась подача жалоб, челобитий. В начале 40-х гг. XVIII в. житель д. Дягилевка Зорька подал от имени лобаскинских крестьян жалобу на притеснения поташной конторы императрице Елизавете Петровне. Для ее разбора в село был направлен генерал Бибиков. В течение месяца шел прием жалоб. По прибытии в столицу генерал доложил о проведенном следствии. Виновные в злоупотреблениях были наказаны[23].

Сопротивление крестьян привело к тому, что производство поташа стало сокращаться. Надворный советник Ладыгин сообщал в Сенат о том, что управление приписными крестьянами затруднительно[24]. Однако не это послужило причиной свертывания производства. Просто к середине 50-х гг. XVIII в. оно стало нерентабельным. Лес, из которого производится поташ, был хищнически истреблен, и содержание заводов наносило убытки казне. Поэтому указом 18 сентября 1760 г. Сенат закрыл заводы «в отвращение напрасного великого и безвозвратного казен-

ного на содержание оной поташной конторы расхода»[25].

С закрытием заводов встал вопрос о судьбе приписанных к ним сел и деревень. Для ознакомления с положением дел в Починковскую волость Сенат направил поручика Яминского. В его докладной записке было отмечено, что ряд сел удобен для размещения в них конного завода. Среди этих сел поручик назвал и Лобаски. На основании доклада Сенат издал указ о передаче сел Починковской волости в ведомство лейб-гвардии конного полка. В указе говорилось: «По принятии оной Починковской волости с приписными к оным селы и деревни, помянутый конский завод из Малой России в удобное к приводу лошадей время вывесть без замедления»[26]. 21 сентября 1760 г. Сенат определил сборы с крестьян, приписанных к заводу: государственный подушный сбор — 70 коп. и помещичий дворцовый доход — 40 коп. с души. Однако уже 12 октября следует новый указ, увеличивающий оброк с 40 коп. до рубля. Лишь в феврале 1761 г. последовало разъяснение о том, что с крестьян, которые привлекаются полковой канцелярией на работы, добавочные 60 коп. не взыскиваются. Поборы тяжелым бременем ложились на лобаскинцев и жителей окрестных деревень. В 1769 г. они платили уже два рубля в год: дворцовых — 1 руб. 40 коп., на содержание завода — 60 коп.[27]

За счет жесткой эксплуатации крестьян царским чиновникам удалось быстро наладить хозяйство конного завода. По свидетельству горьковского историка Д. Н. Смирнова, «далеко неслась слава починковских коней. Нередко офицеры высших рангов группами приезжали из столиц выбирать себе двухлеток будущих строевых лошадей. На придворных манежных каруселях починковским верховым коням присуждались первые призы»[28]. В 1762 г. за заводом числилось уже 134 жеребца, 55 меринов, 469 кобыл, 22 подъемных[29].

В 1775 г. Сенат утвердил «Учреждения для управления губерний Российской губернии», на основе которых была проведена реформа местного управления. Игнорируя естественно-географические, исторические и национальные особенности, учитывая лишь численность податного населения, царское правительство провело новое разделение страны на губернии и уезды. Лобаски вошли в состав образованного Лукояновского уезда Нижегородской губернии.

Оброк, который платили государственные крестьяне с. Лобаски, постепенно и неуклонно увеличивался. Связано это было с развитием товарно-денежных отношений и ростом частновладельческого оброка. В конце своего цар-

ствования Екатерина II еще раз увеличила оброчную подать. В 1783 г. лобаскинцы платили оброк в размере 2 рублей. Всего с села взималось 342 руб. 40 коп. Кроме того, существовал дополнительный сбор (так называемая накидка) — по 2 копейки с рубля. С крестьян села она взималась в размере 18 руб. 83 коп[30]. Взыскивать эти деньги было поручено находившемуся в Починках ротмистру Граве.

В указе Сената 1784 г. отмечалось, что отчислений с собираемых платежей в фонд конного завода «на содержание оного и для укомплектования полка лошадьми весьма недостаточно». Здесь же наиболее полно перечислены обязанности и повинности, которые несли лобаскинцы и иные приписанные к заводу крестьяне. Помимо денежных сборов с каждой души в год взималось по 2 четверика овса, 10 снопов соломы. Крестьяне вносили 45 четвертей ячменя, 431 четверть муки или ржи, 45 четвертей круп. Кроме того, они скашивали сено с казенных лугов и полян и свозили его на конюшенный двор. При нехватке кормов запасы сена пополнялись за счет крестьянских сенокосов. Одновременно крестьяне использовались при ремонте конюшенного двора, каналов, прогонов, мостов и гатей, пострадавших от талой воды. Ежегодно выделялись люди для ухода за родившимися жеребятами. Крестьяне поставляли материалы для ремонта помещений и производили его. Крестьянская община назначала и людей, которые доставляли лошадей покупателям — их называли отводчиками. Нередко они находились в дороге по три-четыре месяца. Полковая канцелярия выделяла им на пропитание небольшие суммы денег. Кроме того, за счет крестьянского мира выделялись средства сверх этих сумм. Мир же выделял конюхов для завода: двух стадных, трех — первой статьи, тридцать пять — второй статьи. Все они находились при заводе и получали жалование. Крестьяне снабжали завод плотниками, печниками, кузнецами по мере надобности[31]. Учитывая малоземелье крестьян, частые неурожаи, колебания цен на рынке, перечисленные подати представляются довольно высокими. При этом следует помнить, что параллельно и неуклонно повышался государственный налог — подушная подать. В 1783 г. лобаскинцы платили 70 коп. с души. Всего же с села собиралось 599 руб 20 коп[32]. В 1794 г. подать повысилась до 1 руб. 2 коп. с души, а Павел I поднял ее до 1 руб. 26 коп.

В нашем распоряжении имеются данные, характеризующие демографические процессы, проходившие в селе во

второй половине XVIII в. Ревизия 1783 г. зафиксировала в Лобасках 856 душ. Это было второе по численности село Починковского округа. Оно уступало только Починкам, в котором насчитывалось 2292 души[33]. За двенадцать лет, по которым имеются сведения, с 1785 по 1797 год численность населения возросла. В селе зарегистрировано рождение 554 человек, умерло за это же время 168 человек. Более детальную картину дает таблица 1[34].

Таблица 1

Число регистраций	1785	1786	1787	1788	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796	1797	ИТОГО
Рождений	36	38	27	90	27	48	47	46	46	50	56	43	554
Смерти	16	17	—	15	9	14	10	13	18	28	11	17	168
Браки	12	7	15	10	20	22	10	12	7	15	6	29	165

К концу XVIII в. Лобаски превратились в один из наиболее крупных населенных пунктов, приписанных к лейб-гвардии конному заводу. Достаточно привести данные по соседним селам (Ичалки — 408 человек жителей, Покровское — 390, Усад — 387, Пеля — 366[35]), чтобы убедиться в значительной роли села в жизни края.

Таким образом, в XVIII в. положение жителей села было зависимо и неравноправно. Вплоть до середины века в качестве их непосредственного эксплуататора выступает Починковская поташная контора, которая ведает производством, представляющим собой остаток промышленности XVII в. со всеми присущими ей социальными особенностями. Затем ее место занимает лейб-гвардии конный завод.

Анализ истории социально-экономического развития села Лобаски в XVIII в. свидетельствует, что одна из категорий крестьян — государственные — занимала весьма своеобразное положение сравнительно с помещичьими крепостными. Без сомнения, она представляла один из элементов системы феодальных отношений, однако, складываясь и развиваясь в условиях усиливающегося товарно-денежного оборота, она вбирала в себя внутренне противоречивые

элементы. Государственные крестьяне испытывали воздействие различных противоборствующих тенденций экономического и политического плана.

Литература и источники

1 См.: Клеянкин А. В. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX века.— Саранск, 1974; Тюгаев Н. Ф. Крепостная деревня Мордовии в конце XVIII — первой половине XIX в.— Саранск, 1975.
2 См.: Клеянкин А. В. Земля отчая.— Саранск, 1969; его же. Отчий край.— Саранск, 1983; Герасимов А. И. Ромоданово.— Саранск, 1981; Шмырев Н. П. Троицк.— Саранск, 1982; Города и села Мордовии. Историко-экономический справочник.— Саранск, 1977.
3 РФ МНИИЯЛИЭ, И—15/251. л. 11—12, 24, 44, 47, 64—65, 87, 90, 92, 116, 120.
4 Гераклитов А. А. Арзамасская мордва. По переписным книгам XVII—XVIII вв.— Саратов, 1930.— С. 5, 114.
5 Нижегородские епархиальные ведомости.— 1 июля 1887 г. — № 13.— С. 670.
6 Там же.— С. 669.
7 РФ МНИИЯЛИЭ, И—640, л. 1.
8 Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР.— Саранск, 1979.— С. 108.
9 РФ МНИИЯЛИЭ, И—15/251, л. 120.
10 Нижегородские епархиальные ведомости.— 1 июля 1887 г.— № 13.— С. 670.
11 Хозяйство крупного феодала XVII в. Сбор. док.— Л., 1933.— Ч. 1.— С. 227.
12 Документы и материалы по истории Мордовской АССР.— Саранск, 1952.— Т. III.—Ч. II.— С. 15, 24—25, 29.
13 ЦГА МАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 510, 514; РФ МНИИЯЛИЭ, И—66, л. 129.
14 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 153—154.
15 ЦГАДА, ф. 829, оп. 1, д. 3, л. 155об., 169об.
16 ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 8, д. 32788, л. 226об.
17 Документы и материалы по истории Мордовской АССР.— Саранск, 1952.—Т. III.— Ч. II.— С. 243.
18 Нижегородские епархиальные ведомости.— 1 июля 1887 г.— № 13.— С. 673.
19 РФ МНИИЯЛИЭ, И—949, л. 39.
20 Симсон П. Ф. Поташное дело в Московском государстве на пороге XVIII в. II Журнал Министерства народного просвещения.— 1913.—№ 5— С. 36.
21 См.: Руткевич Н. П. Положение промышленных рабочих на территории Мордовии в XVIII и первой половине XIX в. // Записки МНИИ.— Саранск, 1951.— Т. 13.— С. 103.
22 Очерки истории Мордовской АССР.— Саранск, 1955.— Т. 1.— С. 147.
23 Нижегородские епархиальные ведомости.— 1 июля 1887 г.— № 13.— С. 674—675.
24 Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ).— Т. XV.— С. 515.
25 Там же.
26 Там же.— С. 513—514.

27 Документы и материалы по истории Мордовской АССР.— Саранск, 1939.— Т. III.— Ч. I.— С. 195—196.
28 Смирнов Д. Н. Очерки жизни и быта нижегородцев XVII—XVIII веков.— Горький, 1971.— С. 223.
29 Там же.— С. 225.
30 ЦГИА, ф. 557, оп. 2, д. 144, л. 516.
31 ПСЗ.— Т. XXII.— С. 61—66.
32 ЦГИА, ф. 557, оп. 2, д. 144, л. 519.
33 Там же, л. 516, 519.
34 Таблица составлена по данным: ЦГА МАССР, ф. 86, оп. 1, д. 1, л. 14—50об.
35 ЦГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 777, л. 101об.

Е. А. Кузнецова

АНТИФЕОДАЛЬНОЕ НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТЕМНИКОВСКО-КАДОМСКОМ РАЙОНЕ В 1670 ГОДУ

Крестьянская война под предводительством С. Разина глубоко потрясла царскую Россию, показав всю глубину противоречий между феодалами-крепостниками и широчайшими слоями русского народа. Одновременно она способствовала большей солидарности русского и нерусских народов, поднявшихся на борьбу против эксплуататоров.

Охватив большую территорию России, война в то же время создала ряд районов в стране, где антифеодальное народное движение развернулось с особой силой. Одним из них был Волго-Окский район. Пожалуй, ни один из уездов района не остался в стороне от борьбы. От Симбирска, Казани, Нижнего Новгорода до Тамбова, Шацка и Темникова действовали повстанческие отряды, которые вели ожесточенную борьбу против царских властей, крепостников-феодалов, карательных войск. В них плечом к плечу сражались русские и мордва, чуваши и татары. Охваченные одной мыслью — ликвидировать национальный и социальный гнет, добиться свободы, они совместно боролись против угнетателей.

Если говорить о Волго-Окском районе, то здесь в свою очередь выделяется несколько районов, в которых восставшие боролись с наибольшей активностью со своими врагами. Одним из таких районов был Темниковско-Кадомский.

Несколько обстоятельств способствовали тому, что Темниковско Кадомский район стал зоной более упорной борьбы. Прежде всего, он непосредственно примыкал к одному из важнейших регионов России — Замосковскому

краю, где было сосредоточено большое количество вотчин и поместий, в которых находились десятки тысяч крепостных крестьян. Положение их после Соборного Уложения 1649 г. стало более тяжелым, нежели раньше. Оказавшись в собственности своих владельцев, они испытывали феодальный гнет и, ненавидя своих эксплуататоров, готовы были к вооруженной борьбе против них. Поэтому, если бы разинцы смогли овладеть Темниковом, Кадомом и Шацком и превратить их в свои плацдармы, выйти в Замосковный район, это привело бы к мощному социальному взрыву, последствия которого для правительства Алексея Михайловича могли быть самые непредсказуемые. Понимая все это, Степан Разин стремился к тому, чтобы отряды его сподвижников наносили удары в данном направлении.

Кроме того, район был более многонациональным в этническом отношении. Здесь проживали русские, мордовские, татарские крестьяне, положение которых на рубеже 1660—1670 гг. было тяжелым. Феодалы, получившие здесь землю, нещадно эксплуатировали своих крестьян, создавая невыносимые условия для их существования. Отсюда резкая обостренность социальных отношений в Темниковско-Кадомском районе, что создавало условия для привлечения местного населения к крестьянской войне.

К сожалению, ход крестьянской войны в Темниковско-Кадомском районе изучен явно недостаточно. В работах В. И. Лебедева «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», И. В. Степанова «Крестьянская война в России в 1670—1671 гг.», М. И. Зевакина «К вопросу об участии мордовского народа в крестьянской войне под предводительством Ст. Разина», Е. В. Чистяковой и В. М. Соловьева «Разин и разинцы на мордовской земле», рассматривавших вопросы крестьянской войны под предводительством Степана Разина на территории Мордовии, основное внимание при этом уделяли действиям восставших в Темниковском районе.

Однако представляется, что Темниковско-Кадомский район может рассматриваться как единое целое. Народное движение в районе является составной частью всего движения на территории Мордовии и других районов Волго-Окского междуречья. Не случайно, что активное участие в нем принимают повстанческие отряды, пришедшие из восточных районов. Их задача состояла в том, чтобы поднять массы местного населения, расширить область антифеодальной борьбы, и, заняв крепости, прикрывавшие путь в Замосковный край, распространить пламя крестьянской войны и на центр России.

Первые сведения о появлении в Темниковско-Кадомском районе восставших поступили в конце сентября, когда они появились в с. Усть-Парца Кадомского уезда и д. Жукове Кадомского уезда[1]. Вскоре власти получили не менее тревожное сообщение о том, что из района Ломова к Керенску движется казацкий отряд численностью 500 человек. Восставшие занимали деревни и села, расправлялись с местными помещиками. По словам информатора «по уезду рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а чорных де людей, крестьян и боярских людей, и казаков, и иных чинов служилых людей никово не рубят и не грабят»[2]. Кроме того, они распространяют «прелестные грамоты» Степана Разина, в которых содержится призыв к местному населению подниматься на борьбу. Для местных властей становилось ясно, что в районе следует очень скоро ожидать серьезных выступлений местного населения. И они не ошиблись. Действия отрядов разинцев в районе получили широкий отклик среди населения.

Тревожные для царских властей сведения поступили из-под Темникова. Сначала князь Ю. А. Долгорукий сообщал в Москву о взятии восставшими в конце сентября Темникова. Затем его известие было дополнено кабацким откупщиком М. Склеевым, только что вернувшимся из города. Он сообщил, что в конце сентября находился в Темникове, где его застало выступление местного населения; он и воевода Челищев вынуждены были спешно покинуть город. Однако недалеко от Темникова в районе Старотемниковского городка, на струг, в котором они ехали с воеводой, напали темниковцы, возглавляемые площадным подьячим Родькой Сергеевым. Едва избежав неприятной для них встречи, беглецы подверглись нападению другой группы восставших, которые «животы Василия Челищева пограбили»[3].

Наконец, сведения о событиях в Темникове сообщили лысогорские беломестные казаки А. Елисеев «с товарищи», допрошенные в Тамбовской приказной избе. Они, в частности, рассказали, что «воровские казаки, и, приставаючие к ним, иные воры, мужики, Темников город разорили»[4].

Из собранных правительством сведений становилось ясно, что в конце сентября — начале октября несколько повстанческих отрядов повели наступление на Темников. Особенно активно действовал отряд во главе с А. Осиповым и Ф. Сидоровым. Продвигаясь от г. Саранска к Темникову, он численно увеличился с 220 человек до нескольких сот.

Этот отряд способствовал усилению антифеодального движения. Присоединяя к себе все новые и новые силы, восставшие подошли к Темникову и 6 октября взяли его.

Падение Темникова имело немаловажное значение, ибо в руках восставших оказался важный пункт, расположенный в Северо-Западной части мордовских земель. Опираясь на него, можно было наносить удары по Арзамасу и Шацку, являвшихся опорными пунктами правительственных войск в этом районе.

Овладев Темниковом, ликвидировав здесь правительственную администрацию и организовав свое управление, руководители движения обратили серьезное внимание на увеличение и консолидацию своих сил. Они обратились с призывом к местному населению влиться в повстанческие отряды, и жители сел и деревень уезда откликнулись на этот призыв. Одновременно к Темникову пришли отряды Ф. Сидорова, С. Кукина, И. Фадеева, Е. Иванова. Одной из своих важнейших задач руководители движения в Темниковском уезде считали нанесение удара по Арзамасу. Важным пунктом на этом пути было с. Кременки Кадомского уезда.

Стремясь преградить путь восставшим, князь Ю. Долгорукий, командовавший правительственными войсками, сосредоточенными в районе Арзамаса, направил навстречу им одного из своих помощников Ф. Леонтьева. Встреча произошла недалеко от с. Кременки 9 октября. Повстанческие отряды, в которых были «темниковские и кадомские татаровя и русские воры и изменники»[5], вступили в бой с карателями. В сражении царские войска применили артиллерию. Использовав свое превосходство, они стали теснить восставших.

Тогда последние заняли двор стольника А. Леонтьева, находившийся в Кременках. Каратели упорно штурмовали его, но, видя невозможность взять повстанческую крепость, Леонтьев приказал зажечь двор стольника. Лишь после этого часть восставших покинула опорный пункт и приняла бой вне его стен. Другая часть восставших, осталась на месте и, несмотря на охвативший двор пожар, продолжала сражение.

Тем временем на выручку сражавшимся в Кременках подходил новый отряд восставших. Против него бросил свои основные силы Ф. Леонтьев. Бой был упорным. Царские воеводы докладывали в Москву о том, что у Леонтьева был «большой бой». К сожалению, документы не содержат каких-то деталей этого нового столкновения. Используя преимущества регулярных войск, вооружения, царским ка-

рателям удалось нанести поражение и этому отряду разинцев. В бою были взяты пленные, одну часть которых Леонтьев приказал казнить на месте, а другую — направить в Арзамас в стан Ю. Долгорукого.

Именно здесь, во время допроса повстанцев, царский воевода узнал, что «в Шацком уезде ходит баба, ведунья, вдова крестьянина Темниковского уезда Красной Слободы, и собралось у нее воровских людей 600 человек»[6]. Так в документах впервые появляется имя Алены Арзамасской-Темниковской, одной из руководительниц повстанческой борьбы в этом районе. К сожалению, история располагает незначительными материалами для изучения ее биографии. Известно, что она родилась в крестьянской семье в Выездной слободе под Арзамасом. Вышла замуж за крестьянина этой же слободы. После смерти мужа Алена стала монахиней одного из местных монастырей. Будучи выходцем из простых крестьян, она хорошо знала их тяжелую жизнь и ненавидела эксплуататоров. Поэтому, когда, народные массы взялись за оружие, не осталась в стороне. Сбросив монашескую одежду, Алена встала во главе одного из отрядов повстанцев. Несомненно, она обладала хорошими организаторскими способностями, позволившими ей вскоре стать руководителем отряда, наводившего страх на помещиков. Первоначально ее отряд действовал в Шацком уезде, а через некоторое время перешел в Темниковский уезд.

Несмотря на неудачу под Кременками, восстание в Темниковско-Кадомском районе приобретало размах. Оно превратилось в широкую антифеодальную борьбу широких масс трудящихся, в которой плечом к плечу выступали русские, мордовские, татарские крестьяне. Документы донесли до нас тот ужас, который охватил местных дворян-землевладельцев и представителей местной администрации перед лицом восставшего народа. Сохранились, в частности, челобитные У. Утешева, А. Долаткозина, А. Шахмометова и других, в которых сообщается о действиях восставших. Как жаловался, например, У. Утешев «воры, изменники и бунтовщики домишки мои в Темниковском уезде разорили, деньги и платье и лошадей и коров и всякую мелкую скотину переимали без остатку»[7].

У Долаткозина, чье поместье тоже находилось в Темниковском уезде, восставшие не только уничтожили поместье и забрали лошадей, коров, но и конфисковали его личное имущество, среди которого находились «шуба атласная з золотом з горностаевым ожерельем... шубе цена 15 руб... маниста серебряна позолочена с каменьем, цена полтреть-

яйцать (29 руб. 50 коп.) рублев. Всего, по подсчетам владельца, восставшие забрали у него имущества почти на 350 руб.[8].

Восставшие не только конфисковывали имущество местных феодалов, но и уничтожали всю владельческую документацию, подтверждавшую их права на землю и всякого рода документы, в которых фиксировались крестьянские повинности и их долги феодалу. Так, у А. Шихмаметова они уничтожили «крепости писцовые и отдельные выписи и ввозные грамоты и кабалы и всякие крепости», а у Б. Шихмаметова они уничтожили всю документацию, в которой были записаны долги ему разных людей, и в первую очередь крестьян[9].

Можно с уверенностью сказать, что подобных челобитных от помещиков из районов восстания было гораздо больше. Видимо, ничтожно мало было дворян, чьи поместия не были разгромлены восставшими, ибо ненависть к своим эксплуататорам испытывали все без исключения крестьяне.

В конце сентября-октября 1670 г. обстановка в Темниковско-Кадомском районе продолжала оставаться напряженной. Здесь фактически была ликвидирована царская администрация, и этот район выпал из-под контроля московского правительства. Он стал своеобразным тылом для тех повстанческих отрядов, которые действовали в районе Шацка — Арзамаса. В Москве понимали значительную роль его, но ликвидировать до поры до времени его не могли, ибо их внимание было приковано к другим местам. Лишь в ноябре 1670 г., когда восставшие были отброшены от Шацка, Арзамаса, Нижнего Новгорода, тогда карателя развернули наступление в Темниковско-Кадомском районе.

Стремясь расправиться с восставшими, карателя повели наступление с юга — со стороны Шацка, и с севера — со стороны Арзамаса. Первый удар по восставшим правительственные войска решили нанести в районе Кадома. 1 ноября 1670 г. касимовский воевода М. Дмитриев направил сюда отряд, в состав которого входила рота поручика И. Якшина, московские стрельцы под командованием М. Романова. Он должен был выйти к Кадому и, разгромив находящиеся здесь отряды восставших, попытаться овладеть городом. Двигаясь к городу, карательный отряд в лесу, на берегу реки Чертовки, наткнулся на заставу восставших численностью около 200 человек. Между ними разгорелся бой, в результате которого последним удалось потеснить восставших и при этом захватить несколько пленных. Из их показаний командование отряда узнало о событиях, которые происходили в последнее время в уезде.

Выяснилось, что в Кадоме и его уезде побывал представитель С. Разина Л. Федоров, который от имени вождя крестьянской войны обратился к местному населению с призывом подняться на борьбу против угнетателей. Призыв получил широкую поддержку местного населения. Оно активно влилось в ряды восставших.

Одновременно в уезде шло формирование повстанческой власти, во главе которой был поставлен выборный атаман Кадомский посадский человек Карпушка Абрамов. Вместе с Л. Федоровым он энергично принялся за укрепление Кадомского уезда. В частности, на дорогах, ведущих в Кадом, были расположены заставы восставших. Они должны были следить за движением правительственных войск, вступать в борьбу с ними и информировать повстанческую власть в уезде о подходе врага. Именно такой и была застава, с которой столкнулись каратели. Кроме того, как показали пленные, руководители восстания в уезде повели работу по организации вооруженных сил повстанцев. Все восставшие были разделены на сотни во главе со своими командирами. Это должно было улучшить обороноспособность Кадомского уезда[10].

Сведения, которые получило командование карательного отряда, были для него очень важны. Теперь оно имело более или менее ясное представление о тех, с кем правительственные войска должны были вскоре встретиться. Было очевидно, что восставшие в Кадоме предпринимают энергичные меры по подготовке к борьбе с карателями, и последние должны быть готовы встретить упорное сопротивление. Видимо, получив сведения о подходе правительственного отряда, руководители повстанцев решили не ограничиваться лишь обороной против наступающих, но и самим попытаться нанести ему контрудар. С этой целью они проводят концентрацию своих сил у д. Саватьма Кадомского уезда, в 40 верстах от Касимова. Видимо, их план состоял в том, чтобы отсюда начать движение к уездному центру, и, действуя здесь, выйти на линию Касимов-Муром, распространив в этом районе пламя крестьянской войны. Это заставило бы правительственные войска временно отказаться от похода на Кадом.

Правительство Алексея Михайловича потребовало от своих воевод усиления активности в борьбе против восставших. Перед карателями были поставлены задачи: в кратчайший срок подавить народное движение в Кадомско-Темниковском районе, тем более, что в других районах Волго-Окского междуречья правительственные войска уже перешли в широкое наступление против восставших. Цар-

ские воеводы приняли этот приказ к исполнению. 12 ноября князь Ю. Долгоруков отдает распоряжение о начале операций против восставших в районе Темникова. Из района Арзамаса были направлены войска под командованием И. Лихарева. От Шацка в район восстания двинулся Я. Т. Хитрово. Кроме того, к району будущих военных действий подходили отряды С. Зубова и М. Беклемишева[11]. Правительство готовилось жестоко подавить восстание.

Получив сведения о концентрации сил восставших в районе Темникова и подготовке города к отпору карателей, полковой воевода усиливает войска, направленные в уезд отрядом Щербатова, а затем выступает с основными силами сам.

Действительно, руководители движения в Темниковском уезде предпринимают энергичные усилия с целью подготовки города и уезда к обороне, в частности на пути к Темникову возводится несколько засек, которые должны были затруднить движение карателей к Темникову. Создавались новые отряды восставших. Происходит концентрация повстанческих сил в районе уездного центра. По данным, полученным царскими воеводами, в Темникове и его окрестностях находилось более пяти тысяч восставших[12].

Это были достаточно внушительные силы. Они должны были противостоять карателям. Каждый из участников восстания понимал, что Долгоруков и его воеводы несут те отношения, против которых восставшие боролись. И повстанцы — русские, мордва, татары, плечом к плечу встали против карателей.

Отдавая себе отчет в том, что в такой ситуации подавление восстания в Кадомско-Темниковском районе представляет немалую трудность, в ставке Ю. А. Долгорукова разрабатывается план нанесения удара по восставшему району с двух сторон — со стороны Шацка, где правительственные войска уже добились значительных успехов, и со стороны Арзамаса. Это заставило бы восставших расчленить свои силы, что позволило бы воеводам, располагая перевесом сил, решить поставленную перед ними задачу. Первым начал наступление И. Лихарев. 16 ноября он двинулся к Кадому. По пути к городу, в районе Черной речки, дорогу карателям преградила засека восставших. Обойдя ее, они сумели захватить находящийся здесь караул. От захваченных в плен каратели получили сведения о том, что на берегу р. Варнавы находится еще одна засека, которая представляет собой весьма внушительное сооружение, длиной почти в три версты. Обороняет ее отряд численностью около 500 человек во главе с

крестьянином д. Горино С. Белоусом. Продвигаясь к Кадому, каратели подошли к этой засеке и здесь 19 ноября развернулся упорный бой восставших с правительственными войсками. Несмотря на упорное сопротивление повстанцев, служилым людям И. Лихарева в конечном счете удалось одержать победу и захватить засеку.

К концу боя воевода получил известие о том, что на помощь охране засеки подходит новый отряд восставших во главе с И. Захаровым численностью более 300 человек. Воевода немедленно бросил навстречу отряду свои войска, которые сумели нанести поражение и этим повстанцам[13].

После этого И. Лихарев с основными силами двинулся к Кадому. На последнем отрезке пути к городу, каратели уже не встречали серьезного сопротивления со стороны восставших. Видимо, предшествующие поражения настолько ослабили их, что они просто не имели сил создать сколько-нибудь серьезную оборону подступов к городу. Поэтому-то боев за сам Кадом между повстанцами и царскими войсками по существу не было.

Подойдя к городу, И. Лихарев выделил авангард под командованием рейтарского ротмистра Г. Слепцова, который первым и вошел в город. Вслед за ним в Кадом пришли и основные силы во главе с воеводой. Они были встречены депутацией Кадомской верхушки, которые уверяли И. Лихарева в верноподданических чувствах. В челобитной они писали «против тебя, великого государя, мы были не противники и в иные городы не ходили и на боях нигде не бывали и боярских и дворянских и мурз и татар и всяких помещиков и вотченников дворов их не разоряли и животов не имали»[14].

Иными словами, верхушка Кадома, как, впрочем, и других мест, видя поражение восставших, трусливо предала их, всячески открещиваясь от разинцев, надеясь такой ценой, заслужить царское прощение. При этом городские богатеи не только уверяли царских воевод в своей лояльности, но и старались доказать ее на деле. Они схватили и выдали карателям тех участников восстания, которые находились в Кадоме. Царские палачи жестоко расправились с захваченными в плен восставшими. Лихарев приказал: «тех воров в Кадоме, казнить смертию, отсечь головы, и в Кадомском же уезде, в тех самых же деревнях повесить». Эти жестокие меры должны были, по мнению воеводы, парализовать волю местного населения к сопротивлению и дать возможность карателям как можно скорее потушить пламя народной борьбы.

«Умиротворив» Кадом и передав управление городом

Г. Слепцову, Лихарев направил свои основные силы на уничтожение оставшихся в Кадомском уезде повстанческих сил. Хотя документов о его операциях не сохранилось, можно с большой уверенностью сказать, что ликвидация последних отрядов восставших велась с такой же жестокостью, что и раньше. Теперь, когда основные силы разинцев были разбиты, ликвидация их остатков не была сопряжена со значительными трудностями, и в середине декабря 1670 г. из Кадома в Москву было направлено сообщение: «И Кадома, государь, города, и Кадомского уезду всякия жилецкия люди тебе, великому государю, били челом и никакова дурна ныне нету»[15].

Покончив с восставшими в Кадоме и его уезде, Лихарев направился со своими силами в Темниковский уезд, где еще продолжалось восстание. Однако на первых порах, воевода не рискнул развертывать широкие действия против повстанцев. Прежде всего, ему стало ясно, что в Темникове и его уезде сконцентрированы весьма значительные их силы. Как доносил он князю Ю. Долгорукову, «в Темникове воровских людей в зборе тысяч с 6»[16]. Поэтому он отказался от широких наступательных действий против восставших и счел за благо занять выжидательную позицию.

Завершив ликвидацию восстания в Кадомском уезде, каратели сосредоточили свои усилия на уничтожении повстанцев в Темникове и Темниковском уезде. Царь торопил воевод с подавлением восстания, ибо его продолжение беспокоило Москву. 24 ноября 1670 г. Долгоруков получил распоряжение Алексея Михайловича о передислокации своих основных сил из района Арзамаса в Темниковский уезд и активизировать действия по подавлению восставших. Выполняя указания Москвы, воевода 29 ноября из Арзамаса передислоцировался в Темниковский уезд, где уже ранее находился И. Лихарев.

Однако чем больше углублялись на территорию уезда каратели, более очевидной для воеводы становилась сложность борьбы против повстанцев. Прежде всего, по поступившим к Долгорукову сведениям, здесь сосредоточились достаточно большие их силы. Ему доносили, что «в Темникове воровских людей стоит 4000 человек, устроясь с пушкими», и это вызывало беспокойство воеводы. На дороге из Арзамаса в уездный центр были устроены засеки, которые, по сведениям, охраняли до 8 тыс. повстанцев, в распоряжении которых была и артиллерия. Кроме того, к темниковцам подошло подкрепление из Троицкого острога численностью 300 человек[17]. Все говорило о том, что руководители восставших в Темниковском уезде и Темникове проделали нема-

лую работу с тем, чтобы превратить уезд и его центр в своеобразную крепость, взятие которой потребует от карателей немалых усилий.

Стремясь заставить восставших раздробить свои силы и тем ослабить их, царские воеводы начали действовать по возможно большему числу направлений, нанося удары по восставшим с разных сторон. Поэтому 27 ноября по приказу воеводы Я. Хитрово из района Шацка к Красной Слободе, где находились отряды восставших, были направлены войска под командованием полковника Зыкова. Они сумели нанести поражение повстанцам. Теперь карателям удалось замкнуть кольцо окружения вокруг Темникова и близлежащих районов, изолировать их от других районов Волго-Окского междуречья, и приступить к ликвидации восстания. Сконцентрировав свои силы, каратели приступили к развертыванию наступательных действий в районе Темникова, стараясь ликвидировать этот опасный для них очаг антифеодальной борьбы.

27 ноября И. Лихарев, действовавший северо-западнее Темникова, подошел к с. Веденяпино, где и остановился. Путь карателям преграждали засеки, созданные восставшими. На них находились повстанцы «С пушки и мелким ружьем». По всей вероятности, И. Лихарев обращался к Ю. Долгорукому с просьбой о помощи, ибо не был уверен в том, что успешно преодолеет оборону разинцев. Со своей стороны полковой воевода откликнулся на просьбу товарища и послал к нему на помощь отряд под командованием К. Щербатова. 1 декабря 1670 г. он был уже в Кременках, в 40 верстах от Темникова. Такое расположение правительственных войск, во-первых, гарантировало И. Лихарева от возможного удара повстанцев по его тылам, а, во-вторых, позволяло карателям наращивать мощь удара по Темникову.

Таким образом, против Темникова действовала весьма мощная группировка. Со своей стороны восставшие не собирались пассивно взирать на подготовку противником штурма города, а сами пытаются нанести контрудар. 30 ноября еще до того как Щербатов соединился с Лихаревым, отряды повстанцев во главе с Ф. Сидоровым, С. Кукиным, Е. Ивановым «со многими воровскими людми, с пушкими и мелким ружьем» подошли к Веденяпину, где и заняли оборону[18].

Навстречу им двигались правительственные войска. Здесь на подступах к Веденяпину и произошло крупное сражение. В ходе сражения восставшие использовали свою артиллерию, и, видимо, предприняли попытку штурмовать позиции карателей. Хотя отписка Долгорукова в Москву не сообщает

каких-то подробностей боя, можно не сомневаться в том, что он носил упорный характер. Царским войскам пришлось приложить максимум усилий, чтобы добиться победы. Лучшая военная организация, дисциплина, профессиональная подготовка в конечном счете принесли им победу. Оставив на поле боя артиллерию, восставшие вынуждены были отойти.

Поражение под селом Веденяпино сильно ослабило силы восставших в районе Темникова. Скорее всего, здесь уже не было значительных повстанческих сил, способных преградить карателям путь к городу, и судьба центра восставших в этом районе была решена. В итоге царские воеводы переходят к прямому наступлению на город. 30 ноября отряд И. Лихарева двинулся к нему. Понимая невозможность удержать Темников в своих руках, основная масса восставших покинула город. Такая ситуация привела к тому, что в городе подняла голову зажиточная верхушка, готовая идти на сговор с карателями, лишь бы сохранить себя. Поэтому «темниковские градские лучшие люди, которые к воровству не приставали», вышли навстречу, двигавшемуся к городу полковнику В. Волконскому и торжественно встретили его. 1 декабря правительственные войска вступили в Темников.

Однако в городе оставалась небольшая группа восставших, среди которых была и старица Алена, ее отряд незадолго до этого перешел в Темниковский уезд. Восставшие заняли собор и воеводскую избу и мужественно защищались от карателей. Тем пришлось штурмом брать последний оплот восставших. О последних минутах этой борьбы сохранились сведения в западной прессе. В частности, говоря о мужестве старицы Алены, участвовавшей в сопротивлении карателям, Иоган Фриш, запечатлел такую картину:

«Она укрылась в церкви и продолжала там так упорно сопротивляться, что сперва расстреляла все свои стрелы, убив при этом еще семерых или восьмерых, а после того, как увидела, что дальнейшее сопротивление невозможно, отвязала саблю, отбросила ее и с распростертыми руками бросилась навзничь к алтарю,— пишет он.— В этой позе она и была найдена и пленена ворвавшимися солдатами»[19]. Последняя группа восставших в Темникове перестала существовать.

Получив сведения о взятии войсками города, Ю. Долгоруков двинулся к городу, одновременно поручив К. О. Щербатову очистить Темниковский уезд от оставшихся повстанческих отрядов.

4 декабря 1670 г. Ю. Долгоруков со своим полком вступил в Темников, где был встречен верхушкой городского населе-

ния, еще раз выразившей воеводе свои верноподданические чувства. Расположившись в городе, воевода начал творить суд и расправу. К нему были доставлены из с. Аксен поп Савва и 18 человек, активно участвовавших в борьбе, а также старица Алена. Они были подвергнуты карателями жестоким пыткам. После этого царский палач вынес им приговор. «И мы, холопи твои,— писал он царю,— того приводного попа и крестьян за их воровство велели казнить смертию, повесить около Темникова, а вора старицу и с нею воровские письма и коренья велели зажечь в срубе»[20].

Иностранные историки дополняют сведения о последних минутах жизни старицы Алены, передавая ходившие тогда рассказы. Согласно их «она (Алена.— Е. К.) не дрогнула и ни чем не выдала страха, когда услыхала приговор: быть сожженной заживо... Прежде чем ей умереть, она пожелала, чтобы сыскалось поболе людей, которые поступили бы как им пристало и бились так же храбро, как она, тогда, наверно, повернул князь Юрий вспять.

Перед смертью перекрестилась на русский лад... и спокойно взошла на костер и была сожжена в пепел»[21].

Так героически погибла старица Алена, одна из тех, кого антифеодальное народное движение подняло из самых низов, превратило в видного руководителя борьбы народных масс против ненавистного крепостного гнета.

В те же дни по приказу Долгорукова царские палачи казнили и другого руководителя восставших — Мурзакайку. Воевода доносил в Москву: «А вора и изменника и бунтовщика Мурзакайку взял я за многие ево воровство в Красной Слободе казнить смертию, четвертовать»[22].

Взятие Темникова означало поражение повстанческого движения в этом районе. Очень довольный этим царь Алексей Михайлович направил князю Ю. А. Долгорукову похвалу за его усердие.

Подводя итоги изучению антифеодальной народной борьбы в Темниковско-Кадомском районе осенью 1670 г., необходимо отметить следующее.

Антифеодальное народное движение в Темниковско-Кадомском районе явилось составной частью всей крестьянской войны в России под предводительством С. Разина и вытекает из того тяжелого положения, в котором находились широкие слои местного населения. К моменту восстания разинцев в данном районе народные массы были настолько наэлектризованы, что появление казаков привело к мощному взрыву народной борьбы, результатом чего явилось создание целого ряда повстанческих отрядов, развернувших свои действия против помещиков и местных властей.

Весь район оказался охваченным пламенем борьбы, направленной против феодалов, повстанцы уничтожали поместья и их хозяев, ликвидировали власть феодалов, и на ее место создавали свои органы власти, с оружием в руках боролись против правительственных войск. В рядах повстанческих отрядов плечом к плечу сражались русские и мордва, татары и чуваши. В пламени борьбы закалялась интернациональная солидарность народных масс. Повстанческое движение выделило из своей среды ряд руководителей, проявивших немалые организаторские и военные способности.

Однако основные недостатки, характерные для крестьянской войны в целом: изолированность и локальность народных выступлений, недостаточная военная выучка и слабость вооружения, отсутствие координации в действиях повстанческих отрядов — все это нашло свое отражение и в событиях Темниковско-Кадомского района 1670 г. Сосредоточив здесь силы, использовав преимущество, созданное ими, царские воеводы с исключительной жестокостью подавили народное движение.

Литература и источники

1 Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов.— М., 1957.— Т.2.—Ч.1.— № 85.—С. 102.
2 Там же.—№ 92.—С. 109.
3 Там же.— № 96.— С. 113.
4 Там же.—№ 97.— С. 113.
5 Там же.— № 112.— С. 131.
6 Там же.— № 110.— С. 129.
7 Там же.— Т. 4.— № 41.— С. 36.
8 Там же.— № 43.— С. 37—38.
9 Там же.— № 44.— С. 39; № 56.— С. 48—49.
10 Там же. Т. 2. Ч. 1.— № 203.— С. 246.
11 Там же.—№ 230.— С. 277.
12 Там же.— № 254.— С. 307.
13 Там же.— № 257.— С. 311.
14 Там же.— № 250.— С. 301.
15 Там же.— № 289.— С. 363.
16 Там же.— № 257.— С. 311.
17 Там же.— № 267.— С. 329.
18 Там же.— № 280.— С. 248.
19 Иностранные известия о восстании Степана Разина.— Л., 1975.— С. 135.
20 Крестьянская война...— Т. 2.— Ч. 1.— № 293.— С. 367.
21 Записи иностранцев о восстании Степана Разина.— Л., 1968.— С. 112.
22 Крестьянская война...— Т. 2.— Ч. 1.— № 335.— С. 412.

Е. А. Кузнецова

КРЕСТЬЯНСТВО АЛАТЫРСКОГО УЕЗДА В АНТИФЕОДАЛЬНОЙ ВОЙНЕ 1667—1671 гг.

XVII столетие в истории нашей страны отмечено окончательным оформлением крепостного права в общегосударственном масштабе. Сыск беглых крестьян постепенно стал бессрочным, а крепостное состояние было юридически оформлено Соборным уложением 1649 г. Государство, стоявшее на страже интересов господствующего класса феодалов, организовывало массовые сыски беглых и возвращало их прежним владельцам.

Это вызывало противодействие со стороны угнетаемого крестьянства. От молчаливого неповиновения, невыхода на господское поле, бегства — до открытых выступлений с оружием в руках — таковы формы борьбы народных масс против своих угнетателей.

Самым же высшим проявлением классовой борьбы в России того времени и явилась Крестьянская война под предводительством Степана Разина.

Выступление началось в 1667 г. на Дону и на первом этапе имело основной движущей силой казачью бедноту. Однако дальнейшее ее расширение привело и к расширению социальной базы восставших, особенно с того времени, когда отряды Разина начали действовать в наиболее густонаселенных районах России, в частности в Поволжье.

В конце лета — начале осени 1670 г., во время разинского похода по Поволжью, к Симбирску, в его отряды стали вливаться массы крестьян как русской национальности, так и нерусской.

Такое широкое распространение восстания объясняется тем, что крестьянские массы этого района России были чрезвычайно задавлены феодальным гнетом, доведены до отчаяния.

Крестьянское движение в Поволжье началось фактически еще до прихода сюда сил разинцев. В 1669 г. в ряде сел Арзамасского, Алатырского, Саранского уездов происходили выступления мордовского крестьянства, направленные против феодалов-эксплуататоров[1]. В том же 1669 г. началась борьба между мордовскими крестьянами и мордовскими мурзами в Алатырском уезде. Эти привилегированные мордовские мурзы-князья постоянно притесняли и угнетали крестьян, захватывали их земли, сенные покосы, рыбные ловли, леса, не останавливались даже перед применением

оружия. Несмотря на то, что крестьяне жаловались самому алатырскому воеводе и получили от него документ, позволявший владеть крестьянам своими землями, мордовские князья «завладели у них (крестьян — Е. К.) тою землею своим озорничеством»[2]. Когда же крестьяне попытались отстоять свои права, то их дома были сожжены, а земля «пустых» дворов была присвоена мурзами. Волей-неволей мордве этих деревень приходилось снимать у мурз землю по найму. Только с началом крестьянской войны в Поволжье крестьянам удалось возвратить свои земли обратно.

Стремясь поддержать развернувшееся крестьянское движение и самому получить помощь восставших крестьян, Разин в сентябре 1670 г. из-под Симбирска направил в мордовские районы отряды повстанцев. Во главе этих отрядов встали сподвижники Разина, Михаил Харитонов и Максим Осипов.

Восставшие развернули наступление в двух направлениях: на юг — в сторону Саранска и Пензы и в северном направлении, против Алатыря. Это давало восставшим возможность задержать правительственные войска, шедшие из Центральной России против Разина и, действуя в густонаселенных районах Среднего Поволжья, еще более расширить восстание.

Направление наступления на север, в сторону Алатыря, восставшими было выбрано не случайно. Район от Тетюшей через Алатырь и далее к Темникову был одним из важнейших звеньев засечной черты, возникший в Волго-Окском районе в середине XVII в. Она прикрывала с юга очень важные районы России — Нижний Новгород и Нижегородский уезд, обеспечивая их безопасность. В то же время черта выступала и в качестве опорного пункта правительственной колонизации этого района. Под его защитой шло развитие феодального землевладения. Значительные силы русских и нерусских крестьян оказались в руках феодалов, испытывали тяжелый феодальный гнет. Социально-классовые противоречия здесь, как, впрочем, и по всей России, достигли большой остроты. Ненависть народных масс к своим угнетателям становилась все более непримиримой.

Вместе с тем немалую роль в жизни Алатырской черты играли и мелкие служилые люди, находившиеся на службе. Неся сторожевую службу, они так же находились в очень трудном положении, испытывали гнет царских властей, местных воевод. Кроме того, необходимо отметить, что основная часть мелких служилых людей набиралась из представителей нерусских народов Поволжья — татар, мордвы, чувашей. Кроме гнета русских феодалов они испытывали гнет мест-

ной феодальной верхушки[3]. Это обстоятельство делало положение представителей поволжских народов еще более невыносимым, и привело к тому, что местные служилые люди выступили в качестве активной антиправительственной силы.

В Москве понимали роль и значение Алатыря как опорного пункта в борьбе против разинцев, и правительство стремилось создать здесь прочный военный плацдарм. К основным правительственным силам, которыми командовал князь Ю. Долгоруков были добавлены отряды под командованием князя К. О. Щербатова. Но, несмотря на принятые меры, тучи над головой властей все более сгущались. Алатырский воевода А. Бутурлин писал в Москву в середине сентября. «Збираютца стрельцы и казаки, и крестьяне, и татаровя, и мордва, и черемиса многия люди хотят идти к городу Алатырю и в Алатырский уезд для разорения. А вперед себя те воровские казаки послали в Алатырский уезд лазутчиков крестьян, а велели им уезных людей к воровству наговаривати призывать к себе охотников, а дворян и детей боярских побивать всех до смерти»[4].

Для поддержки разгорающегося народного восстания Степан Разин отправляет от Симбирска в сторону Алатыря отряд под руководством М. Осипова. Через мордовские, русские и чувашские села Корсунского и Алатырского уездов: Чеберчино, Морга, Промзино, Алово, Низовка и др[5]. Отряд к 16 сентября вышел к Алатырю.

«В 16 день пришли в-вечору к Олаторю воровские казаки а с ними многие Симбирской черты русские люди и мордва и черемиса и Олаторского уезда мордва ж и крестьяне и учали к острогу приступать»[6].

В распоряжении алатырского воеводы А. Бутурлина и находившегося здесь одного из помощников Ю. Долгорукова Ф. И. Леонтьева не оказалось достаточных сил для защиты города. Правда, здесь находился отряд численностью 500 человек, подчиненный Н. Урусову. Однако они отказались сражаться за Алатырь, сославшись на необходимость идти под Симбирск. Тогда алатырским стрельцам было приказано разобрать мост через р. Алатырь, с тем чтобы повстанцы по мосту не прошли в сторону Арзамаса. Но это распоряжение не было выполнено, так как еще до взятия повстанцами Алатыря мост уже находился под охраной отряда восставших численностью 150 человек[7].

Теперь соотношение сил стало в пользу восставших. Положение же осажденных еще более ухудшилось от того, что отряд К. Щербатого вынужден был отойти от города и не смог принять участия в обороне города. Разинцы начали штурм города, который развертывался для них успешно.

Попытка алатырского воеводы А. Бутурлина оказать сопротивление штурмовавшим окончилась неудачей. Повстанцы захватили город, а «воеводу Афанасия Бутурлина, Емельяна Постникова и дворян, которые в том городе были, всех порубили без остатку»[8]. Таким образом, восставшие сумели захватить один из важнейших опорных пунктов правительственных войск.

Взятие повстанцами Алатыря послужило сигналом к новому взрыву крестьянского движения. Во многих селах Алатырского уезда крестьяне создавали отряды, которые совершали нападения на поместия, уничтожали крепостников и их прислужников. Местные власти с тревогой сообщали правительству, что восставшие крестьяне действуют очень активно, весь уезд охвачен крестьянским движением, в котором немалую роль сыграли мордовские крестьяне.

«И ныне воруют в Алаторском уезде уездные люди помещиковы и вотчинниковы крестьяне и мордва»,— сообщал в Разрядном приказе алатырский губной староста А. Топоркин[9].

Обстановка в районе для царских воевод в конце сентября стала очень сложной. Восстание стремительно расширялось, охватывая все новые села и деревни, привлекая к себе все более значительное число участников, объединяя воедино людей разных национальностей. Об этом с нескрываемой тревогой доносил в Москву командующий карательными войсками князь Ю. А. Долгоруков. Он информировал царя о том, что практически весь Волго-Окский район объят пламенем восстания и сейчас инициатива в руках повстанцев, а он пока не может перейти в контрнаступление на них, ибо «послать на воров неково, что у нас пока малолюдство»[10]. Он уверял Алексея Михайловича, что, собрав свои силы и получив подкрепления, он перейдет в наступление против восставших.

Стремясь как-то ослабить народное движение, Долгоруков пытается воздействовать на его участников путем рассылки грамот, призывавших разинцев сложить оружие. Однако эти обращения воеводы не привели к какому-то ощутимому результату. Поэтому основную ставку карател и делали на вооруженную силу. Получив подкрепления, Долгоруков и его помощники активизируют свои действия. Они проводят операции в Нижегородском, Арзамасском и других уездах этого района.

В середине октября — ноября 1670 г. правительственным войскам удалось перехватить инициативу в свои руки и нанести восставшим ряд поражений. Создались условия для перехода в наступление на Алатырь. В середине ноября

в Алатырский уезд были направлены две карательные экспедиции. Одна из них под командованием В. Панина была направлена Долгоруким из Арзамаса, а другая во главе с князем Ю. Н. Барятинским двигалась со стороны Симбирска. Задача их заключалась в разгроме восставших и подавлении восстания в Алатырском уезде.

Начав действия против повстанцев, Барятинский в первых числах ноября направился в районы, охваченные народным движением. Сосредоточив свои силы в с. Почае, он получил сведения о том, что неподалеку в с. Кондарати находится отряд восставших, насчитывающий около тысячи человек. Это были главным образом русские, мордовские и чувашские крестьяне Алатырского, Саранского и Курмышского уездов. Во главе их стоял донской казак Роман и Мурзакайка.

Имя Акая Боляева было хорошо известно повстанцам. Он являлся организатором и руководителем повстанческого отряда крестьян мордовских сел и деревень. Отряд этот насчитывал около 15 тыс. человек.

Как указывают источники, родиной Акая была мордовская деревня Костяшево, находящаяся недалеко от Саранска[11]. По данным Атемарской десятни, в 1669—1670 гг. Мурза Акай Боляев находился в числе станичных мордовских мурз и служил станичную службу по Саранску. Он выступил на стороне восставшего народа. Неся регулярную станичную службу, он видел, в каких тяжелых условиях живут служилые люди, особенно те, которые набраны из представителей нерусских народностей, подвергавшиеся двойному гнету. Ненависть к эксплуататорам все сильнее разгоралась в сердце мужественного воина. Он решил присоединиться к повстанцам. Произошло это в районе города Карсун.

Во главе довольно значительного повстанческого отряда, созданного из русских и мордовских крестьян, Акай Боляев участвует во многих битвах с правительственными войсками. Два месяца Акай Боляев со своими воинами удерживал восточные рубежи мордовской земли, нанося удары по войскам и поднимая на героическую борьбу с самодержавием все новые группы мордовских и русских крестьян.

11 ноября отряды восставших встретились у Усть-Уренской слободы с карательными отрядами под командованием Ю. Н. Барятинского. «И в Усть-Уренской слободе был бой большой». В этом бою разинцы оказали упорное сопротивление карателям. Лишь лучшая организация и большое военное мастерство позволило правительственным войскам одержать победу. В этом бою был ранен один из руководителей восставших Акай Боляев.

Однако, как выяснилось вскоре, каратели одержали по-

беду лишь над авангардом повстанческих сил. Основные силы восставших по всем правилам военного искусства укрепились на левом берегу р. Кондарати, по-видимому, на мысу, образуемом этой речкой и р. Уренем[12]. Барятинский пытался сначала выманить повстанцев из укреплений на противоположный берег, но, прождав «с полками с утра до обеда», сам решил дать сражение. После обеда 12 ноября, «наметав сенами речку», полки князя Ю. Барятинского переправились на противоположный берег реки и вступили в бой с восставшими. Упорное сражение развернулось у с. Большая Кондарать, расположенного вдоль реки Кондаратки[13]. Атаку карателей повстанцы встретили дружным огнем 12 пушек. Барятинскому пришлось ввести в действие свою артиллерию. Как сообщал в Москву воевода, бой был великий и стрельба пушечная и мушкетная беспрестанная». Иначе говоря, приходилось признать, что восставшие оказали правительственным войскам упорное сопротивление. После долгого и кровопролитного боя каратели одержали победу. В результате победы в плен удалось захватить «разных городов и уездов 323 человека, да 11 пушек, да 24 знамени»[14].

Победители жестоко расправились с повстанцами, многие из захваченных в плен были казнены, другие наказаны. Пострадали и жители окрестных мордовских деревень, принявших участие в сражении.

Так, в с. Алово при р. Трезовке Алатырского уезда 11 дворов запустело от того, что хозяева их убиты на Кондарати. В с. Нагорное Алово запустели по той же причине 3 двора. В с. Атяшево, что под Сурским лесом, запустело 4 двора. В д. Баева, что на р. Саре, при сражении на Кондарати убиты 6 человек, из с. Морча под Кондаратью убиты 2 человека, из с. Поводимово убиты в сражении 6 человек, из д. Селищи, что на р. Саре, погибли в сражении 2 человека. Всего в битве под Кондарати погибло 63 жителя Алатырского уезда[15].

Закончив расправу над восставшими, Барятинский направился к с. Промзино, лежавшему на пути к Алатырю. Поражение восставших, видимо, оказало влияние на определенную, скорее всего, зажиточную часть местного населения, которая поспешила уверить царского воеводу в своей лояльности. «И посадские люди, и стрельцы, и пушкари и казаки — все пришли в обоз и вины свои принесли со слезами же»[16].

После этого правительственные войска двинулись в сторону Алатыря. Видимо, восставшие не оказали им сопротивления около города. Дело в том, что алатырский острог еще во время его штурма восставшими был выжжен, и теперь

Алатырь не мог стать опорным пунктом разинцев. Понимая, это, они, по-видимому, и не пытались организовать оборону города. Этим воспользовались зажиточные жители города, которые направили к Барятинскому свою депутацию. «На Алаторь ко мне, холопу твоему приходили и в винах своих тебе великому государю добивают челом»[17],— сообщал в Москву князь Ю. Барятинский. Алатырские посланцы заявили воеводе о своей поддержке властей и просили скорее прислать своих людей в город. Воевода послал туда сначала отряд солдат и стрельцов под командованием Я. Шальникова, а затем 23 ноября в Алатырь вступил и отряд самого Барятинского.

После этого царские каратели принялись наводить «порядок» в уезде. Хотя за конец ноября и начало декабря 1670 г. каких-то документов, говорящих о событиях в Алатырском уезде нет, но не может быть сомнения в том, что царские каратели проводили в деревнях и селах жестокие экзекуции, которые должны были парализовать волю местного населения к сопротивлению.

В конце ноября 1670 г. царские воеводы докладывали в Москву о подавлении народного движения. Однако каратели поспешили сообщить в столицу о своей победе. До полного «умиротворения» Алатырского уезда было еще довольно далеко, и события показали это.

Отход Барятинского к Алатырю был использован восставшими для сбора своих сил. Благодаря энергии руководителей отрядов восставшие сумели сконцентрировать более 20 тыс. человек. В это объединенное войско вошли отряды Мурашки, Акая Боляева, Л. Савельева, Я. Никитинского, И. Леонтьева и П. Евлашева. Эти силы восставших направились против Барятинского. План их состоял в том, чтобы, захватив Алатырь и используя его в качестве опорного пункта, развернуть военные действия против карателей. Однако этот план восставших был раскрыт, и Барятинский с войсками направился против них с тем, чтобы, используя свое превосходство в силах, разгромить восставших.

7 декабря силы повстанцев под командованием Акая Боляева, Савельева, Никитинского, Маленького, Леонтьева, Евлашева, двигаясь к Алатырю, подошли к с. Тургенево. Против них были направлены правительственные войска под командованием воеводы В. Панина.

Не надеясь на имевшиеся у него силы, воевода обратился за помощью к Барятинскому, и тот направил ему на помощь 500 стрельцов. С этими силами Панин и встретился с восставшими неподалеку от д. Баево, расположен-

ной рядом с с. Тургенево. Развернулось упорное и ожесточенное сражение, в котором восставшие проявили немалое мужество и умение сражаться. «И поставя они обоз и пехоту построя и рогатками обметався, и конные их полки стали у их пехоты и пушки поставили около обозу»[18].

Практически весь день понадобился карателям для того, чтобы одержать верх над повстанцами. И здесь, как и в других местах, на стороне правительственных войск было лучшее вооружение, большая организованность и боевая выучка. В результате боя «атамана Петрушку Леонтьева убили, и десять знамен да пушку медную большую взяли и языков многих поимали»[19].

Однако победа воеводы была далеко не полной, хотя и была одержана победа, но повстанцы отступили за версту от д. Баево и создали там своеобразную линию обороны.

Панин двинулся за ними следом, и, видимо, вновь обратился за помощью к Барятинскому, понимая, что сил у него для полной победы над восставшими недостаточно. Тот не заставил себя долго ждать и пошел «со всеми ратными, и конными, и пешими людьми». Для царских воевод было очевидно, что этот повстанческий отряд представляет серьезную угрозу им и лишь совместными усилиями можно покончить с разинцами.

8 декабря каратели подошли к д. Баево, где и находился отряд восставших. Повстанцы были готовы встретить врага. Они умело использовали опыт ведения борьбы против правительственных войск, накопленный в предыдущих боях. На самом главном участке они сконцентрировали значительное количество пехоты и конницы, создавали сооружения из соединенных между собою повозок. За этими укреплениями укрывались группы восставших, которые в любой момент могли напасть на противника. Здесь же сосредоточивалась и артиллерия. Большую помощь восставшим оказывали и жители близлежащих мордовских сел и деревень. Кроме непосредственного участия в боях местное население снабжало восставших продовольствием и фуражом.

Подойдя к месту сражения, царские воеводы вынуждены были признать, что их противник хорошо подготовился к обороне.

Произошел новый не менее кровопролитный и упорный бой восставших с правительственными войсками. Несмотря на мужество восставших, победа и на этот раз досталась карателям. Отряд повстанцев был разбит, в руки врага попала артиллерия «3 пушки медные, да воз фетелю», и было захвачено немало пленных, «и языков многие побра-

ли»[20]. Так докладывали в Москву победители боя. Царские воеводы жестоко расправились с побежденными. Попавшие в плен участники сражения были подвергнуты наказанию, многие из них казнены. Не обошли «вниманием» победители и жителей окрестных мордовских сел, оказывавших помощь и участвовавших в сражении.

По материалам переписи алатырской мордвы, 1 житель с. Коласева был убит в сражении у с. Тургенева. Такая же участь постигла и одного из жителей с. Момадышева, что под Сурским лесом. Погиб в сражении и один из жителей с. Папулева, что на р. Алатырь. По 1 человеку погибло из с. Пермеева (на р. Азанке) и с Тазнеева (на р. Ташбакалейке). Кроме того, во время сражения погибли 4 жителя самого с. Тургенева[21].

Даже после того как царские воеводы одержали значительную победу в боях у с. Тургенева и д. Баево, они не чувствовали себя в полной безопасности. Повстанцы еще и теперь оказывали сопротивление.

Один из повстанческих отрядов, действовавших в Алатырском уезде, во главе которого стоял Т. Иванов, предпринял попытку подойти к Алатырю. Навстречу ему был направлен отряд карателей под командованием Ф. Леонтьева. 18 декабря противники встретились неподалеку от д. Селищи, где и «был бой большой». Видимо, повстанцы оказали упорное сопротивление правительственным войскам, но в полевом сражении потерпели неудачу. «Ратные люди тех воровских людей на бою под дерев. Селищами побили». После поражения восставшие отошли в лес, находившийся неподалеку, где и укрепились, создав засеку. Царскому воеводе пришлось вступить в новый бой с повстанцами, чтобы сломить их сопротивление. Однако и после этого Леонтьев не мог считать себя победителем, ибо неподалеку — в д. Андреевке находился еще один отряд восставших численностью около 500 человек. Лишь нанеся поражение и этому отряду повстанцев, воевода мог считать уезд усмиренным.

После этого Леонтьев приступил к наведению «порядка» в уезде. Жестоким экзекуциям подверглись не только участники восстания, но и жители окрестных сел и деревень, «а которых деревень мордва с ратными людьми билась, то велел же деревни сжечь»[22].

Во многих мордовских деревнях и селах были уничтожены дворы жителей, принимавших участие в боях, оказавших помощь восставшим. Так, в д. Андреевке было выжжено 3 двора, в с. Ардатове выжжено 7 дворов (1 человек сожжен в своем доме); в д. Баево — сожжено 4 двора;

в с. Кечушеве (на р. Васмолатне) — 15 дворов; в д. Селищи выжжено 7 дворов; в с. Тургаково на Печенелях сожжено 2 двора[23]. Такими жесточайшими мерами расправлялось правительство с участниками восстания и их помощниками. По далеко неполным данным, по Алатырскому уезду в результате действий карательных отрядов запустело 188 дворов мордвы, что составляло около 10 процентов от всего количества дворов в уезде. Здесь учтены только дворы, уничтоженные полностью[24].

В начале января 1671 г. Ю. Долгоруков докладывал в Москву о том, что в Алатырском уезде спокойно, « о сборе воровских людей не слышать». Восстание в уезде с огромной жестокостью было подавлено.

Как видно из всего изложенного выше, крестьянская война под руководством Степана Разина, охватив большую территорию Центральной России, вовлекла в орбиту борьбы огромные массы людей. Тысячи угнетенных различных национальностей встали рука об руку в ряды борцов против феодального гнета. Среди активных борцов было много представителей мордовской национальности. Повстанческие отряды, создаваемые мордвой, смело сражались против правительственных войск. Во главе их стояли мужественные сыны мордовского народа: Акай Боляев, П. Евлашев, Я. Никитинский и многие другие, но, несмотря на это, восстание имело черты типично крестьянского движения — распыленность, неумение объединить силы. В. И. Ленин писал об этом: «Когда было крепостное право,— вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»[25].

Литература и источники

1 Скляр И. М. К истории крестьянского движения в Среднем Поволжье накануне восстания Степана Разина //Ученые записки Киргизского заочного педагогического института.— Фрунзе, 1957 — Вып. 3.— С. 158—159.

2 Там же.— С. 162.

3 Масловский А. Бунт Стеньки Разина в пределах Пензенской губернии//Памятная книга Пензенской губернии 1889. Пенза, 1888.— С. 35.

4 Крестьянская война под руководством Ст. Разина. Сборник документов.— Т. 11.— Ч. 1.— Д. 48.— С. 62.
(В дальнейшем: Крестьянская война).

5 Котков К. А. Участие крестьянства Мордовии в крестьянской войне Степана Разина //РФ НИИЯЛИЭ.— И—309, л. 118.
6 Крестьянская война.— Д. 58.— С. 70.
7 Котков К. А. Указ. соч.— Л. 119.
8 Крестьянская война.— Д. 60.— С. 71.
9 Там же.— Д. 66.— С. 77.
10 Там же.— Д. 79.— С. 93.
11 Воронин И. Д. Сподвижники Степана Разина //Записки МНИИЯЛИЭ. История и археология.— Саранск, 1949.— № 11.—С. 156.
12 Зевакин М. И. К вопросу об участии мордовского народа в крестьянской войне Степана Разина //РФ МНИИЯЛИЭ.— И—305.— Л. 36.
13 Лебедев В. И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина.— М., 1955.— С. 136.
14 Крестьянская война.— Д. 251.— С. 302.
15 Гераклитов А. Алатырская мордва по переписям 1624—1721 гг.— Саранск, 1936.— С. 26.
16 Попов Н. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина.— М., 1857.— С. 70.
17 Викторов В. Крестьянские движения XVII—XVIII вв. //Сборник документов и материалов.— М., 1926.— С. 104.
18 Там же.— С. 86.
19 Попов Н. Указ. соч.— С. 116.
20 Крестьянская война.— Д. 364.— С. 462.
21 Гераклитов А. Указ. соч.— С. 52. 57. 62.
22 Крестьянская война.— Д. 358.
23 Гераклитов А. Указ. соч.— С. 34, 40, 55, 74.
24 ЦГАДА. Алатырская писцовая книга мордовских деревень 1671 г.— С. 38.
25 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 7.— С. 194.

Н. В. Заварюхин, В. И. Захаров

НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ МОРДОВИИ В XVIII в.

Зарождение капиталистического уклада в недрах феодальной общественно-экономической формации в России начинается в XVII в. Об этом свидетельствуют бурное развитие мануфактурного производства, складывание всероссийского рынка, появление вольнонаёмного труда.

Однако при соприкосновении и взаимовлиянии двух укладов — феодального и капиталистического — приоритет остался за первым, так как господствовавшие феодально-крепостнические отношения, проявляясь через интересы эксплуататорского класса, подчиняли развитие производительных сил удовлетворению потребностей дворянства и феодального государства (казны).

Эта тенденция особенно отчетливо проявилась в XVIII в. в поташном производстве. В 1680 г. на 7 арзамасских будных майданах числилось 497 наемных рабочих. Они вер-

бовались из близлежащих селений и городов. Плата за работу производилась деньгами и продуктами питания. Причем степень эксплуатации в поташном производстве была довольно высокой. Производя продукции на 10 руб. 87 коп., один наёмный рабочий в среднем в год получал заработной платы 2 руб. 14 коп.

Число гартов и количество производившегося на них поташа из года в год возрастало. Если в 1683 году на 11 поташных гартах было произведено 858 бочек поташа на сумму 6847 руб., то в конце столетия — на 20 гартах свыше 1000 бочек.

Указы Петра I обязывали стольников и дьяков тех волостей, где производился поташ, расширять производство. Одновременно высылались инструкции о технологии изготовления поташа и штатные расписания наёмных работников. На каждый стан предписывалось иметь: 1 поливача, 1 бочкаря, 1 ключника, 1 казака, 10 будников, 15 воштарей, 60 наемных рабочих, на 3 майдана одного кузнеца. Всего наемных людей разрешалось иметь на гарт около 100 человек. При них до 30 лошадей и волов[1].

В 20-х годах XVIII в. на Пичкиряевском майдане поливачу причиталось денег в год 20 руб., ржи 10 четвертей, овса — 3 четверти, соли — 3 пуда. Это за выделку 120 бочек поташа[2]. На Толском майдане в 1720 г. корытник зарабатывал в год денег 3 руб., ржи 5 четвертей, овса 2 четверти, соли 2 пуда. За это зимой он должен был рубить клепочные дубовые и кленовые дрова по 25 плах на день, летом работать на гарту — возить колоды, золу, делать щелочь. Работа кузнеца и бочкаря оценивалась почти два раза выше корытника. Так, кузнец, делавший топоры и другие инструменты для работников, получал денег 6 руб., овса 3,5 четверти, соли 3 пуда. Его помощник «податель» получал всего ровно на половину меньше. Бочкарю платили денег 6 руб., ржи 10 четвертей, овса 3,5 четверти, соли 3 пуда. За эту плату он был обязан делать по 120 бочек, деревянные ведра и квашни для пекарни, ушаты и лейки на гарт по надобности. Причем материал для работы он зимой заготавливал сам. Наемный казак при гарте, за то, что наряжал зимой и летом жителей на работу, получал деньгами 3 руб., ржи 5 четвертей, овса 1 четверть и 6 четвериков, соли полпуда. Двум целовальникам, принимавшим золу и клепочные дрова, давали ржи по 5 четвертей человеку[3]

В 1733 г. в Саранском уезде в двух учюевских гартах наемных мастеровых людей имелось 85 человек. В их числе — 2 поливача, 2 их подмастерья, 2 казака, 1 конюх, 1 кузнец, его подмастерье, 30 будников, 30 воштарей и

так далее. На Лухменском, Янгуженском, Корсаковском майданах насчитывалось по 39 человек наемных рабочих. Всего же в конце XVII — начале XVIII в. на арзамасских, барминских и починковских будных станах насчитывалось наемных работников 1026 человек[4].

Наряду с ними в поташном производстве трудились и приписные крестьяне. Они выполняли все подсобные работы, заготавливали сено, привозили золу, вывозили поташ, обрабатывали десятинную пашню. С расширением производства приписных крестьян на поташных станах становилось все больше. После указа от 16 мая 1732 г. на «подмогу» стародавним крестьянам, производившим поташ, было приписано 82 ясашные деревни с числом душ мужского пола 9910 человек[5]. Всего же по ведомостям 1739 г. к производству поташа было приписано 30000 душ мужского пола.

Из сообщения бригадира Жилина, управляющего починковской поташной конторой, видно, что труд на поташных заводах превратился для приписных крестьян в тяжелую, изнурительную повинность.

Расходы на содержание наемных работников были резко сокращены. Их заменили приписными. На каждый из 20 действующих гартов с августа по ноябрь в 40-х гг. XVIII в. снаряжалось от 300 до 400 приписных подневольных работников, то есть одновременно из 13000 наличного числа мужских душ находилось на работах от 6 до 8 тысяч человек[6].

Крепостнические методы производства привели к снижению качества поташа, так как подневольные работники не были заинтересованы в результатах труда. Русские и английские браковщики с 1712 по 1734 г. забраковали 489 бочек поташа. Низкосортным поташ продавался на треть дешевле. С 1735 по 1739 г. из 7335 бочек поташа, проданного за границу, некачественный оказался поташ в 2902 бочках[7]. Казна стала терпеть значительные убытки, и в 1760 г. правительству пришлось закрыть поташную промышленность как нерентабельную.

В XVIII в. в связи с началом разложения феодально-крепостнической системы хозяйства все больше крестьян, особенно государственных и удельных, начинает заниматься торгово-предпринимательской деятельностью. Часть из них заключала подряды на доставку соли от Элтонского озера в Саратов, а оттуда по разным городам и пристаням. Так, в 1750 г. Пензенского уезда деревни Камаево мордвин Фрол Семенов и другие нарядились доставить с Элтонского озера в Дмитриевские магазины в Саратове соли 8000 пудов. Из казны им на это выдали денег 160 руб. Эти же мордва

продавали хлеб в Саратове[8]. В апреле этого же года в саранских соляных амбарах хранилось элтонской соли 71509 пудов. Соль была доставлена крестьянами по подрядам. Для ее перевозки требовалось не менее 2043 подвод.

Крупным перевалочным пунктом на р. Мокше была Пурдошанская пристань. Здесь строились речные суда, на которых перевозились соль, хлеб и другие товары. Крестьяне из окрестных сел нанимались на суда кормщиками, водоливами и бурлаками.

Перемещение грузов осуществлялось и по другим рекам, протекающим по территории нынешней Мордовии. Так, 5 апреля 1745 г. кормщик из с. Кладбищи Т. Артемьев и водолив П. Потапов с бурлаками из с. Ичкасы нанялись доставить груз хлеба водным путем до Астрахани. 22 марта 1754 г. крестьяне сел Барышской Слободы и Промзина Городища в количестве 54 человек подрядились доставить хлебный струг в Ярославль.

Ежегодно от пристаней Алатыря, Мокши, Суры отправлялись в разные населенные пункты десятки хлебных стругов, которые сопровождались сотнями бурлаков. Оплата за рейс была по договоренности — бурлакам от 2 руб. 40 коп. до 4 руб., водоливам — от 4 до 5 руб., кормщикам — до 10 руб.

Значительное развитие в XVIII веке получает и лесной промысел. В примокшанских и присурских лесах русские и мордовские крестьяне по подряду заготавливали сплавной лес, дрова, луб, изготовляли бочки, ободья, дуги и тому подобное. Весной 1770 г. темниковский купец И. С. Власов нанял 26 человек крестьян из разных мордовских сел, которые заготовили 510 бревен и около 12000 лубков. Всего же для 9 подрядчиков в этом году было заготовлено 1736 бревен, 40 сажен дров, 32933 лубка, 600 ободьев.

Купцы нанимали не только работников, но и приказчиков, сидельцев, переписчиков из разных категорий крестьянства. Наймы были как краткосрочными, так и на несколько лет. Так, 8 июня 1754 г. мордвин д. Кученяево Федор Ульянов нанялся на 6 лет к купцу Андрею Ивановичу Новикову «жить в доме его», за оплату 3 руб 50 коп. в год. Сумму в 21 руб. он взял авансом для платежа податей и долгов своих[9].

Во второй половине XVIII в. дальнейшее развитие получает мануфактурная промышленность. На мануфактурах работали как вольнонаемные работники, так и приписные крестьяне. Что касается нынешней Мордовии, то она тоже не являлась исключением. Например, в Краснослободском дистрикте коломенские купцы Савва Негодяев

и Марк Сапожников завели шляпную фабрику и стекольный завод. Здесь же имелась полотняная мануфактура Дмитрия Дубровина. В Саранском уезде содержал полотняную мануфактуру полковник А. Полянский. В Темниковском уезде находилась полотняная фабрика Ф. Угрюмова. На ней наряду с вольнонаемными работали 334 приписных крестьянина[10].

В бассейне р. Мокша успешно развивались отрасли, связанные с производством чугуна и стали. Наиболее крупными «железоделательными» заводами были заводы Баташевых, А. Милюкова, братьев Никоновых.

Берг-коллегия покровительствовала заводчикам, выдавая им ссуды и разрешения на использование труда приписных крестьян. По сведениям 1766 г., на заводах Милякова их имелось 342 человека, Баташевых — 142. Из года в год численность приписных увеличивалась. В Тамбовской губернии в 1796 г. имелось 7 железоделательных заводов. На них числилось 1284 приписных работника из крестьян. Всех же заводов в России было 171, к ним было приписано 71686 крестьян.

Нужно также учитывать, что кроме основного производства труд крестьян использовался в значительных масштабах во всех сопутствующих отраслях, начиная от добычи руды, кончая транспортировкой готовой продукции. Следовательно, от земледельческих занятий отвлекались сотни тысяч крестьян.

Развитие винокуренной промышленности тоже требовало дополнительного притока рабочей силы. На территории Мордовии было несколько десятков винокуренных предприятий, принадлежащих как казне, так и частным лицам. По данным В. К. Прокаева[11], в 1722 г. на «Медаевский завод М. И. Бронницкого и откупаемый им Краснослободский кружечный двор нанималось «по записям» 32 работника. 16 человек нанималось «без записей» — «помесячно и понедельно»... Во время ревизии 1723 г. на предприятия «явилось» еще 16 работников». Справедливо мнение В. К. Прокаева о том, что «наемный труд применялся на всех помещичьих винокуренных заводах, но основной объем работ на них выполнялся крестьянами заводовладельцев».

Что касается казенных заведений, то большинство их работников было приписными. Часть крестьян принуждалась к работам прямым насилием. Как видно из челобитной сотника мордовской деревни Куликово Козьмы Егорова, директор Темниковского Бриловского казенного винокуренного завода А. И. Бахметьев в 1767 г. определил

семь деревень «из принуждения побой» для работ на заводе«безденежно». Правда, на следующий год крестьяне от этой повинности были освобождены по решению вышестоящих инстанций. В целом винокуренная промышленность и сопутствующие ей отрасли оказывали заметное влияние на хозяйственную деятельность крестьянства.

Одним из распространенных видов крестьянских промыслов был мельничный промысел. Причем в основном строились водяные мельницы. Очевидно, этому способствовало то обстоятельство, что на территории Мордовии существовала разветвленная речная сеть. Некоторые мельницы строились за счет казны и затем отдавались в аренду частным лицам и крестьянским общинам. Строительство мельницы стоило не менее 150 руб. На это требовалось: 500 сажен хвороста, 200 «подвалов» дубовых, 100 свай дубовых, 1000 возов соломы, 5 пудов железа. В среднем мельница строилась 30 дней. Привлекалось до 50 работников, которым платили по 3 копейки в день. Кузнецу платили за изготовление мельничного оборудования 2 руб.

Для строительства и обслуживания мельниц, крупорушек, маслобоен привлекалось значительное количество крестьян, причем как вольнонаемных, так и приписных.

В первой половине XVIII в. резко возросли отработочные повинности, связанные со строительством Петербурга, пограничных крепостей, с транспортировкой всевозможных припасов для воинских частей и адмиралтейских нужд, зажиточной частью крестьянства широко применялась практика найма вместо себя беднейших односельчан или пришлых людей. В 1714 г. в Петербург были посланы из Темниковского уезда работные люди. Часть из них разбежалась, часть умерла. Вместо них затребовали других крестьян. Была сформирована новая партия, в числе которой оказался наемный крестьянин П. В. Башкирцев, крепостной помещика Долгорукова. Очевидно, сделка произошла с согласия помещика[12]. В 1718 г. татары Саранского уезда отправили с дворянином Юматовым 256 работников. В Петербурге же на смотре выявилось, что вместо 150 назначенных крестьян явились «наемщики». Такие случаи были довольно частыми.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

С начала XVIII в. в связи с зарождением и развитием капиталистического уклада в России происходил процесс формирования рынка наемной рабочей силы. Несмотря на то, что феодально-крепостнические порядки в значительной степени сдерживали этот процесс, сотни тысяч крепостных и

казенных крестьян отрывались от земледельческих занятий и устремлялись в различные отрасли промышленного производства, в бурлачество, извоз и тому подобное.

Эти тенденции поощрялись как казной, так и помещиками, так как доходы от земледельческих занятий не удовлетворяли возросших потребностей господствующего класса. При этом, как ни парадоксально, сам господствующий класс подрывал устои феодально-крепостнической системы хозяйства, одним из основных условий функционирования которой было прикрепление крестьян к земле.

Однако уже во второй половине XVIII в. начали преобладать негативные тенденции. Помещики усиливали степень эксплуатации крестьянства, казне же оказалось выгоднее использовать труд приписных крестьян, так как им можно было не платить.

Эта мнимая выгода привела к тому, что кризис феодализма принял затяжной характер и продлился вплоть до 1861 года.

Литература и источники

1 ЦГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 225, л. 3.
2 ЦГАДА, ф.1091, оп.2, д.219, л.43.
3 ЦГАДА, ф.1091, оп.3, д.17, лл.16—16 об.
4 См.:Руткевич Н. Поташные починковские заводы. XVIII в. // Записки МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1940.—№ 6—С. 52 (Подсчеты наши).
5 ЦГАДА, ф.1091, оп.3, д.88, л.2.
6 ЦГАДА, ф.19, оп.1, д.225, л.9.
7 ЦГАДА, ф.19, оп.1, д.225, лл.323—324.
8 ЦГАДА, ф.436, оп.1, д.422, лл.1—3.
9 ЦГАДА, ф.615, оп.1, д.45, л.28 об.
10 ЦГАДА, ф.453, оп.1, д.2095, л.66 об.
11 Прокаев В. К. Работные люди в промышленности Мордовии начала XVIII в.//Из истории формирования и развития рабочего класса Мордовии.— Саранск, 1989.—С. 35—41.
12 ЦГАДА, ф.248, оп.3, д.62, л.528.

Н. М. Арсентьев, С. Б. Летуновский

ОБРАЗЫ ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ МОРДОВИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

История трудящихся стала ведушей темой советской историографии с самого начала ее становления. В разные периоды развития советского общества неоднократно менялось представление о приоритетных направлениях в ее

исследовании. Современные задачи экономического и внутриполитического развития нашей страны ориентируют наряду с продолжением работы по традиционным проблемам на изучение новых. Среди них важное место принадлежит общественному сознанию. Его анализ позволит углубить исследование истории классов и выявить закономерности взаимодействия экономических, социальных, политических и культурных процессов в обществе, потому что общественное сознание, возникнув как отражение общественного бытия, включалось в качестве духовного средства в трудовую деятельность, в общественную жизнь, становилось необходимым, существенным компонентом истории человечества[1].

Предметом данного исследования стало общественно-политическое сознание трудящихся мордовского края. В статье анализируется небольшой период в его развитии — конец XVIII — первая половина XIX века. В это время идет разложение феодального строя и на смену ему приходит новый общественный строй — капитализм. Переплетение феодальных и капиталистических элементов обусловливало исключительно острую борьбу социальных сил, связанных с этими разными общественными структурами. Как и все периоды перехода от одной общественно-экономической формации к другой, данный этап истории отмечается особой сложностью. Эта сложность проявляется не только в особенностях социально-экономического развития, породивших массу переходных, противоречивых по социальной принадлежности форм производственных отношений. Помимо отмеченного противоборства борьба между старыми и новыми общественными отношениями проходила и в иных, более сложных и скрытых формах — в общественном сознании. Процесс разложения феодализма в немалой мере предполагал изменения в духовном строе общества, включения в него элементов нового буржуазного мышления.

Мировоззренческую позицию трудящихся края в это время определял преимущественно крестьянский характер населения. На 1858 г. данное сословие составляло примерно 92 процента от 800-тысячного населения. Крестьяне были представлены различными массовыми группами. По этническому составу на 50-е гг. на территории семи уездов проживало около 550 тыс. русских, свыше 200 тыс. мордвы, до 50 тыс. татар и представителей других народов. По социально-правовой принадлежности 39,1 процента их были крепостными, 48,5— государственными, 12,4 процента — удельными[2]. Условия жизни их в основном были общими — все они были хлебопашцы, что порождало относительно высокую психологическую гомогенность крестьянского

общества. Бедность, полуголодные условия бытия питали психологическую ориентацию на простое выживание, которая сочеталась с традиционной трудовой этикой, коренящейся в крестьянской культуре. Фундамент мировоззрения крестьянина составляла тысячелетняя социальная практика народных масс.

Повсюду для крестьянского миропонимания было характерно сохранение многих элементов обыденного сознания средневековья. В среде крестьянства в силу особой роли в его жизни традиций бытовали представления, свойственные так называемому народному христианству, включающему и элементы древнего «магического» сознания. Картина мироздания, лежавшая в основе крестьянских воззрений на природу и общество, была поэтому повсюду окрашена ярко выраженной религиозностью.

Религия, используя свою монополию на интеллектуальное образование, стремилась воздействовать на все стороны духовной жизни крестьянства, подчиняя ее господствующей феодальной идеологии. Ею активно проповедовался культ абстрактного человека, в котором реальные социальные характеристики, социальное неравенство между людьми, имущественные, правовые и другие различия отбрасывались и преодолевались как несуществующие с точки зрения главного отношения, определяющего сущность человека — отношения к богу. Идея бога, воздающего в потустороннем мире, глубоко сидела в народных массах, обосновывая существующий порядок вещей, его целесообразность, неизменность и богоугодность.

Существенным фактором, непосредственно влияющим на формирование общественного сознания крестьянства, была политика русской колонизации на мордовских землях, а также широко проводившаяся самодержавием христианизация мордвы. Не принимая этого в расчет, мы не в состоянии будем понять, почему крестьянство Мордовии принимало такое деятельное участие во всех народных движениях XVII — XVIII вв., почему в течение этого же времени мордва массами бросала свои населенные места и уходила в «дикия поля» и степи Саратовской губернии и Заволжья, почему там оказалось ее в конце концов больше, чем на коренных землях.

В комплексе жизненных ориентаций населения края заметное место занимала община, хранительница старинных обычаев предков. Ее возможности, права и обязанности были для большинства крестьян единственной сферой приложения общественной деятельности и выражения гражданских чувств. Выступать вместе с миром и от имени мира, когда

нужно защищать свои интересы — эта тенденция коллективного сознания красной нитью проходит через всю массу исходивших от крестьян документов.

Существование в деревне общинного владения с периодическими переделами земли по едокам и круговой порукой в оплате повинностей, конечно же, помогало крестьянскому «миру» отстоять свою относительную независимость от давления государства и притязаний помещика. Общинный институт удерживал крестьянина от полного разорения, выравнивал всех жителей деревни в отношениях к главному источнику крестьянского существования — земле. Однако общинное владение землей накладывало особый отпечаток на психологию крестьянина, превращало его в орудие воли «мирского схода».

Страх совершения греха перед богом, страх перед всемогуществом репрессивной системы усиливался страхом нарушения обычаев общины. Страх являлся своего рода регулятором поведения крестьянина, его мировоззренческой позиции.

Особенности социального положения крестьянина и в целом характер общественного устройства с его системой сословных зависимостей, освященных религией, традициями старины, которые давлеют над процессом мышления, вынуждали его воспринимать жизнь как объект воздействия или потусторонних сил, или провидения божьего, или воли царской, или милости барина, или обычаев общины и так далее. Крестьяне не осознавали себя субъектом своей деятельности. Эту черту крестьянского сознания феодальной эпохи отметил и блестяще объяснил еще К. Маркс. «Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации,— они не образуют класса. Они поэтому не способны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени... Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет»[3].

Вот почему крестьяне в борьбе за свои права чаще всего обращаются к авторитету бога, царя, общины. Человек воспринимал мир в привычных для феодального сознания образах. При этом мировоззренческая позиция крестьянина носила эклектический характер. Все, что мешало его жизни, объявлялось незаконным, противоречащим традициям ста-

рины, общины, христианской морали, совести и т. п.

Любопытно в этом отношении замечание Э. Р. Перцева, сотрудника герценовского «Колокола», о том, как народ воспринимал царя: «В целой России,— писал он,— деревенское население имеет смутную идею об особе и личности царя и всегда с диким любопытством расспрашивает о нем отставных и бессрочных солдат, имевших случай его видеть: не золотой ли он? не бриллиантовый ли? Так ли он ходит и говорит, как все люди? Нет ли вокруг него сияния? и т. п. Мне самому часто приходится отвечать на подобные вопросы. Это покажется невероятным европейцу, но, передавая нагую истину, без прикрас, ссылаясь на каждого добросовестного русского, имевшего близкие отношения с крестьянами внутренних губерний, самые развитые из них воображают царя и царицу красавцами, необыкновенно сильными. необыкновенно умными и одаренными всеми добродетелями. Даже крестьянин, обтертый городской и столичной жизнью, никогда не поверит, чтобы царь или царица могли напиться пьяными, предаться разврату или быть тиранами; крайний предел сермяжного либерализма — это мысль, что иногда и царь ошибается, потому что его обманули, не так ему доложили»[4].

Следует еще сказать и о конформизме мышления хлебопашца. Приверженность к старине и обычаям предков затрудняла проникновение в сознание крестьянства новых идей. Причем черта эта весьма устойчивая, порой оборачивающаяся против самих крестьян и приводящая к любопытным парадоксам. Показателен в этом отношении один из социальных экспериментов Н. П. Огарева. Поселившись с осени 1846 г. в своем имении Старое Акшено, Н. П. Огарев приступил к реформаторской деятельности. Сущность ее заключалась в отказе от крепостнических методов ведения хозяйства и переходе к системе вольнонаемного труда. Последний рассматривался им как основное средство повышения общего культурного уровня работника и воспитания в нем чувств человеческого достоинства, сознательного отношения к труду и свободы личности[5]. Намерения Н. П. Огарева встретили противодействие самих крестьян, являвшихся объектом его социально-реформаторской деятельности.

Нарисованный нами социально-психологический комплекс далеко неполон, но даже и он ярко выражает характерное для крестьянства явление массовой стандартизации, деиндивидуализации мотивов и запросов, предельно скованных и суженных личностных притязаний. В рамках такого образа жизни проблема личностного смысла деятельности

не вызывала особых трудностей. Люди работали ради поддержания жизни своей и близких, руководствовались в своих взаимоотношениях естественными для них групповыми морально-этическими нормами; общественное значение и цели их деятельности не могли вызвать у них каких-либо сомнений. Традиционность крестьянского сознания консервировалась за счет особо тесной включенности этого класса в неизменные природные циклы, а также вследствие многовекового сохранения феодального гнета, из-за устойчивости (или даже неизменности) общинных обычаев. Выраставшая на этой основе консервативность многих стереотипов крестьянского поведения общеизвестна: пассивность, социальная апатия, равнение на диктуемые сверху идеологические установки...

Но вместе с тем нужно подчеркнуть, что, несмотря на неадекватное, фантастическое мировосприятие, мы не должны преувеличивать это свойство крестьянского сознания. Обращение к фольклорным источникам показывает, что исторические песни с большой долей достоверности отражали действительность. Фантастический элемент в них, как правило, отсутствовал, события выбирались значительные и изображались без деталей, а исторические лица были представлены в наиболее важные и общественно значимые моменты их жизни. Несмотря на неравномерность и избирательность исторических знаний крестьянства, существовала определенная последовательность во времени, в представлениях об исторических личностях и их окружении. При всей неопределенности былинного времени никто из крестьянских сказителей не поместил бы князя Пургаса в недавно прошедшую эпоху. В массе крестьянства существовали вполне четкие понятия о том, что монголо-татарское нашествие было до Грозного, а Пугачев явился через сто лет после походов Разина.

На протяжении конца XVIII — первой половины XIX в. духовные искания трудящихся были обусловлены в конечном счете и разложением феодального строя, и ростом в недрах старого порядка тенденций буржуазного развития, и усилением разорения крестьянства, и обострением социальных противоречий в обществе. Традиционный социально-психологический комплекс начал мало-помалу размываться в результате возросшей социальной подвижности массовых слоев населения, роста грамотности, развития новых источников информации и нового образа жизни. Значительно изменились психологические связи личности и государственной системы, ослабли старые идеологические стереотипы, в целом в обществе, в том числе и у крестьянства, что вызвало

надежды на перемены в государственном устройстве.

Настроение трудящихся в первой половине XIX в. наиболее полно отразили ежегодные отчеты III Отделения и корпуса жандармов. Возьмем, к примеру, известное сообщение А. Х. Бенкендорфа царю в 1839 г.: «Простой народ ныне не тот, что был... В народе толкуют беспрестанно, что ... одни русские православные — невольники вопреки священному писанию; что всему злу причина господа, то есть дворяне. На них сваливают всю беду!.. Что господа обманывают царя и клевещут перед ним на православный народ и т. п. Тут же приводят тексты из священного писания и предвещают освобождение крестьян, месть боярам, которых сравнивают с Аманом и фараоном...»[6] При всей социальной аморфности воззрений крестьянства появившаяся потребность, во-первых, в формулировке социальных требований, идущих вразрез с интересами господствующего класса, во-вторых, в средствах их авторитетного в данной социальной группе обоснования, в-третьих, в противопоставлении программ освобождения официальной церковной идеологии свидетельствует о возникновении условий для осознания личностью ненормальности несвободного состояния.

Подобные настроения не могли не сказаться на социально-политических идеях трудящихся всех народностей Мордовии. Социальный идеал нового государственного устройства, о котором мечтали крестьяне и чем обосновывали борьбу за свои права и попранное достоинство, нашел наиболее полное отражение в утопических легендах «о хорошем», «народном» царе-избавителе.

Крестьянские войны, волнения и восстания были проникнуты борьбой за царя-освободителя, от которого господа скрывали правду об их горькой жизни. Жалобами на высочайшее имя, которыми они засыпали все канцелярии, и даже бунтами они стремились донести правду об их тяжелой участи. «Земной бог! Молим, просим Вас, яко Христа, и помазанника Божия,— писали рабочие Виндреевского завода в челобитной на высочайшее имя,— защиты и покровительства показать всем нам, мастеровым»[7].

Вполне понятно и самозванчество Пугачева — государя Петра Федоровича, чудесно спасшегося от козней Екатерины II, который

Казаков и русских
И мокшан ведет.
Эрзян и татар
Он с собой зовет[8].

В мордовском фольклоре песен о Пугачеве очень много. Мордва встретила Пугачева — Петра III с ликованием, воспевала его как освободителя от всех притеснений. События крестьянской войны 1773—1775 гг. явились кульминацией развития социально-утопической легенды о Петре III. Действия пугачевцев, программные документы крестьянской войны поселили в народе веру в возможность нового государственного устройства, где не было бы эксплуатации, а «боярские поля, господские леса, луга и стада» принадлежали крестьянам[9].

Подавление пугачевского движения в мордовской исторической песне воспринимается как народное горе. В ней проклинается кровожадная царица Екатерина II, которая, мстя повстанцам, вешала их на столбах, кровью крестьян напоила воды Мокши. В этих песнях проявилось критическое настроение к царю, что еще раз подчеркивает антифеодальную направленность крестьянского монархизма.

В конце XVIII в. впервые появляются слухи об ожидаемых царских «милостях», связанных с именем Павла Петровича. Популярности его в крестьянской среде способствовала общеизвестная нелюбовь Екатерины II к Павлу, а также деятельность Пугачева, инсценировавшего свои дружеские отношения с «сыном» и всячески подчеркивавшего приверженность Павла делу «отца»[10]. В мордовских исторических песнях Павел изображается нередко как страдалец за попытку дать крестьянам вольную. Он не похож на других государей, ведет скромную жизнь, живет не в петербургских дворцах, а в казацких, яицких степях. Именно там, за простым столом, он пишет указы об истреблении господ и превращении богатеев в пахари, об отмене крестьянских податей, рекрутчины, о воспитании крестьян грамотными и культурными людьми[11]. Непродолжительная социальная практика жизни без господ времен пугачевской войны расширила и углубила крестьянский идеал нового общественного устройства. Народные песни в поэтической форме отражали стремление масс к свободе, к новому государственному устройству, которое должен им принести «добрый царь». Причем традиционализм этого образа был настолько велик, что несовпадение крестьянских взглядов на государственную власть в сравнении с повседневной закрепостительной политикой царизма привело к широкому распространению легенд о «неистинности» правящего монарха — о подменных царях, царях-антихристах. В мордовском фольклоре это нашло отражение в появлении цикла песен, в которых государь (иногда он зовется Петром Великим), олицетворяет силы зла и несправедливости:

Из человеческой крови пущу реки,
Из людских костей настелю мосты,
Из толстых костей настелю балясы,
На балясах насажаю черепа людей[12].

Крестьянину, видимо, проще было объявить ряд правящих монархов антихристами, чем подвергнуть сомнению образ царя — народного заступника, «помазанника божьего» на земле.

Эта особенность социально-политических взглядов крестьян России привлекла внимание и европейцев, ее отметил Ф. Энгельс, который писал: «Русский народ... устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против дворянства и против отдельных чиновников, но против царя — никогда, кроме тех случаев, когда во главе народа становился самозванец и требовал себе трона... Наоборот, царь представлялся крестьянину земным богом...[13]

Наряду с легендами о царях-избавителях и самозванчестве другим характерным проявлением крестьянского монархизма была вера в «милостливые царские указы». В крестьянской среде циркулировало немало слухов, связанных с монаршими указами о дарованной воле, которую скрыли господа, что также являлось обоснованием социального протеста.

Сильны были такие настроения во время Отечественной войны 1812 г. Ополченцы Инсарского полка, когда им зачитали манифест о походе, не найдя в нем подтверждения дарованной им свободы, отказались от принятия присяги. Они потребовали «подлинного» манифеста с царской печатью, а прежний объявили подделанным командирами. Вслед за Инсарским ополчением восстали крестьяне Саранского, Чембарского и Краснослободского полков[14].

Широко развернулось крестьянское движение во время Крымской войны в связи с призывом в морские ополчения 1857 г. Народная молва также увязала указ с освобождением от крепостного состояния. Сотни крестьян края бросали полевые работы и приходили в земский суд, требуя билетов на поступление в ополчение. Многие самовольно уходили в Москву, чтобы записаться во флотилию[15]. Также восприняли крестьяне реформу 1861 года и предшествующие ей указы. Жители с. Русское Маскино под влиянием слухов об отмене крепостного права в 1858 г. подняли восстание, отказались подчиняться владельцу. Потребовали нового поземельного устройства, заявляя, что «земля их собственность и они имеют права распоряжаться ею как хотят»[16].

Почти все известные случаи распространения в крестьян-

ской среде слухов о милостивых царских указах связаны с обстановкой массовых движений. Вера в царские милости далеко не всегда означала пассивное их ожидание. Чаще всего они являлись обоснованием протеста.

При всей противоречивости проявлений наивного крестьянского монархизма за ними скрываются общие представления о природе государственной власти, которая лишь тогда законна, когда выступает в защиту трудящихся. Все это показало противостояние крестьянской социальной утопии о «хорошем», «народном» царе-«избавителе» и официальной идеологии (в челобитных и посланиях — на политическом уровне, в волнениях и крестьянских войнах — на уровне социальной практики).

Мнение о несправедливости существующего строя становится характерной чертой общественно-политической мысли крестьянства. Если в предшествующее время трудящиеся редко поднимались до отчетливого осознания необходимости его ниспровержения (за исключением, может быть, периодов крупных социальных движений), то на этапе кризиса феодально-крепостнической системы борьба за его уничтожение провозглашается делом святым, божественным[17]. В среде насильственно крещеного мордовского народа было широко распространено оппозиционное отношение к господствующей в христианстве системе идей и ценностей, что привело к открытой борьбе не только против другой религии, но и против общественного строя, который она освящала[18].

В конце XVIII — первой половине XIX в. социальная психология крестьянства характеризуется состоянием ожидания перемен. Связывали их не только с пришествием или прозрением царя-заступника. Широко распространенными были слухи о появлении народного богатыря, который «всех помещиков пометет». Сказки, легенды, сказания мордовского народа доносят до нас немало таких образов. Любопытно, что народный заступник порой выступал даже и в облике представителя господствующего класса. Так, во время волнений в 1824 г. на Сивиньском заводе распространился слух, что в 1823 г. накануне рождества на завод к рабочему Петру Тихонову приезжал какой-то неизвестный человек на тройке гнедых лошадей: «Волосы русые, кудрявые, имел привычку зачесывать их рукой, лицом белый, брови черные, долгонос, росту высокого, нестарых лет». Был он в одежде, присущей господину при чинах, имел знак «Золотой орел». Он рассказал рабочему, как владелец завода сделался барином и нажил деньги, взяв в жены «благородную дочь», что он не имеет права на владение

крестьянами, и они должы быть вольными. Потом расспрашивал об оплате, интересовался повинностями. Советовал не выполнять никаких работ, пока каждый мастеровой не будет получать по рублю в день, а женщины — по 50 коп. и кроме этого — все престарелые и не способные работать — по 25 коп. Незнакомец поведал, что прежде он был на Баташевском, Хрущевском, Бриловском винокуренном заводах, в Гусе, Орле, а сейчас направляется в Саратов. Рано утром он уехал, попросив рассказать все мастеровым, а Петру Тихонову наказал приезжать в Пензу, когда туда прибудет государь, и подать прошение[19]. Таких примеров можно привести немало. В них также прослеживается характер представлений части крестьянства о будущем социальном устройстве и месте в нем господствующего класса. Вероятно, дворянство не исключалось полностью из социальной системы крестьянской монархии, измениться должны были его функции. Дворяне должны были стать защитниками интересов трудящихся. Несовпадение идей о «хорошем барине» с повседневной крепостнической политикой дворянства также обнажало антифеодальную, антикрепостническую сущность настроений и ожиданий крепостного крестьянина.

Следовательно, общественно-политическая мысль крестьянства, систематизированная в рамках образов народных заступников, не только имела непосредственную социальную направленность, но и являлась непосредственным руководством к социальному действию. Духовные искания крестьян отразили содержание их политического идеала и пути будущего переустройства общества. Монархия в крестьянском понимании являлась положительным феноменом духовной культуры. «Демократическая республика,— отмечал В. И. Ленин, анализируя особенности общественного сознания крестьянства,— станет его идеалом, как только оно станет избавляться от наивного монархизма...»[20]

В связи с этим неправомерен тезис, получивший распространение в исторической литературе и трактующий представления о царской власти, которые существовали в рамках крестьянской программы социального переустройства общества как непонимание социальной сути абсолютистского государства. Сам факт существования социальной утопии, вовсе не примиряющей их с царской властью, скорее говорит об обратном.

Движение крестьян в предреформенные годы заметно активизировалось. Но для нас главное значение имеет не количественное увеличение волнений, а то, что изменялись

мотивы крестьянского движения, формы и методы крестьянской борьбы. Многочисленные волнения возникали не только вследствие усиления эксплуатации или слухов о воле, но главное потому, что в сложившейся обстановке в деревне крестьяне все чаще выступали против таких условий крепостной зависимости, которые ранее не вызывали активного протеста. Теперь борьба крестьян ведется не только против «своего» помещика, но и против всей системы крепостного права как таковой. В отчете Министерства внутренних дел, к примеру, указывалось, что у крестьян «утвердилось ложное понятие о недостаточности прав помещиков на владение крестьянами»[21]. Свидетельством растущего крестьянского самосознания является тот факт, что в предреформенные годы более детальной и «далеко идущей» стала стихийно выдвигаемая крестьянами «программа» их требований. Если раньше основным было представление личной свободы, то теперь борьба велась не столько за личную свободу, поскольку «воля» была близка, сколько за конкретные условия освобождения. О том, сколь значительным был сдвиг в крестьянском самосознании в эпоху падения крепостного права, свидетельствует выдвинутая крестьянами «программа» их освобождения. Она сводилась, по мнению В. А. Федорова, к следующему:

1 Ликвидация помещичьего землевладения и передача всей земли тем, кто на ней трудится, с соблюдением принципа равного распределения.

2. Уничтожение всякой власти над крестьянами помещиков и всех форм внеэкономического принуждения.

3. Уничтожение всех феодальных повинностей в пользу помещика.

4. Уничтожение феодальных государственных повинностей.

5. Предоставление отдельным крестьянским общинам самоуправления, независимого как от помещика, так и от царской администрации[22].

Эта «программа» стала развитием и конкретизацией основных требований длительной борьбы крестьянства за создание нового гуманного общества.

Естественное стремление крестьян избавиться от тяготевшего над ними гнета получало своеобразное выражение и в религии, поскольку ее носителями выступали народные массы.

В фольклоре мордовского народа нашла широкое отражение такая черта общественно-политического сознания, как оппозиционное отношение к господствующей

христианской религии. В замечательных по художественной форме песнях о крещении мордвы показан приоритет «старой» мордовской веры над новой, христианской. Попытки обратить в новую религию мордовскую девушку тщетны:

— Скидай хвосты, мордовка,
Скидай хвосты, жидовка,
Скидай хвосты.
Надевай кресты.
— Я не скину хвосты,
Не надену кресты[23].

В момент неминуемой, казалось бы, расправы над упорствующей, ей приходит чудесное избавление. В молитве девушка обращается к понятному и надежному Пургас-пазу.

— Приди, погода, с молниями,
Пургас любимый, люби меня!
Встань, Пургас, с востока...
... Любимый Пургас поднялся,
Пришла с востока грозовая погода,
Разрушила дворец правителя,
Разрушила его до порога,
Попа зарыла в снег
Любимый Пургас зарыл попа[24].

Уже на основании песен о крещении можно сделать вывод о том, насколько близки были евангельские идеи мордовскому крестьянству. Но ошибочно было бы доводить до фанатизма и веру мордвы в собственных богов. Напротив, народная мудрость оставила нам массу альтернативных свидетельств, когда мордовское население критически относилось и к своим богам. Весьма характерна в этом плане, к примеру, эрзянская песня «Раздача счастья». Бог Нишке делит счастье:

Богачу-эрзянину — плошкой,
Бедняку-эрзянину — чаркой.
Несчастному сироте кончиком ложки,
Сироте не досталось (счастья)[25].

Увидев горюющего сироту и узнав причину его печали, «справедливый Нишке» успокаивает его:

— Ты не плачь, сиротинушка,
Не печалься ты, парень,
Уж я дам (наделю) тебя счастьем.
Наделю тебя долей завидной,
Погоди, лишь осень наступит—
И (пойдешь ты), сиротка, в солдаты.

Заломил он все десять пальчиков.
— Видно впрямь сирота я несчастный
Горевать мне на роду написано[26].

С течением времени, с укреплением христианской религии в среде мордовского крестьянства, появляется множество сатирических произведений, главными персонажами которых становятся священнослужители. Разные по сюжету, и жанру, они едины в одном — незавидной роли представителей христианской религии. Особое развитие получили сказки. Они часто несут в себе выраженные в аллегорической или фантастической форме народные идеи, отражают сознание масс. Наряду с приближенностью сказочного действия к условиям жизни, элементом действительности, на наш взгляд, следует считать и выраженное в сказках реальное отношение к представителям церкви. Часто народная сатира, не ограничиваясь конкретными служителями культа, едко высмеивала и саму христианскую религию. Характерна в этом отношении сказка «О крещении села Оркина». Разоблачив корыстного попа, наживающегося обманом крестьян, сказка зло иронизирует над священными атрибутами религии. Вот как объясняет находчивый мужик факт появления иконы святого Николая в хлеве.

— «... видно, бог гулял ночью, да, идя домой, не нашел избяной двери, вошел в эту дверь спьяна и упал в грязь. А свинья что! Они шайтана и того затопчут. И дивлюсь, как они его, кормильца, еще не съели?»[27].

Глупость и трусость попов, их собственное неверие в силу молитв и святых, магических действий показаны в эрзянской сказке «Черт Иван». В ней повествуется о незадачливом крестьянине Иване, вымазавшемся в дегте и вывалявшемся в перьях. Попав в амбар, он страшно пугает хозяев, принявших его за черта.

«Послали за попом, чтобы он освятил амбар... Поп привязал лошадь к столбу, а сам начал освящать амбар: кропить водой... Но никто к амбару близко не подходит: все боятся, и больше всех сам поп»[28].

Когда же из амбара выскочил мнимый черт, поп, забыв все святые молитвы, стал удирать верхом, при этом хлеща лошадь кадилом. После такого приключения «Поп с перепугу вскоре умер»..

Вообще говоря, ирония и злая сатира на священнослужителей — один из излюбленных мотивов сказочного устно-поэтического творчества мордовского народа. «Фока и поп Прокофий», «Шут Иван», «Как дурак убил

попа», «Обедня»[29] — эти и многие другие сказки ярко и оригинально отражают реальную действительность — господствовавшее в среде мордовского крестьянства оппозиционное отношение к христианской религии. В других жанрах народного творчества также отчетливо прослеживаются антихристианские тенденции.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа содержит весьма богатую антологию мордовских пословиц и присловий, посвященных интересующему нас вопросу: «Бог много обещает, да ничего не дает», «Милостей у бога много, да, кроме попа, их никто не получает», «На бога понадеешься — ноги вытянешь», «Вор ворует руками, а поп — языком», «Ребенок родится — ай, ай!, а попу — »дай, дай!»[30]. Мы привели лишь несколько наиболее характерных примеров. Тем не менее трудно преувеличить их значение. Сила фольклора — в силе мнения народных масс. Все те изречения, которые идейно не соответствовали строю мыслей и чувствам трудового народа, отсеивались в процессе их бытования.

Подобное оппозиционное отношение мордовского народа к проповедуемым христианством идеям и ценностям нашло отражение и в его социальном поведении.

Широкую известность получило волнение крестьян Терюшевской волости Нижегородской губернии. О чрезвычайной важности этого события свидетельствует уже то, что министр внутренних дел, ознакомившись с приговором состоявшегося суда, счел необходимым доложить о деле самому императору Александру I. Начало этого волнения относится к лету 1804 г. Тогда последовал отказ крестьян убирать помещичий хлеб, затем переросший в религиозно-реформаторское движение, охватившее мордовское население и соседних уездов. Вождем был мордвин Кузьма Алексеев, который «... оставя хлепопашество, представляя себя за пророка, обольщает сам окрестных селений новокрещен и делая сие явно, рассылает подобных себе в другие селения... почему в прошедшее воскресенье, то есть 12 числа сего сентября, было на сборе в деревне Сескине обоего пола не менее 4-х тысяч душ»[31].

Внимательно вчитываясь в копию решения по делу «О ложном пророке из мордвы крестьянине Кузьме Алексееве и его сообщниках», можно найти строки, прямо опровергающие представления об Алексееве, как проводнике «истинной» старой мордовской веры:

«...а чтобы показать себя пророком, посланным к мордве, начал их древние обряды при мольбищах поклонением на запад, отправлением мольбы, когда приносились в жертву гу-

си и мед к ночи, а по их древним обрядам отправлялись оные днем, а к ночи делали они мольбу, называемою братчина, принося в жертву быка и пиво. При таковых мольбищах употреблялись у них начальники, называемые вазатеи, а при них помощники пурендейти. Но он сие отменил, сделав себя начальником и пророком, а сообщников своих также особыми именами не называл»[32].

Как видно из приведенных выше строк источника, крестьяне почему-то весьма спокойно отнеслись к предпринятой Алексеевым ревизии старой веры, в частности к искажению (и существенному) отправления древних обрядов. Хотя, кому, как не им, надлежало быть ревностными хранителями мордовской веры, ее чистоты, передаваемой, несмотря на все запреты, из поколения в поколение. Думается, что к этому времени крещеная мордва не соблюдала обычаев старой веры столь тщательно. Тысячные толпы народа привлекала не столько возможность приобщиться к истинной вере, так как и посещая церковь, крестьяне, по их собственным словам, «...быв научены от своих отцов и древних мордовских обрядов не оставляют же и всегда им с малолетства следуют»[33]. Главное, что звало народ на собрания Алексеева — услышать желанные слова о том, что они должны быть свободными, не принадлежать помещикам и не платить оброка, обязаны сохранять свои национальные обряды, быт, одежду. Ради этого крестьяне прощали своему пророку и вольности в обращении с обычаями отцов.

Исключительный интерес представляет, шедшее параллельно с религиозно-реформаторским, еретическое движение. Степень его распространения в крае пока еще недостаточно изучена. Можно привести лишь выборочные данные. В Темниковском уезде, к примеру, в основном распространена была секта Христова, или Спасова согласия. В 1849 г. в нее входило 40 женщин и 13 мужчин. У государственных крестьян уезда отмечена старообрядческая вера[34]. Причем раскольники для распространения своих учений пользовались не только устной проповедью. В среде крестьян распространялись и рукописные книги, которые заключали в себе «много погрешностей».

В первой половине XIX в. наиболее популярным у населения края было молоканство[35]. Идеалом веры оно провозглашало первоначальное христианство, не искаженное соборами. Чрезвычайно интересными были социальные представления последователей этого учения. По нему все люди должны быть равны, не может быть ни богатых, ни бедных, ни неблагородных, ни рабов, ни господ. В противовес

существующему несправедливому обществу стали создаваться общежития молокан. Они строились на «евангельских» началах любви и равенства всех членов. Таким образом, молоканство провозгласило непримиримое отношение к современному ему государству. Говоря об антицерковной молоканской организации, нужно вспомнить, что многие видные представители революционной демократии середины XIX в, в том числе Герцен и Огарев, придавали особое значение наличию в народной среде сторонников радикальных «ересей», видя в них возможных проводников революционного влияния на народ. Молоканство достигло апогея в первой трети XIX в, когда вследствие развития эсхатологических ожиданий (конец света был объявлен в 1836 г.) часть мордовского населения, последователей этой веры, устремилась в Закавказье, на персидскую границу, к горе Арарат, к прародительной земле, где будет основано тысячелетнее царство и «будет там рай, земля, кипящая молоком и медом»[36].

Как видим, в определенных кругах крестьянства пользовалась популярностью идея уравнения сословий и имущества, которая обычно связана со стремлением к полному переустройству общества на основе социальной справедливости. Этот комплекс радикальных революционных социально-политических взглядов питался уже не ортодоксальной доктриной христианства, а ее явно еретической интерпретацией. В рамках ортодоксального общества эти мечты о царстве социальной справедливости были неосуществимы. Легенды о «далеких землях», где можно жить свободно, получили широкое распространение и питали социальную практику не только сектантов. В мордовском народном устно-поэтическом творчестве нашел широкое отражение мотив об обетованной земле. Образ далекой страны воплощается всегда с большой художественной силой. Вот, к примеру, как описывается чудесное «Кудадейское поле» в песне «Ой, парень был единственный»:

Как черный бисер, его пахотные земли,
Как зеленый луг, трава на лугах,
Как серебряные блюда, там озера.
Ой, люди говорят о Кудадейском поле.
Ох, хороши для пахоты там земли.
Еще лучше для срубов его леса[37].

Люди в далеких землях свободны, не знают тяжкого труда, живут в полном изобилии. Несмотря на ограниченный идеал нового общества, по описанию близкий к библейским сюжетам райской жизни, слухи о земле

обетованной в немалой степени явились обоснованием переселений крестьян и побегов. Много мордвы, доведенной до отчаяния и нищеты, уходило целыми селами в поисках воли, социальной справедливости в неведомые чужие края.

При всей утопичности эти идеи были порождены вполне реальными стремлениями и потребностями широких крестьянских масс. Идея равенства логически завершала и теоретически оформляла их представления о своем месте в обществе, свободе и достоинстве. На практике она означала сначала борьбу за личное освобождение, затем за укрепление прав на землю, за уничтожение эксплуатации, имущественных и социальных различий. Питало крестьянскую среду такими идеями прежде всего еретическое движение. А. Х. Бенкендорф, оценивая влияние раскола в народе, писал: «Доктрины многих сектантов заставляют их почувствовать свое положение и убежища этих сектантов (скиты раскольнические) могут быть рассматриваемы в этом отношении как якобинские клубы»[38]. Государство жестко расправлялось с последователями наиболее опасных еретических учений, выселяя их в отдаленные губернии, а мужчин сдавая в солдаты. Чтобы противостоять влиянию раскола, священный Синод требовал от служителей религиозного культа «дабы они во всем держались священной древности, не допускали никаких нововведений в церковных обрядах, соображаясь в точности со всеми народными привычками... для возбуждения в поселениях, расколом зараженных, желания к очищению совести и исповеданию», и чтобы «в духе вселенского учения и отеческих преданий внушали народу, что вера православная — есть вера отцов наших, что исповедуемое нами учение исповедуемо было и нашими предками, с той целью, чтобы народ, видя в них назидательную для себя приверженность, к вере отцов, усерднее внимал их наставлениям»[39].

Как видим, что в первой половине XIX в., как и в предшествующее время народная социальная утопия продолжала развиваться и под религиозным покровом. В. И. Ленин подчеркивал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития»[40].

Прежде всего народные массы использовали авторитет религии, секулязируя религиозные идеалы, для объяснения необходимости борьбы с эксплуататорами. Участники волнений и восстаний объявляли свою борьбу делом

святым, божественным. Как говорили крестьяне села Русское Маскино во время волнений 1858 г.: «Что им за это никакой беды не будет,... что бог всех покарает и заговорит, а кто мир выдаст, тот на том свете антихристом будет»[41]. Во время выступлений перед началом каких-либо решительных действий крестьяне или приходили в церковь и требовали от священника отслужить молебен, а потом «приложиться к кресту и Евангелию»[42]. или же «сообравшись на площади и вынеся стол и поставя образ, утверждались в своем намерении»[43] и тому подобное. Подобное поведение в тех условиях было вполне естественно. Нельзя приписывать религии чисто негативный характер. Следует, безусловно, учесть, что в проповедуемых ею общечеловеческих категориях братства, равенства, добра и так далее существуют моменты, являющиеся позитивным вкладом в общедемократическое движение, отражавшие нравственный опыт человечества. Инакомыслие по отношению к господствующей религии выражалось и в иноверии, и в развитии сектантства. В среде мордовского народа, насильственно крещенного, оппозиционное отношение к господствующей в христианском обществе системе идей и ценностей было очень широко распространено, что привело к открытой борьбе не только против другой религии, но и против общественного строя, который она освящала. «Действие Новокрещенной конторы,— писал А. Можаровский,— не осталось без вредного влияния. Оно отчасти предрасположило и приготовило умы иноверцев и новокрещенов к принятию Пугачева»[44]. Это движение определило распространение еретического движения и разного рода религиозно-реформаторских течений. В принципе любое иноверие защищало единомыслие в рамках собственной религии и противостояло другой религии. Религиозное инакомыслие было позитивным в том случае, если верующие, секуляризируя религиозные идеалы, боролись за их земное, приобретающее революционный характер содержание. Участие в освободительной борьбе отнюдь не вытекало из догм религии, предписаний церкви, а было вызвано общим народным порывом в защиту своего правого дела. Религиозная форма движения была обусловлена характером общественного сознания масс, спецификой социально-экономического развития данной страны и прочностью укрепившихся в ней традиций.

Таким образом, стремление приспособить религию к своей жизни, поставить ее на службу своим интересам, подчеркивает рост самосознания народа, порыв к созда-

нию нового учения, противоположного церковно-феодальной доктрине.

Как видно из изложенного выше материала, социальные идеи трудового населения дореформенной Мордовии, объединившиеся или в социальную утопию о народном заступнике, или развивающиеся под религиозным покровом, или проявляющиеся в каких-либо других формах, но связанные со стремлением изменить существующий строй, исходя из собственных интересов, имели не только позитивное содержание, но и были наиболее прогрессивным проявлением духовной жизни трудящихся, выражали значительный рост их классового самосознания, факт развития собственно крестьянской общественно-политической мысли.

На этой базе идей и мировоззренческих принципов происходила классовая консолидация крестьянства, благодаря которой оно осознало свои общие коренные интересы, свое место в обществе, свое отношение к другим классам и государству, к обществу в целом. Общественно-политическая мысль крестьянства стала и организующим фактором его классовой борьбы. Конечно, следует отметить, что политическая программа крестьянства во многом была иллюзорна. Здесь в полной мере подтверждается мысль Ф. Энгельса: «Теоретическое мышление каждой эпохи... это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание»[45]. И тем не менее позитивная ее роль несомненна.

На наш взгляд, общественно-политическая мысль крестьянства феодальной эпохи реализовывалась на двух уровнях — идеологическом и общественно-психологическом. Соотношение этих двух уровней в рамках общественной мысли всегда носило конкретно-исторический характер. Собственно идеологией, в определении, которое наиболее полно охватывает ее особенности, можно считать такое общественное сознание, которое в системе взглядов, идей и теорий отражает общественное бытие, общественные отношения и явления, выражает интерес того или иного класса, является руководством к его действию. Исходя из такого определения, можно считать, что в феодальном обществе существовала, возможно на стадии формирования, такая форма идеологии, как политическая идеология крестьянства. Ссылки противников введения в оборот понятия «идеология» на «стихийность движений» в свете слов В. И. Ленина, а он в своей политической борьбе уделял большое внимание состоянию сознания

масс «...что стихийность движения есть признак его глубины в массах...»[46]— выглядят неубедительными.

В силу общности отражаемого бытия общественно-политическая мысль крестьянства нашла выражение и в социальной психологии класса. Идеология и общественная психология, отражая социальные потребности и интересы людей, имели единую основу существования. Они суть стороны сознания класса и, как таковые, неизбежно выступали во взаимодействии. Общественно-психологические явления, представляя собой сплав эмоционального, рационального и волевого моментов сознания крестьянства, по преимуществу эмоционально побуждали людей к действию. Они образовали нижний «доидеологический» уровень общественно-политической мысли; то есть обыденное сознание как совокупность житейских суждений и представлений, определенный способ отражения, основанный только на реальных и осязаемых фактах, на узком кругозоре и ограниченном социальном опыте людей. Это прежде всего и негасимое стремление крестьян изменить свою жизнь и добиться желанных земли и воли, и постоянное недоверие к государственному аппарату, церкви, помещикам, а в то же время и политическая инертность, и приверженность к старине и обычаям, и непоследовательность поведения и так далее. К. Маркс, анализируя процесс разработки идеологии мелкой буржуазии, писал, что мысль ее представителей «не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение[47]. То же самое случилось с формированием крестьянской политической идеологии, то есть задачи и пути их реализации, существующие на уровне чувств, не изменились, а нашли лишь средства авторитетного для данного класса их теоретического обоснования — в легендах о народных заступниках, еретическом движении и т. д.

Отличия, имеющиеся в уровнях общественного сознания — идеологическом и социально-психологическом,— не следует абсолютизировать. Оба уровня находились в теснейшей связи и взаимодействии, оказывая взаимное влияние. Усилившийся в первой половине XIX в. феодально-крепостнический гнет настолько увеличил ненависть крестьянства к существующему строю и стремление к его ликвидации, что таковой психологический настрой привел к теоретическому обоснованию «святости и богоугодности»

борьбы за свое освобождение. Для крестьян это была вполне реальная программа, которая могла бы осуществиться или путем царских реформ, или в духе эсхатологохилистических предначертаний, или вследствие ухода в далекие края в поисках обетованной земли и тому подобное.

В свою очередь, и, наоборот, идеология, возникнув, формировала чувства класса. Она укрепляла волю крестьянства в борьбе, уверенность в неизбежности победы его идеалов.

Следовательно, указание на то, что общественно-политическая мысль крестьянства первой половины XIX в. отразила лишь обыденное сознание класса и не поднималась до теоретического обобщения его общеклассовых интересов, и, следовательно, не могла быть проявлением идеологии, не представляется бесспорным.

Таким образом, общественно-политическое сознание крестьян мордовского края даже при далеко не полном его рассмотрении представляло чрезвычайно сложное, многообразное духовное образование, которое развивалось в связи с общеисторическими, характерными для всей России тенденциями. Для него были свойственны реалистические (а не только фантастические, иллюзорные) формы отражения действительности. Стремление народных масс изменить существующий строй, исходя из своих собственных интересов, было наиболее прогрессивным проявлением духовной жизни трудящихся, выражало значительный рост их классового самосознания, знаменовало факт формирования собственной политической идеологии.

Литература и источники

1 См.: Галкин А. А. Феномен политической культуры как фактор познания общественных движений //Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1983.— С. 90—108.
2 См.: История Мордовской АССР: В 2 т.— Т. 1.— Саранск, 1979.— С. 108.
3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 8.— С. 208.
4 Перцев Э. Р. Записки современника о 1861 г. //Красный архив.— 1926.— Т. 3. (16).— С. 152.
5 См.: Рудницкая Е. Л. Социальные эксперименты Н. П. Огарева // Вопросы истории.— 1961—№ 1.— С. 82.
6 Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.: Сб. документов.— М., 1961.— С. 343—344.
7 ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 5, д. 178, л. 29.
8 Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Саранск, 1975.— С. 253—255.

9 Там же.— С. 254.
10 Покровский Н. Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII — середины XIX в. //Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982.— С. 71.
11 Мордовское народное устно-поэтическое творчество.— С. 256.
12 Там же.— С. 257.
13 Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 18.— С. 547.
14 Очерки истории Мордовской АССР: В 2 т.— Т. 2.— С. 255.
15 См.: Линков Я. И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг.— М., 1952.— С. 99.
16 ЦГА МАССР, ф. 24, оп. 1, д. 843, д. 2, 35.
17 См.: Арсентьев Н. М. Идеология выступлений заводских крестьян приокского края в первой половине XIX в. //Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Мордовии. Саранск. 1985.— С. 92.
18 См.: Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы.— Саранск, 1968.— С. 122—123.
19 ЦГА МАССР, ф. 24, оп. 1, д. 203, д. 122.
20 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 11.— С. 88.
21 Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.: Сб. документов.— М., 1962.— С. 15.
22 Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России 1800—1860.— М., 1980.— С. 152.
23 Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 11 т.— Саранск, 1963—1987.—Т.1.—Ч.2.—1977.—С. 240—241.
24 Там же.
25 Там же.— Т. 1.— С. 44.
26 Там же.
27 Устно-поэтическое творчество мордовского народа...— Т. 3.— Ч. 2.— С. 347.
28 Там же.— С. 333—334.
29 Там же.— Т. 3.— С. 315—319, 346—350, 357—359, 360—361.
30 Там же.— Т. 4.— Ч. 1.— С. 133—134, 234—244.
31 Зевакин М. И. Кузьма Алексеев. Крестьянское движение мордвы Терюшевской волости (1808—1810 гг.). С приложением подлинного дела «О ложном пророке Кузьме Алексееве».— Саранск, 1936.— С. 25—26.
32 Там же.— С. 57.
33 Там же.
34 ГАГО, ф.181, оп.1, д.1150, лл. 16—17.
35 Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы.— Саранск, 1977.— С. 98—99.
36 Никольский Н. М. История русской церкви.— М., 1983.— С. 314—316.
37 Устно-поэтическое творчество мордовского народа...— Т. 1.— С. 153—154.
38 Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов //Красный архив.— 1929. № 6.— С. 130.
39 ГАГО, ф. 570, оп. 558, д. 77. л. 13, 16.
40 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 4.— С. 228.
41 ЦГА МАССР, ф. 24, оп. 1, д. 843, л. 162.
42 ГАВО, ф.40, оп.1, д.6026, лл. 43—45.
43 ГАВО, ф. 40, оп. 1, д. 8870, л. 8.
44 Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы.— Саранск, 1968.— С. 122—123.
45 Маркс К., Энгельс Ф.— Соч.— Т. 20.— С. 366.
46 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 34.— С. 217.
47 Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 8.— С. 148.

С. Д. Николаев

СТРУКТУРА МОРДОВСКОЙ СЕМЬИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

В числе тех явлений общественной жизни, интерес к которым среди этнографов и социологов за последние десятилетия особенно оживился, одно из главных мест занимает семья. Обращение к истории семьи тех или иных народов позволяет глубже понять качественное своеобразие основных ступеней развития общества, поскольку семья всегда представляла собой неотъемлемую и важнейшую часть общественной системы. Однако на разных этапах развития данной системы в жизни различных сословий и классов роль семьи, как социального института, и, вместе с тем, как малой социальной группы — относительно самостоятельного явления со своими специфическими закономерностями развития — была неодинаковой. Для крестьян, по словам Ф. Энгельса, семья являлась «...важнейшим, решающим общественным отношением...»[1].

Семья относительно консервативна, и чтобы понять многие важные особенности современного ее уклада, следует обратиться к специфике семейной организации и быта, по крайней мере XIX в., а в некоторых случаях — и в предшествующее время.

Мордовская крестьянская семья XVIII—XIX вв., ее структура и формы вплоть до настоящего времени практически не исследованы. Недостаточная изученность «общего хода развития крестьянской семьи в период феодально-крепостнического строя»[2] затрудняет решение многих исторических и этнографических проблем.

Важность изучения проблемы типологии и структуры крестьянской семьи — основной первичной хозяйственной и социальной ячейки общества — подчеркивалась многими советскими учеными. В. А. Александров, один из исследователей общины и связанной с ней крестьянской семьи подчеркивал, что основные принципы подхода к решению этой проблемы заключаются в выявлении региональных особенностей типологии (а также и структуры) «на протяжении длительного хронологического периода» и только при таком условии можно «избежать ошибочных представлений, когда особенности могут быть приняты за явления общего порядка»[3].

В мордовской этнографической и исторической литературе по структуре и типологии семьи имеется материал только по XVII в. и советскому периоду. Практически два столетия

(XVIII и XIX вв.) остаются неизученными. А без знания этого периода невозможно дать целостную картину развития и изменения форм мордовской семьи не только феодально-крепостнического, но и более поздних периодов.

Цель данной статьи — несколько восполнить данный пробел путем рассмотрения некоторых структурообразующих элементов семьи одного из финно-угорских народов Среднего Поволжья — мордвы в первой половине XIX в.

Изучение структуры семьи в разных аспектах имеет первостепенное значение для ее классификации и типологизации. Все выделенные до сих пор ее формы и типы так или иначе связаны с признаками-определителями структуры или с совокупностью признаков, или с факторами, влияющими на ее структуру. Одним из структурных элементов семьи является ее численность, которая показывает не только людность мордовского двора, но и позволяет рассчитать среднюю ее численность.

Другой признак — число брачных пар, разделяющий семьи на классы простых и сложных форм. К простым относятся семьи с одним брачным союзом, в основе образования которых лежит нуклеарная (малая, простая) семья. Неполные — простые — это семьи вдовых. В класс сложных форм входят семьи, состоящие из двух и более брачных пар.

Классификация семей только по числу поколений выявляет формы одно-, двух-, трех-, и более многопоколенных семей.

Наиболее важным источником при выяснении этих структурообразующих признаков мордовского крестьянского двора первой половины XIX в. являются ревизские сказки — посемейные списки жителей по деревням, волостям и уездам (округам), которые содержат богатый материал о численности, родственном составе, возрасте и так далее. Однако следует отметить, что в период проведения ревизий двор как хозяйственная единица мало интересовала государственные органы, поэтому порой бывает трудно установить, представляет ли семейная структура единое хозяйство или ряд самостоятельных хозяйств-дворов. Существенным недостатком ревизских сказок является то, что в них не зафиксированы семейные разделы.

Характеристика ревизским сказкам как источнику (в том числе по вопросу типологии и структуры семьи) давалась уже рядом советских исследователей [4]. В целом сведения, содержащиеся в ревизских сказках, дают возможность изучения динамики населения и структурообразующих признаков мордовской семьи первой половины XIX в.

В основу данной статьи легли материалы ревизий 1816 и 1850 гг. по Ардатовскому (мордва-эрзя) и Краснослободскому (мордва-мокша) уездам. Это — одни из «типичных» мордовских уездов, где мордва расселена более компактно и, составляя значительную часть сельского населения, сохраняла свои этнические особенности и специфические черты в социально-экономическом развитии. Выбор объекта исследования, его хронологических и географических рамок, определен также существующей источниковедческой базой (лучшей сохранностью материалов данных ревизией). Исследуемый массовый материал может дать, как нам представляется, довольно полную картину развития и изменения форм и типов семьи в районах мордовско-эрзянского и мордовско-мокшанского населения в их сопоставлении. Материалы VII ревизии хранятся в ЦГА МАССР, ревизские сказки IX в Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО) и Государственном архиве Пензенской области (ГАПО)[5]. Все таблицы и вычисления в тексте произведены по данным этих двух ревизий. В материалах представлены все разновидности существующих в этот период сельских поселений: села, деревни, выселки и так далее. Всего по обоим ревизиям анализу подвергалось 179 сельских населенных пунктов, составляющих 10884 двора. Отсутствие данных о численности населения начала XIX в. по Ардатовскому и Краснослободскому уездам не дают возможности показать процентное отношение исследуемого количества дворов к их общей численности. Относительно конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. исследователи приводят различные цифры. В работе Н. Ф. Тюгаева «Крепостная деревня Мордовии в конце XVIII — первой половине XIX века» количество мордвы по Краснослободскому уезду насчитывается 27513 человек (то есть 20,6 процента от всего населения уезда), по Ардатовскому — соответственно 59372 человека (37,6 процента)[6]. Несколько иными цифрами оперирует В. И. Козлов, определяя численность мордовского населения Ардатовского уезда в 58 тыс. человек (38 процентов) и Краснослободского 28 тыс.(24,8 процента от населения уезда). Эти цифры им получены в ходе обработки списков населённых мест губерний (с округлением)[7]. Исходя из этих данных, численность исследуемого нами мордовского населения составляет по Ардатовскому уезду 44,5 процента (относительно Н. Ф. Тюгаева), или около 45,6 процента (относительно В. И. Козлова). По Краснослободскому уезду эта цифра выше и составляет соответственно 91,2 процента, или 89,6 процента. Нам кажется, что такое количество обработанного материала позволяет составить

довольно достоверную картину состояния мордовской семьи первой половины XIX в. не только в данных уездах, но и в определенной степени в целом по Мордовии.

Для данного периода характерен рост средней численности семьи, что показано в табл. 1.

Таблица 1

Увеличение средней людности крестьянской семьи за период между VII и IX ревизиями

Уезды	Год ревизии	Число селений	Число дворов	Общее число жителей	Средний размер семьи
Ардатовский	1816	33	2563	19289	7,5
	1850	30	2428	26444	10,9
Краснослободский	1816	58	3150	21532	6,8
	1850	58	2743	25085	9,1

Под данным VII ревизии, средний размер мордовской крестьянской семьи колеблется от 6,8 (Краснослободский уезд) до 7,5 человека (Ардатовский уезд). Разница в целом по уездам не очень значительна (0,7 человека). Однако по отдельным селам и деревням вариация средней людности очень различна и колеблется по Ардатовскому уезду от 6 (с. Кильведни)[8] до 9,1 (с. Балдасево)[9]. В Краснослободском уезде эти расхождения варьируют от 4,7 (с. Новые Пичингуши)[10] до 9,7 (с. Мордовские Полянки)[11].

К середине XIX в. численность мордовских семей растет и достигает значительной величины. Определяющую роль сыграли в этом экономические причины. Однако и правительственная политика в рассматриваемое время была направлена на сдерживание дробления крестьянских семей. Оно ввело ряд указов, которые вводили в рекрутский устав изменения, практически не затрагивающие общего порядка набора рекрут, но лишавшие членов большесемейных коллективов права на произвольный раздел в целях избавления от скорой рекрутчины. В этих целях выходит Указ Сената от 30 марта 1823 г. «О воспрещении казенным крестьянам из больших семей делиться на малые», Устав о рекрутской службе, изданный в 1831., новые правила «Об установлении семейных рекрутских очередей (от 18 июня 1837 г.) и так далее[12]. Положение о порядке семейных разделов было сохранено и при введении

в 1849 г. в государственной деревне жеребьевой системы рекрутского набора. И хотя сельский сход мог разрешить самовольно отделившимся «жить в особых домах и даже дворах...», но при выполнении повинностей и уплате податей такие семьи считались по-прежнему за одно семейство, но лишь до тех пор, пока в каждой из них не будет по три работника и они не получат от казенной палаты формального подтверждения раздела[13].

Таким образом, правительство, всячески старалось сдерживать дробление крестьянских семей, что бесспорно способствовало в определенной мере росту средней численности не только мордовских, но и русских семей России. К середине XIX в. средний размер мордовско-эрзянской семьи в Ардатовском уезде достигает около 10,9 в Краснослободском (население мордва-мокша) — 9,1 человека. При сравнении материалов двух ревизий (VII и IX) по Ардатовскому уезду прирост составил более 45 процентов, в Краснослободском — около 34 процентов, то есть прирост выходит значителен. Однако как в 1816, так и 1850 гг. по разным селам и деревням людность семей довольно различна и колеблется от 8,8 (с. Атяшево)[14] до 13,7 (с. Киржеман)[15] в Ардатовском и от 7,4 (с. Дергановка)[16] до 13,4 (с. Полочино)[17] в Краснослободском уездах. Приведенные нами цифры (10,9 и 9,1 человека) несколько не совпадают с данными некоторых советских исследователей, которые считают, что в середине XIX в. на один двор приходится в среднем 8 человек[18]. По-видимому, вариации средней людности семьи в различных регионах расселения мордовского народа могут быть очень различны и можно согласиться с последней цифрой только относительно общего количества мордовского населения. Относительно данных исследуемого региона можно, пожалуй, согласиться с высказыванием В. Н. Майнова о распространении у мордвы многолюдных дворов — хозяйств[19], хотя, возможно, он оперировал сравнительно небольшим количеством фактов. Если учесть, что общая численность мордовского населения страны на 1859 г. составляла 650—680 тыс., а к 1850 г. еще меньше, то количество исследуемого мордовского населения двух уездов (51 528 человек) составляет около 8 процентов от всей мордвы, проживающей в России. Тогда относительно данных уездов, где средняя численность двора выше 8, возможно, выводы В. Н. Майнова верны.

Увеличение людности семей в первой половине XIX в. происходило, видимо, и за счет естественного прироста населения и уменьшения смертности. Имело значение и

ослабление темпов «дробления» семей, что, видимо, надо связывать с «реформой» 1823 г. и последующими постановлениями. Не случайно именно на вторую четверть XIX в. приходится наиболее активный рост размеров крестьянских семей. Однако, по-видимому, не следует считать, что крестьяне подчинились новому законоположению и стали делиться только с разрешения властей. Самовольные разделы очевидно продолжались и после 1823 г., и только этим можно объяснить принятие после данного Указа ряда других государственных актов, направленных на сдерживание дробления крестьянских семей.

Одним из структурных признаков семьи, как уже было сказано выше, является ее численность. О количественном составе мордовской крестьянской семьи в рассматриваемых уездах первой половины XIX в. наглядное представление дают материалы ревизий, сведенные в табл. 2. Ввиду того, что в процентном отношении получаются очень малые величины, даже в случае их округления остановимся только на количественных данных.

Из таблицы 2 следует, что в начале XIX в. максимальные размеры семьи у мордвы-эрзи Ардатовского уезда доходили до 35 человек. Она встречается в с. Козловка и состоит из братьев Федоровых — Ивана с женой, пятью детьми и женатым сыном со снохой, Ефима с женой и семью детьми, Кузьмы с женой и пятью детьми, Фадея с женой и двумя детьми и их дяди Егора Федорова с женой и четырьмя детьми[20]. В Краснослободском уезде в с. Ежовка зафиксирована семья из 33 человек. Она очень разнообразна по родственному составу, включая как прямых, так и боковых родственников, а также и свойственников: Игнатий Филиппов с женой и тремя детьми, двоюродным братом Тимофеем Михеевым с женой, тремя детьми и матерью, племянниками Кузьмой Фатеевым с женой и двумя детьми, Семеном Фатеевым с женой и четырьмя детьми, Марком Фатеевым с женой и четырьмя детьми и их матерью, женой брата Игнатия Филиппова с тремя детьми и тещей хозяина[21]. К середине XIX в. максимальные размеры эрзянских семей возрастают до 40 человек (двор Акима Семенова, с. Кульмино)[22], а мокшанских — до 47 человек (двор Ивана Бартова, с. Старые Борки)[23]. Однако, если для начала XIX в. семьи с численностью 30 и выше человек являются очень редким исключением (по 1 в обоих уездах), то к середине XIX в. их число значительно возрастает и достигает 15 в Ардатовском и 13 в Краснослободском уездах, которые насчитывают в своем составе 922 человека (1,7 процента от исследуемого мордовского населения). Особенно заметен

Таблица 2

Структура мордовских семей по количественному составу

Численность семьи (чел.)	Ардатовский уезд				Краснослободский уезд			
	1816		1850		1816		1850	
	число дворов	кол-во населения в них	число дворов	кол-во населения в них	число дворов	кол-во населения в них	число дворов	кол-во населения в них
1	74	74	69	69	88	88	136	136
2	77	154	61	122	135	270	127	254
3	139	417	47	141	278	834	152	456
4	226	904	101	404	334	1336	204	816
5	289	1445	123	615	406	2030	228	1140
6	334	2004	149	894	464	2784	246	1476
7	317	2219	175	1225	392	2754	207	1449
8	284	2272	179	1432	269	2152	175	1440
9	203	1827	173	1557	163	1467	169	1521
10	180	1800	173	1730	169	1690	146	1460
11	99	1089	169	1859	114	1254	146	1606
12	80	960	145	1740	89	1068	159	1908
13	72	936	166	2158	71	923	104	1352
14	43	602	144	2016	38	522	89	1246
15	42	630	108	1620	35	525	77	1155
16	28	448	78	1248	35	560	67	1072
17	20	340	73	1241	18	306	55	935
18	20	360	68	1224	13	234	41	738
19	7	153	53	1007	13	247	46	874
20	8	160	35	700	7	140	35	700
21	7	147	24	504	7	147	31	651
22	5	110	27	594	4	88	24	528
23	4	92	13	299	—	—	19	437
24	—	—	15	360	1	24	9	216
25	—	—	14	350	—	—	11	275
26	—	—	10	260			9	234
27	1	27	10	270	1	27	11	297
28	3	84	8	224	1	28	5	140
29	—	—	3	87	—	—	5	145
30	—	—	3	90	—	—	5	150
31	—	—	4	124	—	—	3	93
32	—	—	1	32	—	—	1	32
33	—	—	2	66	1	33	1	33
34	—	—	2	68			1	34
35	1	35	1	35				
36			—					
37			—					
38			—					
39			1	39			1	39
40			1	40				
47			—	—			1	47
Итого:	2563	19289	2428	26444	3150	21532	2743	25085

рост дворов с количеством 20—29 человек. В Ардатовском уезде это соотношение равно 29 (1816 г.) к 171 (1850 г.), в Краснослободском соответственно — 22 к 172 дворам. В количественном отношении численность населения в данных дворах возросла в первом случае с 655 (3,3 процента в 1816 г.) до 4142 (15,6 процента в 1850 г.), во втором соответственно — с 488 (2,2 процента) до 4048 (16,1 процента) человек.

Рассмотрим семьи, состоящие из 10—19 человек, которые в общем массиве исследуемого региона составляют довольно значительный удельный вес (особенно это начинает проявляться к середине XIX в.). В Ардатовском уезде в 1816 г. число таких дворов составляло 587 (22,9 процента от общего количества), которые включали в себя 7318 человек (37,9 процента). К середине XIX в. их количество возрастает более чем в два раза — 1177 (48,5 процента) с населением 15 843 человека (59,9 процента), то есть такие семьи в общей массе стали преобладающими.

В Краснослободском уезде наблюдается примерно такая же картина. Если в 1816 г. таких дворов было 586 (18,6 процента) с числом жителей 7423 человека (34,5 процента), то к середине XIX в. их число увеличивается до 919 (33,5 процента) с населением 12 172 (48,5 процента) человек. Прирост составил довольно высокий процент в обоих уездах.

К IX ревизии явно наметилось преобладание более многолюдных вариантов семей. Как следует из приведенной выше таблицы 2, в Ардатовском уезде они превалируют как по числу дворов, так и по числу жителей в них; в Краснослободском — нет перевеса по количеству дворов, но прослеживается преобладание по численности в них населения.

Если посмотреть количество дворов с числом жителей от 10 человек и до максимального их числа, то у мордвы-эрзи их насчитывается в 1816 г. 620 дворов (24,2 процента) с населением 7973 человека (41,3 процента). К середине XIX в. их число возрастает до 1351 (55,6 процента), в которых насчитывается 19 985 человек (74,4 процента). В Краснослободском уезде несколько иное соотношение. В 1816 г. численность таких дворов составляла 617 (19,5 процента) с числом жителей в них 7816 человек (36,2 процента). К 1850 г. их число достигает 1102 (40,5 процента), где проживало 15 397 человек (61,3 процента от общего количества исследуемого населения уезда). В обоих уездах к середине XIX в. число многолюдных вариантов семей возросло более чем в два раза, а по количеству населения

в них они стали преобладающими. Размеры малой (простой) мордовской семьи в обоих уездах, за редчайшим исключением, не превышали девяти человек. Чаще всего она состояла из супружеской пары с одним-тремя, реже четырьмя-семью детьми (поэтому взята вышеизложенная группировка по количественному составу). Исходя из этих данных, можно предположить, что численность крестьянской семьи у мордвы к середине XIX в. возрастает все же не только за счет повышения рождаемости детей и уменьшения смертности населения, но и за счет усложнения ее структуры (в основном по родственному составу).

Анализ материалов ревизий по Ардатовскому и Красно-слободскому уездам показывает, что произошли значительные изменения в структуре мордовских семей по поколенному составу (см. табл. 3).

Таблица 3

Структура мордовских семей по поколенному составу

Уезды	Ревизия	Общее кол-во дворов	В том числе с числом поколений				
			1	2	3	4	5
			количество дворов, %	количество дворов, %	количество дворов, %	количество дворов, %	количество дворов, %
Ардатовский	VII	2563	171 / 6,5	1115 / 43,7	1205 / 47,0	72 / 2,8	
	IX	2428	138 / 5,7	826 / 34,0	1326 / 54,6	138 / 5,6	1 / мен. 0,1
Красно-слободский	VII	3150	207 / 6,6	1665 / 52,8	1215 / 38,6	62 / 1,9	1 / мен. 0,1
	IX	2743	290 / 10,6	1188 / 43,3	1149 / 41,9	114 / 4,1	2 / мен. 0,1

В материалах ревизий зафиксированы семьи как однопоколенные, так и пятипоколенные. Таблица 3 показывает, что для мордовско-эрзянских сел для начала XIX в. характерно преобладание трехпоколенных (1205 дворов — 47 процентов от общего количества). Одно- и двухпоколенные составляли по седьмой ревизии 1286 дворов (50,2 процента). К середине XIX в. это соотношение меняется в пользу многопоколенных (трех-пяти поколений) — 1465 дворов

(60,3 процента). Доля одно- и двухпоколенных семей падает до 964 дворов (39,7 процента).

В Краснослободском уезде по VII ревизии двупоколенные составляли 52,8 процента (1665 дворов), а с учетом и однопоколенных — 59,4 процента (1872 двора). На долю трехпяти поколений падает 40,6 процента (1278 дворов). Но и здесь к середине XIX в. намечается процесс усложнения структуры мордовской семьи за счет некоторого увеличения числа трех-пятипоколенных. Количество двухпоколенных семей уменьшается до 43,3 процента (1188 дворов), а трехпоколенные достигают 41,9 процента (1149 дворов). Увеличивается и число четырехпоколенных, достигнув 4,1 процента (114 дворов). В Краснослободском уезде к IX ревизии продолжает расти число однопоколенных семей, составивших к 1850 г. 10,6 процента (290 дворов), тогда как в Ардатовском их численность заметно падает (6,5 процента в 1816 г. до 5,7 процента в 1850 г.). Пятипоколенная семья в обоих уездах остается очень редким исключением. Таким образом, к середине XIX в., судя по материалам ревизий, продолжается процесс усложнения структуры как мордовско-эрзянских, так и мокшанских семей.

Материалы ревизий позволяют рассмотреть структуру мордовских семей Ардатовского и Краснослободского уездов по числу брачных пар (табл. 4).

Как видно из табл. 4, максимальное число брачных пар в 1816 г. достигает восьми. К середине XIX в. уже зафиксированы семьи, состоящие из девяти и даже десяти брачных пар.

При сравнении материалов двух ревизий выявляется тенденция к постепенному увеличению численности семей с тремя-десятью брачными парами. И хотя это характерно для обоих уездов, но проявляется она в них не в равной мере. Для седьмой ревизии характерно преобладание хозяйств, состоящих их двух брачных пар — 1018 дворов (39,7 процента) в Ардатовском и 1187 дворов (37,7 процента) в Краснослободском уездах. Далее идут семьи, состоящие из одной брачной пары,— соответственно 836 дворов (32,6 процента) у мордвы-эрзи и 1143 двора (36,3 процента) у мордвы-мокши. Хозяйства с тремявосемью брачными парами составляют пока не очень большое количество — 579 (22,8 процента) эрзянских и 704 (21,9 процента) — мокшанских. Однако к середине XIX в. усиливается тенденция роста числа семей с большим количеством брачных пар. Особенно это заметно в Ардатовском уезде, где в 1850 г. преобладающими стали дома с тремя супружескими парами (722 двора, 29,7 процента), а число

Таблица 4

Структура мордовских семей Ардатовского и Краснослободского уездов по числу брачных пар по материалам VII и IX ревизий[24]

Уезды	Год ревизии	Число дворов	Без брачных пар	С числом брачных пар									
				I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Ардатовский	1816	2563	127	836	1018	419	132	20	8	2	1	—	
			4,9	32,7	39,7	16,3	5,2	0,8	0,3	мен. 0,1	мен. 0,1		
	1850	2428	95	364	656	722	348	136	65	29	11	2	
			3,9	15	27	29,7	14,3	5,5	2,7	1,2	ок. 0,5	ок. 0,1	
Краснослободский	1816	3150	116	1143	1187	506	142	41	13	—	2		
			3,7	36,3	37,7	16,0	4,5	1,3	0,4		мен. 0,1		
	1850	2743	174	633	749	540	347	152	89	39	9	7	4
			6,3	23,1	27,3	19,7	12,7	5,5	3,2	1,4	0,3	ок. 0,3	ок. 0,2

семейств с тремя и выше супружескими парами составили в целом 1313 дворов (54,1 процента). В Краснослободском уезде и к середине XIX в. преобладающими остаются дворы с двумя брачными союзами 749 (27,3 процента). В целом 1187 дворов (43,3 процента) составили семьи с тремя и выше парами.

Довольно высокой, по данным ревизий, была и остается доля дворов-хозяйств, где не наблюдается брачных пар (одинокие, неженатые (незамужние) братья (и сестры), иногда и с племянниками и так далее. В 1816 г. они составляли 4,9 процента (127 хозяйств) у мордвы-эрзи и 3,7 процента (116 дворов) у мордвы-мокши. К 1850 г. их численность в Ардатовском уезде несколько уменьшается (95 дворов — 3,9 процента), в Краснослободском, наоборот, возрастает (174 двора — 6,3 процента). В целом же по уездам увеличение численности хозяйств с тремя и выше брачными парами бесспорно может свидетельствовать об усложнении структуры мордовских семей к середине XIX в.

Структура мордовских семей по числу брачных пар, как нам кажется, будет неполной без рассмотрения их по полноте, то есть в скольких дворах супружеские пары полные, а где живут вдовы (снохи без мужей) и вдовцы с детьми, считая их неполной брачной парой. В связи с некоторой громоздкостью таблиц решено, что целесообразнее и нагляднее давать их отдельно по ревизиям (табл. 5 и 6).

Исходя из таблиц 5 и 6, можно сделать единый для обоих уездов вывод, что с увеличением количества брачных пар во дворах-хозяйствах увеличивается и число неполных супружеских пар в них, и параллельно уменьшается количество дворов с полными.

Однако в материалах девятой ревизии прослеживается небольшой нюанс. Если в Краснослободском уезде полные преобладают (то есть где полных пар больше 50 процентов) во дворах с одним и двумя, то в Ардатовском они доминируют в семьях с одним — четырьмя супружескими парами.

По-видимому, на полноту брачных пар влияет несколько причин. В первую очередь это естественная убыль населения. Не располагая сведениями за период с 1816—1850 гг. XIX в., мы имеем возможность оперировать данными за время между шестой и седьмой ревизиями. За 5 лет зафиксировано среди мужского населения 734 умерших и 1503 родившихся в Ардатовском и соответственно 1075 и 1523 — в Краснослободском уездах. Соотношение смертности и

Структура мордовских семей по полноте брачных пар по VII ревизии по Ардатовскому и Краснослободскому уездам

Число брачных пар	Краснослободский						Ардатовский					
	всего	в том числе:					всего	в том числе:				
		полные	неп. бр. пар 1	неп. бр. пар 2	неп. бр. пар 3	неп. бр. пар 4		полные	неп. бр. пар 1	неп. бр. пар 2	неп. бр. пар 3	неп. бр. пар 4
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Без брачных пар	127/100	—	—	—	—	—	116/100	—	—	—	—	—
I	830/100	719/86,6	111/13,4	—	—	—	1143/100	979/85,7	164/14,3			
II	1014/100	564/55,6	426/42,0	24/2,4	—	—	1187/100	665/56,0	484/40,8	38/3,2		
III	419/100	180/42,9	198/47,3	37/8,8	4/1	—	506/100	240/47,4	213/42,1	51/10,1	2/0,4	—
IV	132/100	34/25,8	70/53,0	26/19,7	2/1,5	—	142/100	45/31,7	73/51,4	21/14,8	3/2,1	—
V	30/100	6/20	16/53,3	7/23,3	1/3,4	—	41/100	11/26,8	18/43,9	10/24,4	2/4,9	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
VI	8/100	4/50	1/12,5	3/37,5	—	—	13/100	3/23,1	5/38,4	3/23,1	2/15,3	
VII	2/100	—	2/100	—	—	—	—	—	—	—	—	—
VIII	1/100	—	1/100				2/100					2/100
IX	—	—	—	—	—	—						
X	—	—	—	—	—	—						
Итого дворов:	2563	1507	825	97	7	—	3150	1943	957	123	9	2

Структура мордовских семей по полноте брачных пар по данным IX ревизии в Ардатовском и Краснослободском уездах

Число брачных пар	Ардатовский						Краснослободский					
	всего дворов	в том числе:					всего	в том числе:				
		полные	неп. бр. пар 1	неп. бр. пар 2	неп. бр. пар 3	неп. бр. пар 4		полные	неп. бр. пар 1	неп. бр. пар 2	неп. бр. пар 3	неп. бр. пар 4
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Без брачных пар	95/100	—	—	—	—	—	174/100					
I	364/100	301/82,7	63/17,3	—	—	—	633/100	536/84,7	97/15,3			
II	656/100	390/59,5	241/36,7	25/3,8	—	—	749/100	460/61,4	271/36,2	18/2,4	—	—
III	722/100	384/53,2	287/39,7	46/6,4	5/0,7	—	540/100	246/45,5	249/46,1	42/7,8	3/0,6	
IV	348/100	232/66,7	75/21,5	40/11,5	1/0,3	—	347/100	116/33,4	172/49,6	55/15,9	4/1,1	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
V	136/100	42/30,9	70/51,5	24/17,6	—	—	152/100	47/30,9	60/39,5	40/26,3	5/3,3	
VI	65/100	21/32,3	23/35,4	17/21,5	4/6,2	—	89/100	23/25,8	28/31,5	24/27	12/13,5	2/2,2
VII	29/100	10/34,5	10/34,5	5/17,2	2/6,9	2/6,9	39/100	8/20,5	17/43,6	8/20,5	6/15,4	—
VIII	11/100	2/18,2	3/27,3	4/36,3	2/18,2	—	9/100	1/11,1	4/44,5	3/33,3	1/11,1	—
IX	2/100	—	1/50	1/50	—	—	7/100	—	3/42,8	1/14,3	2/28,6	1/14,3
X	—	—	—	—	—	—	4/100	—	—	3/75	1/25	
Итого:	2428	1380	772	161	14	2	2743	1437	901	194	34	3

рождаемости в первом случае составляет 1: к 2,04, во втором — 1: к 1,4. Бесспорно некоторый (и не малый) процент убыли падает на женатую (замужнюю) часть населения, что увеличивает количество неполных брачных союзов.

Другой причиной определенно является система рекрутского набора. За пятилетний период (между шестой и седьмой ревизиями) из 58 селений Краснослободского уезда взято в рекруты 641 человек, из которых 180 человек являлись или женатыми (без детей) или же семейными с детьми (то есть 33,9 процента). Численность семейных рекрутов по отдельным селениям уездов в процентном отношении очень различны и варьирует от 13,3 до 56,2 процента. Если взять за среднюю максимальную цифру (величину) 30 процентов, то из 573 взятых рекрутов по Ардатовскому уезду около 160—180 человек являются семейными. Косвенным подтверждением 30 процентов являются данные по восьми селениям мордвы-эрзи, где из 134 рекрутов 43 были женатыми (с детьми или без), составляющие 32 процента.[25] К середине XIX в. по данному уезду мы располагаем данными о 496 рекрутах. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что максимальное число семейных из них может составлять от 135 до 150 человек. Интересно отметить, что в материалах ревизий встречаются рекруты, идущие за другое семейство — четыре человека из трех сел[26]. В одном селе зафиксирован рекрут, которого отправили на службу за «дурное поведение»[27].

По материалам ревизий очень хорошо можно проследить и моменты вступления в брак малолетних, которые в начале XIX в. встречаются намного чаще, чем в середине. В 1816 г. в Краснослободском уезде такие браки зафиксированы в 18 селениях 32 дворов (более 1 процента от всего их количества), в Ардатовском — в 8 селениях 18 дворов (0,7 процента). Во всех этих семьях возраст мужского пола не превышал тринадцати лет. Своеобразный рекорд в возрасте вступающих в брак зафиксирован в селе Волгапино, где Герасиму Григорьеву всего девять лет, а жене — Авдотье Родионовой двадцать[28]. Очень интересна в этом плане семья братьев Петровых из села Батушева: Тимофей (29 лет) с женой (35 лет) и детьми, которым 17, 12, 7 лет; Иван (20 лет) с женой (25 лет) и детьми 10, 3, 1 года; Демид (17 лет), жене (25 лет) и дети 4 и 2 года[29]. Все три брата женились в возрасте до тринадцати лет. К середине XIX в. число таких браков сильно уменьшается и встречаются только единицы. В Краснослободском уезде только в трех селах зафиксированы такие брачные пары — Мордовских Полянках, Волгапино и Малом Уркате[30], в Ардатовском — только в селе

Селищи[31]. Объяснять происхождение малолетних браков только наличием проблемы рабочей силы в хозяйствах мордвы, когда главы семей женили сыновей в раннем, иногда даже в детском возрасте, нам кажется не совсем верным. Видимо, были и другие причины, способствующие этому явлению.

В мордовских дворах-хозяйствах как в начале, так и в середине XIX в. встречаются так называемые «приемыши, число которых к 1850 г. несколько даже возрастает. В материалах седьмой ревизии в Ардатовском уезде они зафиксированы в 25 дворах, или около 1 процента от общего их количества. Из них десять уже женатые, а у семерых имеются дети. В Краснослободском — их также 25 и также десять из них имели свои семьи. К девятой ревизии их число в обследованных дворах мордвы-эрзи увеличивается до 33, из которых девять семейных. У мордвы-мокши (26 случаев) «приемыши» представлены не только малолетними или уже взрослыми, но и нередко с семьями (18 случаях). Наличие их как в неразделенных, так и в малых семьях объясняется, по-видимому, как экономическими причинами (нехватка рабочей силы в некоторых дворах-хозяйствах мордвы), так и, может быть, другими сложившимися обстоятельствами (неимение наследника, прием родственников в случае смерти родителей и так далее).

В заключение попытаемся несколько подытожить вышеизложенные материалы. Они довольно ясно свидетельствуют о том, что в первой половине XIX в. (возможно, и не настолько быстрыми темпами) все-таки идет процесс усложнения структуры мордовской семьи, который, вероятно, в различных регионах, и даже уездах и волостях происходил неравномерно. Эти изменения в равной степени повлияли как на численный и поколенный состав, так и их число брачных пар внутри дворов-хозяйств. В свою очередь все это должно отразиться и на родственном составе мордовской семьи, которая также должна по-видимому усложниться и включать в себя не только кровное прямое и боковое родство, но и нередко свойство.

К девятой ревизии наметилось преобладание более многолюдных вариантов семьи как по числу дворов, так и по числу жителей в них. К середине XIX в. увеличиваются и становятся преобладающими семейства в 10 и более человек (до максимального их числа). Усложнение структуры мордовских семей к концу изучаемого периода бесспорно сказались и на их поколенном составе. К середине XIX в. в Ардатовском уезде по материалам ревизий число дворов с тремя-пятью поколениями стали преобладающими, в

Краснослободском их численность также возросла. Заметно увеличилось в обоих уездах число дворов с тремя и более брачными парами. Каковы причины этих изменений, происходящих в мордовских семьях в первой половине XIX века? По-видимому, в первую очередь это экономические. Семейные разделы вели к сокращению землепользования крестьянских дворов-хозяйств, что было невыгодно семье. Кроме того, неразделенная или сложная по своей структуре семья имела больше возможности сочетать земледелие с промысловыми занятиями, выделять работников для отходничества и производить больше земледельческой продукции на рынок.

Ослабление темпов дробления семей в определенной степени, видимо, нужно связывать и с Указом Сената от 30 марта 1823 г., а также последующими указами и циркулярами, по которым семейные разделы позволялись лишь с разрешения губернатора и при условии «чтобы в каждом дворе было не менее... трех работников от 15 до 60 лет»[32]. Семейные разделы, осуществлявшиеся без соблюдения этих условий, не признавались за действительные. Правительство, бесспорно, было заинтересовано в сохранении больших семей и всячески тормозило их разделы, хотя не следует считать, что разделов без разрешения губернатора не было.

Установлено, что взгляды, регулирующие демографическое поведение людей, сильно подвержены влиянию традиций[33]. А господство патриархальных черт внутри мордовской семьи, отражавшееся в имущественном и правовом положении ее членов, во взаимоотношениях родственных коллективов, и, наконец, в семейных нормах обычного права, конечно, должно было способствовать сохранению больших семейных коллективов. Интенсивность изменений структуры и типов мордовской крестьянской семьи в силу специфики природно-демографических условий хотя и были различны даже по отдельным уездам, все же определялись общими социально-экономическими процессами, происходившими в целом по стране. А для понятия и четкого знания этих процессов, безусловно, необходимо изучение и учет региональных особенностей типологии численности и структуры сельской крестьянской семьи, в том числе и мордовской.

Литература и источники

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Из рукописного наследства Ф. Энгельса. Из Парижа в Берн.— Соч.— Изд.— 2-е.—Т. 5.—С. 508.

2 Народы Мира. Народы европейской части СССР.—1.—М., 1964.—С. 463.

3 Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма //История СССР.— 1981.—№ 3,—С. 78. Он же.— Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в.— М., 1984.— С. 42—69.

4 Подъяпольская Е. П. Ревизские сказки как исторический источник //Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952.— С. 321; Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в.— М., 1963.—С. 77.; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири XVIII — первой половине XIX вв.— Новосибирск, 1979.— С. 25—27.

5 ЦГА МССР, ф. 25, оп. 1, д.61 (б), лл.201—212; д.66, лл.106—180; д.66 (а), лл. 1—38, 59—121, 150—168; д. 66(б), лл. 77—188; д. 66(в), лл. 6—112, 148—186, 202—232; д.67, лл. 7—40, 95—215; д.67(а), лл.5—52, 77—132, 178—224; д.67(б), лл. 1—47, 80—158; д.68(а), лл. 117—129; д.69,лл.194—210; ф.26, оп.1, д.26, лл. 31—144; д.27, лл. 1—15, 29—86, 104—243, 246—254, 264—282, 292—304, 308—387; 389—442, 547—577, 605—660, 668—679; д. 28. лл. 545—572; д. 29, лл. 107—180, 624—636, 7—45—767; д.33, лл. 69—72, 84—299; ГАУО, ф. 156, оп.2, д.353, лл. 1—390 об., 478—576 об.; д.354, лл.324—422, 442—655 об.; д.355, лл. 1—124, 129—249, 432—464 об.; д.356, лл. 135—278 об., 485—532, 558—563, 584—620, 646—762; д.360, лл. 1—67 об.; 70—78 об.; ГАПО, ф.60, оп.4, д.336, лл. 105—130; д.337, лл. 291—327, 428—450, 461—484, 628—630, 803—858; д.338, лл. 116—160, 1041—1061, 1085—1153; д.339, лл.223—230, 314—320, 455—473; д.340, лл. 1—25, 36—109, 188—201, 244—262, 266—277, 284—377, 508—533, 551—583, 625—637, 671—734; д.341, лл.202—294, 315—375, 419—536, 626—694, 902—913; д.342, лл.356—364, 415—464, 543—574, 581—724, 729—777, 1030—1220; д.343, лл. 2—89, 851—917.

6 Тюгаев Н. Ф. Крепостная деревня Мордовии в конце XVIII — первой половине XIX века.— Саранск, 1975,—С. 35.

7 Козлов В. И. Расселение мордвы //Вопросы этнической истории мордовского народа.— М., 1960.— С. 28—30.

8 ЦГА МССР, ф. 25 оп. 1. 67, лл. 114—125.

9 Там же, ф.25, оп. 1, д. 66(а), лл. 87—121.

10 Там же, ф.25, оп.1, д.33, лл. 224—234.

11 Там же, ф.25, оп.1, д.27, лл. 1—15.

12 Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII—первой половины XIX в.)— Новосибирск, 1979.—С. 57—59.

13 Там же.—С. 60.

14 ГАУО, ф.156, оп. 2, д. 353, лл. 1 об.— 114.

15 Там же, ф.156, оп.2, д.556, лл.723 об.—762.

16 ГАПО, ф.60, оп.4, д.340, лл. 43—109.

17 Там же, ф.60, оп.4, д.341, лл. 365—375.

18 Козлов В. И. Указ. соч.— С. 19,31.

19 Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы.— СПб., 1885.— С. 152.

20 ЦГА МССР, ф. 25, оп. 1, д. 66(в), лл. 208 об.— 211.

21 ЦГА МССР, ф. 26, оп. 1, д. 27, лл. 613 об.— 615.

22 ГАУО, ф.156. оп.2, д.356, лл. 485—532.

23 ГАПО, ф.60, оп.1, д.340, лл.36—56.

24 См. сноску 5. Здесь и в таблицах 5 и 6 верхний ряд цифр означают количество дворов, нижний — процентное отношение к числу дворов.

25. ЦГА МССР, ф. 25, оп. 1, д. 67, лл. 7—40, 95—215; д. 66(в), лл.77—112, 148—186, 202—232.

26 ГАУО, ф.156, оп.2, д.353, лл.315—390, 478—526, 528—576.

27 Там же, лл. 198—278.

28 ЦГА МССР, ф. 26 оп. 1, д. 28. лл. 546 об.— 547.

29 Там же, ф.25, оп.1, д.66(а), лл. 63 об.—64.

30 ГАПО, ф.60, оп.4, д.342, лл.556—574, 694—724.

31 ГАУО, ф.156, оп. 2, д.353, лл. 528—576.

32 Миненко Н. А. Указ соч.— С. 58—59.

33 Дарский Л. Е. Формирование семьи.— Л., 1972.—С. 161—162.

Н. В. Нестерова

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ И ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА МОРДОВИИ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Проблема формирования рабочего класса постоянно привлекала и привлекает внимание историков. Этой тематике было посвящено значительное количество работ[1]. Тем не менее она по-прежнему остается одной из самых актуальных и исследуемых тем и на сегодняшний день.

К сожалению, долгое время данная проблема в Мордовии оставалась вне поля зрения исследователей. В самой незначительной степени она была затронута в обобщающих трудах по истории республики. В некоторой степени затрагивалась она И. И. Фирстовым и рядом других ученых[2]. В их работах большее внимание уделялось социальному и национальному составу населения, найму рабочей силы в промыслах, их положению, жилищным условиям, условиям труда и так далее. Однако собранные по разнообразным и многочисленным источникам сведения не носили характера специального исследования. И лишь недавно вышедший коллективный сборник «Из истории формирования и развития рабочего класса Мордовии» (Саранск, 1989) положил начало ее разработке.

В нашей статье основное внимание обращено на такой важный аспект этой темы, как роль и значение крестьянских промыслов в процессе формирования рабочего класса Мордовии.

В условиях пореформенной Мордовии крестьянские промыслы занимали существенное место в хозяйственной деятельности крестьянина, накладывали отпечаток на все стороны его социально-политической жизни.

Отмена крепостного права стала мощным ускорителем развития новых капиталистических отношений как в городе, так и в деревне. Одним из показателей развития этих отношений в деревне явилось усиление социального разложения крестьянства, в том числе и промыслового. В мордовской деревне, как и по всей России, процесс «раскрестьянивания» после отмены крепостного права пошел с небывалой быстротой.

Надел до восьми десятин В. И. Ленин считал недостаточным для содержания семьи[3]. «В Мордовии из 175,2 тыс. крестьянских дворов 104,7 тыс. бедняцких хозяйств имели в среднем по 5,2 десятины»[4], то есть почти 60 процентов крестьян владели нищенским наделом. Естественно, вести

самостоятельное хозяйство на таких участках земли становилось невозможно. И крестьяне были вынуждены прибегать к аренде земли или продавать свои участки. Наряду с этим дробление крестьянских наделов и рост сельского населения приводили к появлению множества лишних рабочих рук. Аграрное перенаселение пополняло постоянно существовавший рынок рабочей силы, влиявший на процесс формирования рабочего класса Мордовии. Однако местная промышленность смогла поглотить лишь весьма незначительную часть избыточных сельских рабочих. Остальные вынуждены были искать источники существования в местных и отхожих промыслах (табл. 1).

Таблица 1

Распределение оторвавшихся от земледелия местных и отхожих промышленников Лукояновского уезда в 1890 г.[7]

Наименование волости	Работников в местных промыслах	Из них оторвавшихся от земледелия		Работников с отхожими промыслами	Из них оторвавшихся от земледелия		Работников с местными и отхожими промыслами	Из них оторвавшихся от земледелия	
		абс.	%		абс.	%		абс.	%
Большеболдинская	882	236	26,7	285	275	96,3	20	15	75
Ичалковская	730	187	25,6	622	619	99,5	12	12	100
Кочкуровская	1908	159	8,3	117	111	94,9	12	7	58,3
Лобасковская	558	191	34,2	362	343	94,8	31	25	80,6
Оброчинская	297	141	47,5	547	544	99,5	23	8	34,8
Протасовская	453	111	24,5	294	222	75,5	36	5	13,9
Темяшевская	571	83	14,5	292	209	71,6	49	10	20,4
Всего по уезду	5399	1108	20,5	2519	2323	92,2	183	82	44,8

Важнейшим показателем разложения крестьянства было и обезземеливание основной массы крестьян, и в то же время рост собственной зажиточной и кулацкой верхушки деревни. В конце XIX в. только по Лукояновскому уезду Нижегородской губернии безнадельных крестьян было девять процентов, в которых насчитывалось несколько тысяч человек[4]. В руках же кулацкой и зажиточной прослойки деревни находилась львиная доля земли. В Мордовии

4,7 тыс. (2,7 процента) разбогатевших семей имели по 18,6 десятины[6].

Одним из ярких примеров разложения промыслового крестьянства является сокращение скота у крестьян. В изучаемый нами период — 60—90-е гг. XIX в. в Мордовии росло увеличение безлошадных хозяйств. В Лукояновском уезде, по Всероссийской переписи 1897 г., безлошадных дворов было почти 33 процента, а однолошадных хозяйств около 39 процентов.

Таким образом, вывод известного ученого-историка П. Г. Рындзюнского о том, что «пролетарские и полупролетарские слои деревни вмещали не менее, а скорее более половины сельских хозяйств пореформенных десятилетий»[8] справедлив и относительно мордовского края.

Характеризуя положение беднейшего крестьянства, В. И. Ленин делает вывод о том, что однолошадное и безлошадное крестьянство «...наименее обеспечено надельной землей, зачастую сдает ее по неимению инвентаря, семян и пр. ...Своим хозяйством ему никогда не прокормиться, и главным источником средств к жизни являются у него «промыслы» или «заработки», т. е. продажа своей рабочей силы. Это — класс наемных рабочих...»[9]. Такие пролетарии в Мордовии составляли более половины числа крестьянских хозяйств.

В конце XIX в. в Мордовии имелось около 28 тыс. крестьян, занимающихся промыслами, производивших продукцию на рынок[10]. По Лукояновскому уезду более шести тысяч дворов (69 процентов) занималось промыслами[11]. Многие промысловые крестьяне работали на скупщиков, «кустарей-хозяйчиков». Так, в Карсунском, Ардатовском уездах Симбирской губернии существовали скупщики, разъезжающие по селам и деревням». Они в свою очередь перепродавали товар главному скупщику холстов в Ардатовском уезде купцу Сидельникову[12]. Некоторые скупщики были связаны с крупными промышленниками. В Темниковском уезде Тамбовской губернии изготовленный холст скупался и для арзамасских промышленников[13]. Крестьяне, изготавливающие товар для продажи скупщику, в полной мере зависели от него. Ведь сбыт своих промыслов в определенное время у таких крестьян являлся необходимым условием продолжения работы и даже его существования. Эти скупщики становились для таких кустарей единственными установщиками цен на его продукцию. Так скупщик превращался в хозяина, в том смысле, что от него зависели окончательные денежные результаты производства. Кустарь, у которого не имелись средства для покупки мате-

риала, брал в долг у этого скупщика, попадая таким образом в зависимое от него положение. Да и скупщик в этом случае в глазах кустаря становился его хозяином. И крестьянин уже не может продавать товар по-своему усмотрению: кому захочет, а должен был нести его своему «хозяину», который сам назначал для него выгодную цену на товар. «Забирая предметы потребления в лавке того же кредитора нередко, и подати за него вносил последний. В отношении производства продуктов кустарь оставался еще хозяином своего дела. ...В денежном отношении он находился в полной зависимости от скупщика[14]. Находясь в зависимости от скупщиков «кустарей-хозяйчиков»[15], крестьяне, занимающиеся промыслами все больше и больше разорялись, превращались в наемных рабочих. К концу XIX в. более 75 процентов кустарей Мордовии потеряли свою экономическую самостоятельность. Появилась капиталистическая работа на дому, которая занимала почти половину всех кустарей.

Большинство беднейших крестьян-промысловиков уходило в отхожие промыслы, которые играли важную роль в формировании рабочего класса Мордовии.

В. И. Ленин писал, что «...отсутствие свободы передвижения, сословная замкнутость крестьянской общины вполне объясняют ту замечательную особенность России, что в ней к индустриальному населению должна быть отнесена не малая часть сельского населения, добывающая себе средства к жизни работой в промышленных центрах и проводящая в этих центрах часть года. Мы говорим о так называемых отхожих неземледельческих промыслах»[16]. По мнению В. И. Ленина, неземледельческий отход представляет собой явление прогрессивное, ибо «он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурые привычки и потребности»[17].

Поэтому занятия крестьян неземледельческими промыслами, как местными, так и отхожими, имеют прямое и непосредственное отношение к формированию промышленного пролетариата, именно эта категория населения являлась в будущем потенциальными рабочими промышленных предприятий. По мнению мордовского ученого И. И. Фирстова, промысловой деятельностью занималось 10,2 процента всего наличного населения Мордовии[18]. Только в Лукояновском уезде проживало более 8 тыс. крестьян, занимающихся неземледельческими промыслами[19].

Число крестьян, занимающихся промысловой деятельностью в тех волостях Лукояновского уезда, которые позднее полностью или частично вошли в состав Мордовии, отражено в таблице 2.

Таблица 2

Удельный вес промыслового крестьянского населения в отдельных волостях Лукояновского уезда по данным подворной переписи 1890 г.[20]

Волости	Всего наличного населения	В том числе промыслового			
		занимающегося земледелием		не занимающегося земледелием	
		абс.	%	абс.	%
Большеболдинская	7563	529	7,0	661	8,7
Ичалковская	8852	818	9,2	546	6,2
Кочкуровская	10222	277	2,7	1760	17,2
Лобасковская	5751	559	9,7	392	6,8
Оброчинская	5420	693	12,8	174	3,2
Протасовская	7692	338	4,4	445	5,8
Темяшевская	10434	302	2,9	610	5,8
Итого	55934	3516	6,3	4588	8,2

Таким образом, в указанных волостях более 3,5 тыс. (6,3 процента) крестьян свои занятия земледелием сочетали с промысловой деятельностью. Более 4,5 тыс. (8,2 процента) практически уже полностью были оторваны от земледелия. Именно эта категория крестьян являлась основным источником пополнения как промышленных, так и сельских наемных рабочих.

Крестьянские промыслы и крестьянское отходничество в пореформенный период имели тенденцию роста во всех уездах Мордовии, но наибольшее развитие они получили в Темниковском, Ардатовском и Алатырском уездах (табл. 3).

Крестьяне-отходники Мордовии, занимавшиеся отхожими промыслами, направлялись на заработки в промышленные центры страны — на фабрики и заводы Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, их губернии, а также в южные и восточные районы страны[22].

Из Краснослободского уезда в 1898 г. отправлялись на заводы для возки мела и обжигания угля до 1700 человек. На кирпичные работы — до 220 человек[23]. Кроме этого

Таблица 3

Удельный вес отхожих промышленников по данным подворных переписей 1882 и 1911 гг. и I Всероссийской переписи 1897 г.[21]

Уезды	Всего наличного населения	В том числе отхожих промышленников	
		абс.	%
Ардатовский	227004	19148	8,4
Алатырский	182455	15509	8,5
Карсунский	242735	19725	8,1
Спасский	98966	4575	4,6
Темниковский	73975	6864	9,1
Лукояновский	55934	2697	4,8
Итого по 6 уездам	881069	68518	7,8

крестьяне Краснослободского уезда занимались добычей руды для Ташинского, Авгурского чугуноплавильных и железоделательных заводов[24].

По оценке корреспондентов Нижегородских губернских ведомостей, Нижний Новгород... дает средства к заработкам не одной тысяче поселян своей губернии... в особенности в весеннее и летнее время[25].

В Темниковском уезде был развит отход на фабрики и заводы Московской промышленной полосы, в том числе и в г. Москву[26].

По подсчетам А. Г. Рашина, большинство фабрично-заводских рабочих в Москве — это выходцы из других губерний, в том числе и Тамбовской губернии (1 процент, или 1 тыс. рабочих)[27].

Как известно, отхожие промыслы были двух видов: земледельческие и неземледельческие. Правда, удельный вес отхожих промышленников по отдельным уездам был различным. В Ардатовском, Алатырском уездах преобладали неземледельческие отхожие промыслы, что видно на примере таблицы 4.

Поэтому совершенно не случайно В. И. Ленин заметил, что в России «...приблизительное, самое вероятное, распределение будет таково: около 4,2 миллиона неземледельческих наемных рабочих и около 3,6 миллиона земледельческих наемных рабочих»[29].

На сельскохозяйственные заработки рабочие Симбирской губернии всех местностей преимущественно направлялись в Самарскую и Саратовскую губернии; некоторые

Таблица 4

Распределение земледельческих и неземледельческих отхожих промыслов в Мордовии по данным подворных переписей 1882 и 1911 гг.[28]

Уезды	Всего наличного населения	В том числе	
		отхожих неземледельческих промысловиков	отхожих земледельческих промысловиков
Ардатовский	227004	19148	15000
Алатырский	182455	15509	8300
Карсунский	242735	19725	10000
Итого по 3-м уездам	452194	54382	33300

уходили в Казанскую, Астраханскую, Оренбургскую, Уфимскую, в область Войска Донского и на Урал[30].

Средняя заработная плата отправляющихся на сельскохозяйственные промыслы рабочих колебалась от 10—25 руб.; высший заработок доходил иногда до 40 руб. Большею же частью крестьяне зарабатывали мало, часто бедствуя, приносили домой не более 10—15 руб. за все лето, а иногда бывали случаи, когда рабочие возвращались домой совсем без денег[31]. Некоторых земледельческих отходников, которые в силу каких-либо причин оставались без средств существования и не могли самостоятельно вернуться домой, приходилось пересылать на свою родину этапом[32].

Заработная плата неземледельческих отхожих крестьян была несколько выше, чем у земледельческих отхожих работников. Так, в Ардатовском уезде «плотники... топором, долотом и пилой зарабатывали... до 15 руб. в месяц», в то время как земледельческие крестьяне, как отмечалось выше, зарабатывали по 10—15 руб. за все лето[33]. Из Краснослободского уезда в отхожие промыслы на кирпичные работы отправлялось до 220 человек. Их общий заработок доходил до 5 тыс. руб.[34] В Ардатовском уезде неземледельческие рабочие получали: «рабочий приисков — 18 руб., по устройству железнодорожного пути — 17 руб., рудников — 15 руб., фабрик и заводов — 14 руб. ... Только бурлаки получали меньше земледельческих рабочих — 8,8 руб.»[35]

Следует отметить, что неземледельческие отхожие рабочие не все получали хорошую зарплату. Так, в результате специального обследования рабочего состава сор-

мовских заводов подчеркивается, что «все пришлые новички рабочие, которых еще в первый раз «выгнала нужда из деревни на фабрику», выполняют все черные работы». Труд часто слишком тяжелый, но в то же время самый неблагодарный по оплате[36].

Крестьяне-отходники нанимались на строительно-дорожные, деревообделочные работы, лесосплавные и на другие виды работ, шли работать на фабрики и заводы в качестве грузчиков, прислуги, чернорабочих, то есть на такие работы, которые были самыми низкооплачиваемыми. Во внутренней корреспонденции газеты «Вестник промышленности» сообщалось, что одним из главных занятий крестьян Наровчатского, Краснослободского уездов были «работы на винокуренных заводах и наем в бурлаки»[37].

В местных и отхожих промыслах участвовали крестьяне всех национальностей пореформенной Мордовии. Более подробно участие в отходничестве крестьян разных национальностей рассматривается И. И. Фирстовым. По его оценке, промысловой деятельностью больше занималось русское, чем мордовское и татарское население[38].

Таким образом, вместе с развитием капитализма в Мордовии шел процесс формирования рабочего класса. Одним из главных источников этого процесса являлись крестьяне, занимающиеся местными и отхожими промыслами. Большую роль в образовании рабочего класса Мордовии играли неземледельческие отхожие промыслы.

Вливаясь в ряды пролетариата России, крестьяне-отходники пореформенной Мордовии имели постоянные контакты с рабочими разных районов страны, что безусловно содействовало росту их классового сознания, расширению размаха революционной борьбы.

Литература и источники

1 Абезгауз З. Е. Развитие и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX в.— Минск, 1971; Воронцов В. Очерки кустарной промышленности в России.— СПб., 1886; Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.— М., 1983; Лось Ф. Е. Формирование и развитие рабочего класса на Украине во второй половине XIX в. //Украинский исторический журнал.— 1974.— № 5; Панютич В. П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии. 1861—1917.— Минск, 1969; Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России.— М., 1940; Рыбников А. А. Мелкая промышленность России.— М., 1923; Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. 60—80-е гг. XIX в.— М., 1966; его же. Утверждение капитализма в России. 1860—1890 гг.—

М., 1978; Смыков Ю. И. Развитие мелкой промышленности в пореформенной деревне Казанской губернии.// Вопросы истории Татарии.— Казань, 1962; Васильев Б. Н. Численность, состав и территориальное размещение фабрично-заводского пролетариата Европейской России в конце XIX — начале XX в.// История СССР. 1976.— № 1.

2 История Мордовской АССР.— Саранск, 1979.— Т. 1.— С. 207—210, 211—213; Очерки истории Мордовской АССР.— Саранск, 1955.— Т. 1.— С. 311—345; Мордва.— Саранск, 1981.— С. 79—85; Фирстов И. И. Отхожие кустарные промыслы мордовского пореформенного крестьянства //Труды МНИИЯЛИЭ.— Саранск, 1978.— Вып. 62.—С. 99—127; Фирстов И. И. Рогожно-кулевой промысел в пореформенной Мордовии 1861—1897 гг. //Труды МНИИЯЛИЭ.—Саранск, 1974.— Вып. 45.— С. 177, 189, 194—195, 197—198; Абрамов В. К. К вопросу об экономическом положении крестьянства Мордовии накануне первой мировой войны //Труды МНИИЯЛИЭ.— Саранск, 1982.— Вып. 66.— С. 149—157.

3 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 63—64.

4 История Мордовской АССР.— Саранск, 1979.— Т. 1.— С. 194.

5 Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть.— Н. Новгород, 1897.— Вып. 11.— Приложения.— С. XXVI.

6 Там же.— С. 111.

7 История Мордовской АССР.— Саранск, 1979.— Т. 1.— С. 194.

8 Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России.— М., 1978.— С., 266.

9 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 137.

10 История Мордовской АССР.— Т. 1.— С. 200.

11 Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Сергачский уезд.— Н.Новгород, 1898.— Вып. 111.— С. 1.

12 ЦГВИА, ф. 499, оп. 7, д. 10, лл. 113—114.

13 Там же, л. 259.

14 Воробьев В. Очерки кустарной промышленности в России.— СПб., 1886.— С. 136.

15 История Мордовской АССР.— Т. 1.— С. 201.

16 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 569.

17 Там же.— С. 576—577.

18 Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ.— Саранск, 1975.— Вып. 48.— С. 115.

19 Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть.— Вып. 11.— Приложения.— С. XXVI.

20 Там же.

21 Фирстов И. И. Некоторые особенности промысловых занятий пореформенного мордовского крестьянства // Материалы археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ.— Саранск, 1975.— Вып. 48.— С. 125; Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Лукояновский уезд.— Н. Новгород, 1897.— Вып. 11.— С. XXVI; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии.— Тамбов, 1883.— Т. 4.— С. 175—177: там же.— Т. 5.— С. 119.

22 Торговля и промышленность Европейской России по районам.— СПб., 1904.— Вып. 4.— С. 251; Воронцов В. Очерки кустарной промышленности в России.— СПб., 1886.— С. 68—69.

23 ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 87, д. 722, л. 12.

24 Торговля и промышленность России по районам.— Вып. IV.— С. 25.

25 Нижегородские губернские ведомости.— 1863.— № 35.— С. 308—309.

26 Торговля и промышленность России по районам.— Вып. IV.— С. 25.

27 Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России.— М., 1940.— С. 335.

28 Фирстов И. И. Некоторые особенности промысловых занятий пере-

форменного мордовского крестьянства // Материалы археологии и этнографии Мордовии.— Саранск, 1975.—Вып. 48.—С. 125; ГАУО, ф. 48, оп. 1, д. 104, л. 6.
29 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 111.
30 ГАУО, ф. 48, оп. 1, д. 104, л. 9.
31 Там же, л. 8.
32 Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии.— Тамбов, 1883.— Т. IV.— С. 222.
33 ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, д. 721, л. 5.
34 Там же, оп. 87, д. 722, л. 12.
35 Фирстов И. И. Некоторые особенности промысловых занятий пореформенного мордовского крестьянства.— С. 130.
36 Рабочие сормовских заводов // Народное хозяйство.— 1902.— № 4.— С. 88; История Красного Сормова.— М., 1969.— С. 11—12, 38—39.
37 Вестник промышленности.— 1874.— № 89.— 21 мая.— С. 2.
38 Фирстов И. И. Некоторые особенности промысловых занятий пореформенного мордовского крестьянства.— С. 114.

А. С. Тувин

МАТЕРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ БАЗА КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ МОРДОВИИ В 1861—1905 гг.

Проблема материально-производственной базы земледелия является одной из центральных в крестьянском вопросе. Изучение этой проблемы дает возможность определить уровень развития земледелия, проследить те изменения, те сдвиги и эволюцию в целом, которые произошли в пореформенное время.

Важнейшими компонентами этой проблемы являются вопросы системы земледелия, состояния ее агротехники, снабжения наемной рабочей силой, рабочим скотом, удобрениями, усовершенствованными орудиями труда. Все эти взаимосвязанные компоненты освещают в конечном итоге деятельность непосредственного производителя — крестьянина, показывают результаты труда и состояния его хозяйства.

Нельзя сказать, что вопросы материально-производственнной базы крестьянского земледелия Мордовии ранее не затрагивались исследователями. Такие ее аспекты, как обеспеченность крестьянского хозяйства тягловым рабочим скотом, новыми усовершенствованными орудиями труда, удобрениями, нашли свое освещение в работах И. И. Фирстова, А. П. Новицкой и Т. П. Федянович, А. С. Лузгина, Г. Г. Данилова и других[1]. Однако комплексное изучение указанной проблемы предпринято не было. В данной работе впервые затрагивается вопрос об участии крестьян Мордовии в разработке более дешевых, простых и надежных земледельческих машин и орудий. При этом привлекаются

новые документальные источники. Широко используется периодическая печать того времени.

Освещение проблемы следует, пожалуй, начинать с системы земледелия. Отметим, что вопрос этот отражался в свое время в трудах известных отечественных ученых-агрономов[2]. Немало внимания ему уделяют и современные советские ученые историки-аграрники[3]. Не вдаваясь в подробный анализ этой сложной проблемы, сошлемся на авторитетное мнение А. М. Анфимова, считающего, что в целом смена систем земледелия может быть прослежена лишь на протяжении целой эпохи. В течение же такого периода, которое рассматриваем мы, речь может идти лишь о применении тех или иных способов ведения полеводческого хозяйства, «системы хозяйства, то есть понятии, которое значительно уже понятия систем земледелия»[4].

Во второй половине XIX и начале XX в. для значительной части российского земледелия характерна была трехпольная система. Не являлось исключением в этом отношении и земледелие Мордовии. Более того, именно трехполье здесь было господствующей системой.

В начале 60-х гг. XIX в. лишь в ряде случаев наряду с трехпольем встречалась еще и переложная система земледелия, при которой участок земли в течение нескольких лет засевали хлебными культурами, а затем после его истощения оставляли в залежи, используя как пастбище или сенокос. По разверстке земель 1864 г. в селах Каргашино, Подлясово, Анаево, Вадовские Селищи и деревнях Промзиной Течевки и Крюковки Анаевской волости Спасского уезда было в общей сложности 11015, 3 дес. пахотных земель, из них трехпольная система использовалась только на 132,6 дес., составляющих 1,3 процента общей площади. В селах Бездуновка и Теплый Стан имелось 4628,8 дес. пашни под трехпольной и 61,3 дес.— переложной системой, что составляло также немногим более 1,2 процента[5]. По данным статистики угодий 1881 г. крестьянам Мордовии принадлежало 1016284 дес. надельной пашни, из которой под посевами находилось 673303 дес. (66,3 процента), под паром — 333315 дес. (32,7 процента), под залежью, подсеками и прочими — 9666 дес. (1 процент)[6]. В дальнейшем сведений о переложной системе мы практически не встречаем. Приведенные данные показывают, что переложная система севооборота полностью изжила себя и прекратила свое существование. Вместе с этим наряду с господствующей трехпольной системой появляется и многопольная. В пореформенное время на трерритории Мордовии она получила самое незначительное распространение. К сожалению, мы не распо-

лагаем конкретным цифровым материалом, чтобы показать распространенность этого явления. Большинство же имеющихся материалов описательного характера свидетельствуют о трехпольной системе.

В 1867 г. Сталь указывал, что в Пензенской губернии «система полеводства, за исключением весьма немногих помещичьих участков, трехпольная зерновая; весь севооборот состоит из 3-х полей: в 1-м поле рожь, во 2-м — яровые хлеба, в 3-м — пар, на котором пасется скот до посева опять озимой ржи»[7].

О наличии трехполья не только в крестьянских хозяйствах, но и помещичьих упоминается в ежегодных отчетах Пензенского, Симбирского и Тамбовского губернаторов. Так, в отчете Пензенского губернатора за 1876 г. отмечено: «Преобладающая система севооборота трехпольная: черный пар, по нему озимые хлеба, после яровой посев»[8].

В середине 90-х гг. XIX в. Саранская уездная земская управа в своем отчете пензенскому губернатору писала: «Степень благосостояния различных хозяйств, как-то: помещичьих, купеческих, крестьянских и так далее, за некоторыми малыми исключениями, совершенно одинакова: во всех старая система трехпольного севооборота, недостаток удобрения полей и почти полное отсутствие культуры каких-либо новых сельскохозяйственных произведений, имеющих всегда хорошую цену и сбыт»[9].

В то же время было немало случаев, когда крестьяне, страдая от острого малоземелья, были вынуждены вводить не только трехпольный, но двухпольный и даже однопольный севооборот.

В подворном обследовании Спасского уезда 1882 г. отмечалось, что у некоторых бывших помещичьих крестьян уезда «нет правильной трехпольной системы хлебопашества, так как они свой ничтожный надел поделили только на два поля. Приходится или не давать земле отдыха или оставлять через два года пар и сеять хлеб на съемной земле»[10].

Такое же положение существовало в Темниковском уезде и в некоторых волостях Саранского уезда[11].

По трехпольной системе эксплуатировались не только надельные, но арендованные и купчие пахотные земли. Она господствовала в земледелии крестьян всех национальностей.

Известный русский этнограф В. А. Ауновский пришел к выводу, что «система хлебопашества, земледельческие орудия, упряжь, небрежность в скотоводстве как у русских, так и у мордвы совершенно одинакова»[12].

Трехпольная система, как отмечали А. П. Новицкая и

Т. П. Федянович, продержалась у мордовского крестьянства вплоть до коллективизации сельского хозяйства[13]. Это объясняется, с одной стороны, свойствами самой системы земледелия, а с другой — рядом экономических причин. Такая система как очень простая отвечала уровню примитивной сельскохозяйственной техники. Климат края обусловливал позднее созревание озимых, что при тогдашнем уровне агротехники не давало возможности подготовить почву для посева озимых в том же году. Между яровыми и озимыми необходим был промежуток времени в одно лето, чтобы землю можно было бы подготовить к лету.

Этими причинами во многом и был обусловлен весь медленный, затянутый характер перехода крестьянского, да и помещичьего земледелия от трехполья к многополью.

Лишь в конце XIX в. прежде всего на землях помещиков и кулаков начинается постепенный переход к иным севооборотам. После строительства железных дорог в 90-е гг. XIX в. на землях хуторян была попытка ввести 4-польный севооборот с пятым выводным клином: 1) пар, 2) озимая рожь, 3) корне- и клубнеплоды, пропашные бобовые, 4) яровые: овес, просо, 5) многолетние травы (костер, люцерна).

В помещичьих хозяйствах при наличии винокуренных заводов вводился 4-польный картофельный севооборот: 1) пар, 2) озимая рожь, 3) картофель, 4) овес, просо... и с несколько измененной схемой: 1) пар, 2) озимая рожь, 3) 1/2 поля картофель + 1/2 бобовые, 4) овес, просо.

Такая же схема севооборота встречалась и у крестьян Инсарского уезда[14]. Как видим, лишь в конце XIX в. наметился переход от трехпольной системы к многопольной системе. Но эти ростки новой, более прогрессивной системы большей частью были пока исключением, нежели правилом, так как в 1904 г. в Краснослободском уезде многопольный севооборот был введен только на 443 дес. частных земель, а в Инсарском — в имении при с. Бервиль на 500 дес[15]. По всей Пензенской губернии у крупных земледельцев под многопольными севооборотами было 7125 дес. или 0,3 процента всей пахотной земли[16].

Говорить же о многопольном севообороте в крестьянском земледелии Мордовии тем более не приходится, так как при общинной форме земледелия переход к новым формам полеводства, связанный с переделами полей и иным чередованием посевов, был очень затруднителен.

Крестьянин не мог занять свой участок пара под посев из-за того, что все паровое поле отводилось для выпаса деревенского стада. Не мог он и завести четырехполь-

ный или пятипольный севооборот, так как его земля не выделена в отдельный участок, а находилась среди трех клиньев общих крестьянских полей. Поэтому лишь после Столыпинской аграрной реформы тенденция перехода от трехполья к многополью получает более быстрое развитие.

Коснувшись вопросов севооборота, необходимо обратить внимание и на удобрение полей. В изучаемый период основным видом удобрения как для крестьян, так и для помещиков служил навоз. Уже этот факт предполагает разный уровень унавоженности крестьянских полей. Наиболее богатый хозяин, имевший большое поголовье скота имел и больше возможности внести удобрения на свои поля, чем бедный.

Как отмечалось в материалах, полученных от хозяев Тамбовской губернии: «Небольшая распространенность навозного удобрения в крестьянских хозяйствах объясняется еще частью и их экономической необеспеченностью, создающей почти повсеместный недостаток скота, а во многих случаях заставляющий даже скопленный и предназначенный для вывоза на свои поля навоз продавать на сторону; таковы сообщения: «между крестьянами навозное удобрение распространено мало, потому что они из нужды навоз вывозят за плату на владельческие земли», «навоз нередко продаем помещикам», «нужда заставляет превращать живой инвентарь в деньги»[17].

В Темниковском уезде в материалах оценочного обследования указывалось, что продают навоз или малоземельные и безземельные крестьяне, например, с. Ермишь и с. Мердушь, или такие, у которых пахотный участок находится на большом расстоянии от усадьбы, например, большая часть пашни в наделе крестьян д. Авкиманово в 5—7 верстах от селения, вследствие чего значительная часть запасов навоза продается[18].

Всего в уезде в 1899 г. было зарегистрировано 73 случая продажи навоза. Стоимость воза колебалась от 3 до 20 коп., а в среднем 10,4 коп. В Спасском уезде навоз продавался от 3 до 10 коп[19].

По расчетам земских статистиков, для удобрения 1 дес. пара необходимо в хозяйстве иметь 6 голов скота. В Мордовии в 1890 г. крестьяне имели 1194283 голов скота и 303315 дес. пара. Следовательно, на каждую десятину приходилось только 3,6 головы, что было в 1,7 раза меньше указанной нормы[20].

Такая раскладка естественно не могла обеспечить крестьянское хозяйство соответствующим количеством удобрения. Но в начале пореформенного периода даже имею-

щееся количество органического удобрения не всегда находило применение в крестьянских полях. Было немало случаев, когда навоз вываливался в овраги и ямы. О подобных явлениях сообщалось из Пензенской и Симбирской губерний[21]. Дальноземелье и ежегодные переделы надельной земли были основными причинами отсутствия заинтересованности у крестьян вносить удобрения на свои поля. В 1870 г. министр внутренних дел начальнику Пензенской губернии по крестьянским делам присутствию писал: «В Пензенской губернии существует пагубный обычай ежегодного дележа крестьянами мирской земли по душам, отчего каждый домохозяин, не имея возможности постоянного пользования одним и тем же участком, не заботился ни об удобрении, ни о тщательной обработке этого. При таких условиях и в благоприятные годы урожай хлеба на крестьянском наделе всегда бывает менее обилен, чем на землях ими же обрабатываемых в помещичьих хозяйствах»[22].

Необходимость удобрять поля прекрасно понимали сами крестьяне, в этом они воочию убеждались сами. Поэтому крестьяне все чаще стали отказываться от ежегодных переделов земли и переходили на более длительные сроки.

«Мне удалось убедить почти всех крестьян отменить ежегодный передел земли,— писал в 1880 г. в Пензенских ведомостях председатель окружного Пензенского сельскохозяйственного съезда А. А. Татищев.— Теперь почти все сельские общества Пензенской губернии поделили землю между домохозяевами на продолжительные сроки: от 9 до 20 лет. Удобрения вывозятся на поля, а не бросаются в овраги»[23].

14 марта 1894 г. крестьяне мордовской деревни Нагорное Алексово Инсарского уезда разделили свои надельные земли сроком на 12 лет. Сельский сход постановил «доставшуюся землю каждый домохозяин должен удобрить»[24]. Аналогичное же решение было принято и крестьянами мордовской деревни Глушково того же уезда[25].

А вот что писал по этому поводу управляющий имениями Столыпиных: «Заведуя имением тайного советника Николая Аркадьевича и гвардии отставного ротмистра Дмитрия Аркадьевича Столыпиных при селах Пушкине и Нечаеве и д. Высокой Инсарского уезда, мне приходилось очень часто проезжать земли крестьянского надела тех селений,— и всегда я встречал на них самый скудный урожай хлебов; нисколько не убавлю, если скажу, что хлеба на крестьянском наделе с 1869 до 1875 года представляли унылый и безотрадный вид, почва земли была истощена до крайних пределов.

В прошедшем 1875 г. я поражен был изобилием урожая на крестьянских полях, хлеба были великолепны, в настоящем (1876 г.) представляется тот же вид хлебов. При виде такой резкой перемены я полюбопытствовал узнать причину и оказалось, что два года тому назад крестьяне сделали раздел своей земли на 6 лет; разделивши ее, они тот час же приступили к удобрению,— и вот пример: крестьянин с. Пушкина Иван Жестков до раздела получал со своего загона от 2 1/2 до 3-х телег, после раздела на такой же участок он положил удобрения 150 возов и в прошедшем году получил ржи 5 телег; рядом с ним был загон крестьянина Андрея Галузина, равный по величине, который не успел удобрить, единственный случай, получил только три телеги»[26].

Осознав большую пользу внесения удобрения и осуществив переделы на более длительные сроки, крестьяне стали больше уделять внимания удобрению своих полей. Особенно отличались в этом плане нечерноземные уезды. В подворном обследовании Темниковского уезда 1882 г. указывалось, что удобрение полей навозом повсеместно практикуется издавна, так как без него тощие почвы... дают лишь самые слабые урожаи... даже безлошадные домохозяева нанимают лошадей, чтобы вывезти хотя бы несколько возов навоза, а уходящие «на сторону» сдают свои наделы «на года», чтобы арендатор имел расчет применять удобрение»[27].

По распространению навозного удобрения Пензенскую губернию в начале XX в. делили на две половины — северо-восточную и юго-западную. В северо-восточной части, куда входили уезды, вошедшие в состав Мордовии, поля удобрялись или всеми владельцами и крестьянами (Краснослободский уезд), или всеми владельцами и большинством крестьян (Наровчатский, Инсарский, Саранский и Городищенский уезды)[28].

Но все же недостаток навозного удобрения не давал возможности крестьянам удобрить всю пашню. Удобрение вносилось лишь на огороды и конопляники, а в полевом клину удобривались относительно близкие земли, отведенные под озимые. Корреспонденты из Тамбовской губернии сообщали, что при преобладающем в губернии трехпольном севообороте «вывозка навоза на одно и то же поле периодически повторяется по большей части через 3 года, хотя во многих случаях за недостатком навоза паровое поле удобряется и не в каждую очередь, а через 6, 9 и даже 12 лет»[29].

Наилучшим примером, показывающим охват крестьян-

ских полей удобрением, являются данные оценочного обследования Темниковского уезда. По этим данным в уезде ежегодно из 100 дес. надельной пашни удобривалось только 6,4 дес., или 19,2 процента парового поля. На удобриваемую десятину вносили 109 возов навоза, а в итоге на каждую десятину запашки приходилось почти 7 возов[30].

Такое же положение существовало и в Пензенской губернии. По сведениям добровольных корреспондентов, в 1887 г. крестьяне Пензенской губернии удобривали 20 процентов озимого поля, 3,3 процента всей удобной и 6 процентов пахотной земли. Поэтому не случайно А. Бурлуцкий подчеркивал, что удобрение крестьянских земель «носит случайный характер»[31].

Данные оценочного обследования по Темниковскому уезду дают возможность определить количество вносимого удобрения на те или иные крестьянские земли. Так, запасы удобрительных средств крестьян Темниковского уезда приблизительно были определены в 690842 возах. Из этого количества 72,3 процента крестьяне расходовали на удобрение надельной пашни, 20,8 процента на удобрение конопляников и огородов и 6,9 процента — на арендованные пахотные земли[32].

Как видим, приведенные данные не совсем совпадают с показаниями земских статистов, но они свидетельствуют и о том, что часть запасов навозного удобрения крестьян шла и на арендные земли. Видимо, это в большей степени характерно было для зажиточного крестьянства, снимавшего земли на более продолжительный срок, имеющего больше скота, а значит, и удобрения.

По подсчетам И. И. Фирстова, почти 40 процентов крестьянских хозяйств пореформенной Мордовии совершенно не удобряли свои земли. Если среди зажиточного крестьянства к удобрению своих полей прибегало около 90 процентов, то среди бедноты таковых было в два раза меньше[34].

Крестьянская беднота вынуждена не только продавать, но и употреблять навоз в качестве топлива, что у зажиточного крестьянства было исключительно редким явлением. Общинное земледелие, трехпольная система севооборота, частые переделы земли и недостаток скота тормозили распространение удобрения в крестьянском полеводстве.

Следовательно, наметившиеся в конце XIX в. меры к более широкому распространению удобрения в крестьянском земледелии, наблюдались прежде всего в хозяйствах зажиточного крестьянства, более тесно связанного с рынком, имевшего больше средств для развития и улучшения земледелия и хозяйства в целом.

Таблица 1

Динамика обеспеченности крестьянства Мордовии лошадьми за 1882—1905 гг.[33]

	Годы				За 1882—1905 гг. произошло увеличение (+) или уменьшение (—)	
	1882	1888—1891	1899—1900	1905	абс.	%
Всех крестьянских дворов	140311	148118	158962	168002	+27691	+19,7
У них лошадей: всех	231188	197739	203974	215681	—15507	—6,7
рабочих	177835	144972	132296	146394	—31441	—17,7
На двор лошадей: всех	1,65	1,33	1,28	1,28	—0,37	—22,4
рабочих	1,27	0,98	0,84	0,87	—0,40	—31,5

Сельскохозяйственное производство крестьянства теснейшим образом связано с животноводством. Как об основном источнике удобрения о животноводстве мы уже несколько говорили. Теперь же обращаемся к животноводству как к основному источнику тягловой силы. В этом отношении больше всего интересует нас наличие в крестьянском хозяйстве лошадей, с тем, чтобы определить обеспеченность крестьянства живым рабочим инвентарем. Для анализа воспользуемся материалами военно-конских переписей и работами земских исследователей.

Динамику обеспеченности лошадьми крестьян Мордовии показывает сводная таблица военно-конских переписей (табл. 1), из которой видно, что на протяжении четверти века численность крестьянских дворов увеличилась почти на 20 процентов, в то время как численность лошадей в крестьянском хозяйстве сократилась примерно на 7 процентов. Особенно сильно сократилось количество рабочих лошадей. Их численность упала на 17,7 процента, что привело к значительному ухудшению обеспеченности крестьянского хозяйства тягловой рабочей силой. Если в 1882 г. на каждый крестьянский двор в среднем приходилось около 1,3 лошади, то в 1905 г.— всего 0,87. Как видим, материально-производственная база земледелия ухудшилась. Количество рабочих лошадей на одну пахотную десятину постоянно сокращалось.

В докладе Пензенской губернской земской управы по агрономическому отделу за 1903 г. приводятся сведения о количестве крестьянского скота за период с 1870 по 1900 год. В начале этого периода, по этим данным, на 100 дес. удобной крестьянской земли в губернии приходилось 106 голов разного скота. За тридцать лет это количество сократилось до 80 голов, то есть сократилось на 24,6 процента[35]. Здесь в основу расчета взят весь скот, поэтому картина получается еще не столь удручающей. Совсем иная картина представляется в начале XX в. в Ардатовском уезде. В своей записке о современном положении крестьянских хозяйств и мерах по их улучшению В. Н. Васильев отмечал, что «на одну десятину посева на надельной земле приходится 1/3 лошади, 1/2 штуки рогатого скота и несколько более одной штуки мелкого скота»[36].

По статистике угодий 1881 г., крестьянам Мордовии принадлежало 1016284 дес. надельной пашни, 673303 дес. которых находились под посевами. На это количество земли приходилось в 1882 г. (см. табл. 1) 231188 всех существовавших лошадей, в том числе и 177835 рабочих. Сопоставив эти данные, замечаем, что на 1 дес. пашни при-

ходилось менее 1/4 лошади, а на 1 дес. посевной площади — 1/3 лошади. Это с учетом всего числа лошадей. Рабочей же лошади на 1 дес. пашни в Мордовии приходилось менее 1/5 и 1/4 на всю посевную площадь. Иначе говоря, на каждую рабочую лошадь падало 5,7 дес. пахотной и 3,7 дес. посевной площади. Видимо, такое количество лошадей было бы достаточно для земледелия. В эти же 80-е гг. некоторые земские исследователи подсчитали, что в центральной черноземной полосе на одну крестьянскую лошадь приходилось 5—7—8 дес. пашни, тогда как «по правилам трехпольного севооборота» полагается 7—10 дес. После чего был сделан вывод о том, что «на обезлошадение части населения этой области России нужно смотреть до известной степени как на восстановление нормального отношения между количеством рабочего скота и площадью, подлежащей обработке»[37]. Комментируя эти положения земских исследователей, В. И. Ленин совершенно справедливо отметил, что «...это есть прогресс капиталистического земледелия, так как «восстановление нормального отношения» рабочего скота и пашни достигается либо помещиками, заводящими свой инвентарь, либо крупными посевщиками из крестьян, т. е. крестьянской буржуазией»[38].

Таким образом, в среднем исчислении количество рабочего скота в Мордовии можно признать не только достаточным, но и в какой-то степени избыточным. Между тем следует иметь в виду, что наряду с процессом восстановления нормального отношения рабочего скота и пашни положение крестьян осложнялось так же «нормальным» в условиях капитализма процессом утраты лошадей огромной массы крестьян — вчерашних самостоятельных хозяев.

Действительно, о каком прогрессе земледелия могла быть речь в хозяйстве бедного крестьянина, теряющего последнюю свою надежду и опору — лошадь? Как он может заниматься земледелием дальше?!. В таких случаях, сдав свою землю, он вынужден был идти на заработки или обращаться к найму лошади. Но нанять лошадь для земледельческих работ можно было, как правило, с одновременным наймом ее хозяина, от чего этот найм обходился дороже.

«Так,— отмечает А. М. Анфимов,— родилась в России знаменитая, неизвестная в других странах Европы управка душ — обработка земли с помощью наемного пахаря, обычно — соседа-односельчанина»[39].

Прямых данных о масштабах распространения управки душ в Мордовии не имеется. Но, определив число без-

лошадных хозяйств и хозяйств, сдающих свои надельные земли, можно приблизительно определить и это. Так, в 1882 г. в Темниковском уезде было зафиксировано 4994 безлошадных крестьянских хозяйства (27,3 процента всех хозяйств) и 879 крестьянских хозяйств, сдавших свои наделы в аренду. Предположив, что все сдавшие наделы являются безлошадными, мы получим из общего числа безлошадных 17,6 процента дворов, которые не могли прибегать к управке души. Наши расчеты будут еще ближе к реальности, если мы 603 безземельных двора так же отнесем к числу безлошадных и исключим их из расчета. Тогда получим 4391 безлошадный крестьянский двор, из которых 879 (20 процентов) сдавали наделы в аренду. Остальные же 80 процентов безлошадных свою землю могли обработать путем управки души [40]. В Спасском уезде из 3399 (22 процента) дворов, не имеющих лошадей, исключаем 495 дворов безземельных крестьян, получим 2904 безлошадных двора, владевших надельной землей, из них 1297 дворов сдавали свои наделы в аренду. В итоге 44,6 процента безлошадных дворов не могли нанимать на управку душ, по причине сдачи своих земель в аренду, а остальные 65,4 процента безлошадных дворов, безусловное большинство, вынуждены были к этому прибегнуть[41].

В Саранском уезде в 1904 г. из 14076 хозяйств безлошадными были 3010 (21,4 процента) дворов, не обрабатывающих землю — 1435 дворов; включив их в число безлошадных, это будет 47,6 процента, то есть к управке души могли прибегнуть 1575 безлошадных дворов, или 52,4 процента [42].

Таким образом, даже по этим косвенным данным можно говорить, что не менее половины безлошадных хозяйств вынуждены были обращаться к найму лошади с хозяином, то есть к управке души.

Число безлошадных хозяйств в Мордовии постоянно увеличивалось. В рассматриваемый период самый высокий уровень обезлошадения был в 1893 г. В этом году, по данным военно-конской переписи, насчитывалось 49252 безлошадных двора, или каждый третий. Наибольшее число безлошадных наблюдалось в Наровчатском уезде — 36,4 процента и Темниковском — 34,6 процента[43]. В последующие годы число безлошадных дворов несколько сокращается, но тем не менее остается очень высоким. Отсутствие лошади в хозяйстве способствовало отрыву крестьянина от земледелия, превращению его сперва в полупролетариат, а затем и в пролетариат. Ибо хозяин, сдавший свой надел на управку, частично или полностью остается

без работы, и он, чтобы возместить расход на нанятого пахаря, идет на заработки, занимаясь местными или отхожими промыслами.

Следует отметить, что к управке души прибегали не только безлошадные хозяйства, но и хозяйства, не имевшие своего работника — мужчину. По словам земского статистика Лукояновского уезда, такая форма найма «существует везде, где безлошадные хозяйства. Управщиком является не случайный работник, а хозяин-сосед , главным образом середняк или зажиточный крестьянин, имевший достаточное количество тягловой и мужской рабочей силы»[44]. В этих случаях, как правило, работодатель был гораздо беднее нанятого работника.

Больше всего возможности наняться на управку души в Мордовии имели хозяева с 2—3 и с 4 и более лошадьми. В 1893 г. в сельских обществах из числа крестьян-коневладельцев однолошадные составляли 59,6 процента, владельцы 2—3 лошадей — 34,2 процента и 4 и более — 6,2 процента[45].

Однолошадные крестьяне менее всего могли участвовать в таком виде найма. Если даже некоторые из них и нанимались на управку души, то только после выполнения земледельческих работ на своем участке, когда для нанимающего хозяина лучшее время обработки земли могло быть упущенным.

Следовательно, из-за недостаточного количества лошадей и скота вообще бедное крестьянство было хуже обеспечено не только органическим удобрением, но и тягловой рабочей силой. В условиях развития мелкотоварного производства это делало их не конкурентоспособными с более сильными хозяйствами, имеющими возможности вносить гораздо больше удобрения, своевременно обрабатывать поля и вводить некоторые новшества, а значит, и получать больше продукции с каждой десятины земли. В конечном счете, безлошадные еще больше разорялись, нищали; середняцкая часть рассеивалась или в сторону бедноты, или в сторону зажиточного крестьянства, положение которого укреплялось. Поэтому, когда говорим о прогрессивных изменениях в развитии земледелия, прежде всего следует говорить о хозяйствах зажиточной и кулацкой части деревни.

Важнейшим показателем уровня развития земледелия, его материально-технической оснащенности являются усовершенствованные орудия и машины сельскохозяйственного производства. По их численности и распространенности судят и о степени развития капитализма. Определяя их мес-

то в сельскохозяйственном производстве В. И. Ленин подчеркивал, что «...с одной стороны, именно капитализм является фактором, вызывающим и расширяющим употребление машин в сельском хозяйстве; с другой стороны, применение машин к земледелию носит капиталистический характер, т. е. ведет к образованию капиталистических отношений и к дальнейшему развитию их»[46].

В пореформенной Мордовии, как и в центральном земледельческом центре, где капитализм развивался по-прусскому пути, процесс оснащения крестьянского земледелия новыми усовершенствованными орудиями и машинами протекал в очень сложных и даже противоречивых условиях, что отразилось на его темпах. Сказывались многочисленные пережитки крепостничества, экономическая слабость большинства крестьянства и малочисленность его верхушки.

Первыми в пореформенное время усовершенствованные орудия начали применяться в помещичьих хозяйствах. Причем не во всех, а в наиболее состоятельных. Из Темниковского уезда в 1863 г. сообщалось, что для улучшения хозяйства многие помещики приобретали жатвенные и молотильные машины. В их число входили хозяйства Гагарина, Енгалычева, Хохлова, Башурина, Жукова, Слепцова и Бедряги[47].

Крестьянские хозяйства с усовершенствованными орудиями в 60-х гг. XIX в. знакомы были мало. Из того же Темниковского уезда сообщалось: «Земледельческие орудия, употребляемые в настоящее время крестьянами при обработке полей — прежние: та же деревянная соха и такая же борона; для молотьбы хлеба используется цеп и лошади; для вейки — деревянная лопата. В этом отношении помещичьи хозяйства резко выдвигаются вперед: в них вводятся все более и более разные машины, как например: сеялки, молотилки, веялки и тому подобное»[48].

В эти же 60-е гг. XIX в. исследователь Пензенской губернии Сталь писал, что в губернии «все поля вообще вспахиваются деревянными сохами, причем плохими, боронуются деревянными боронами, в последнее время начали появляться бороны с железными зубьями, это много улучшает обработку земли»[49].

Не отрадной в Пензенской губернии представлялась картина и в 70-е гг. XIX в. В 1875 г. корреспондент газеты «Пензенские губернские ведомости» писал: «Взгляните, что за орудия для обработки полей у крестьян? Это допотопная самодельная соха (ковырялка, как ее называют сами крестьяне), кошелка-сялка, деревянный цеп, и почти все

эти орудия в таком виде, в каком были 50 лет назад»[50]

Тем не менее именно с конца 70-х гг. XIX в. в крестьянском хозяйстве усовершенствованные орудия появляются.

В Пензенских ведомостях в 1876 г. сообщалось, что «молотилки (рязанской конструкции, стоимостью от 100 до 250 руб.) начинают переезжать из одного села в другие, и сельские общества начинают убеждаться не только в пользе этой машины, но и в возможности иметь онную»[51]. В другой корреспонденции из Вестника Симбирского земства, также отмечалось: «Крестьяне, видя в работе у местных земледельцев двухкорпусные плуги, сравнивая результаты урожаев, получаемых при плужной и сошной обработке почвы, невольно заинтересовались ими и начали мало-помалу приобретать их.

Прежде, конечно, начали приобретать более зажиточные и самостоятельные крестьяне, имеющие не менее двух лошадей, а потом и бедные однолошадники, приобретая 1 плуг на 2 двора, хотя последние случаи, надо отметить, встречались редко»[52].

Тенденция к улучшению техники земледелия, наметившаяся среди зажиточного крестьянства уже в первые пореформенные десятилетия, постоянно усиливалась и охватывала более широкие слои крестьянства. «Потребность в улучшенных сельскохозяйственных машинах и орудиях — большая и чувствуется не только помещиками, но и крестьянами,— писал корреспондент из Инсарского уезда,— но вследствие недостатка денег, который обусловливается целым рядом неурожайных лет, отсутствием кредита и дороговизны машин в мастерских, приобретение их является весьма затруднительным, и орудия распространяются чрезвычайно медленно»[53].

Следует однако признать, что применительно к Мордовии наиболее «массовое» распространение усовершенствованных машин и орудий начинается с конца XIX в. Серьезную роль в этом процессе сыграли губернские и уездные земства, деятельность которых была направлена преимущественно на укрепление хозяйства кулаков и помещиков. В целях наиболее широкого распространения усовершенствованных машин и орудий уездными и губернскими земствами в 90-е годы XIX в. стали создаваться склады сельскохозяйственных машин и орудий. В 1894 г. такой склад открывается в Спасском уезде, а в 1896 г.— в Ардатовском, Инсарском, Краснослободском и Саранском уездах[54].

Условия и правила деятельности этих складов можно

охарактеризовать на примере Краснослободского склада сельскохозяйственных машин и орудий.

В первом пункте правил этого склада, в частности, отмечалось, что «из склада производится выдача в кредит и продажа сельскохозяйственных орудий и машин и принимаются поручения по выписке по имеющимся образцам улучшенных семян за наличные деньги по предоставлению задатка в размере 5-й части (в некоторых уездах — третьей части.— А. С. Тувин), причем уплата остальных денег должна произведена при получении из склада семян». Вторым пунктом устанавливалось, «...что право получения в кредит или за деньги сельскохозяйственных орудий и машин следует представить землевладельцам и крестьянам, владеющим недвижимою собственностью в Краснослободском уезде, платящим земские сборы и имеющим собственное земледельческое хозяйство»[55]. Этим пунктом практически закрывался доступ к приобретению сельскохозяйственных орудий и машин усовершенствованного типа представителям деревенской бедноты. В последующих разделах правил указывалось, что крестьянам-земледельцам, артелям крестьян, сельским обществам и земледельцам прочих сословий могут быть отпущены в кредит орудия и машины на сумму от 25 до 250 руб., смотря по размеру хозяйства. Как и за семена, за машины и орудия при получении их вносился задаток в сумме пятой части их стоимости. Уплата долга за выданные в кредит орудия и машины должна производиться в течение девятимесячного срока. В случае неуплаты орудия и машины отбирались, а задаток поступал в пользу земства»[56].

Аналогичные правила работы указанных складов существовали и в других уездах.

Организация и деятельность складов сельскохозяйственных машин расширяли возможности распространения усовершенствованных машин и орудий в сельском хозяйстве. Но, по условиям предоставления кредита и продажи, услугами могли воспользоваться только помещики и богатые крестьяне. Для широких крестьянских масс это было недопустимо. К тому же, не столь уж и значительны были оборотные капиталы складов. Так, Краснослободский сельскохозяйственный склад в 1898 г. имел 4500 руб. оборотного капитала, Саранский — 3015 руб. 50 коп., Темниковский — 3000 руб., Ардатовский — 2000 руб. Правда, последнему в 1897 г. для выдачи ссуд земледельцам и крестьянам на покупку сельскохозяйственных машин и орудий русского производства. Государственным банком был вы-

дан кредит еще на 6000 руб.[57]

Из всех имеющихся данных о деятельности сельскохозяйственных складов на территории Мордовии наиболее интересными являются данные о количестве проданных машин и орудий по составу покупателей. В Ардатовском уезде ежегодный оборот по операциям с крестьянами составлял в конце XIX в. 767 руб. 34 коп. и лицами других сословий — 7046 руб. 34 коп., то есть на долю крестьян приходилось около 10 процентов всего оборота. Из 80 покупателей крупных орудий крестьян было 36. Всего же в 1898 г. складом было продано 15 пуд. 3 фунта различных семян, 150 штук крупных и 10291 мелких сельскохозяйственных орудий [58].

Оборот с крестьянами Краснослободского склада в 1898 г. составлял 385 руб. 9 коп., а с другими сословиями — 2915 руб. 11 коп., то есть 88 процентов оборота. Покупателей из крестьян было 13 человек, а других сословий — 17. Продано было семян: клевера — 13 пуд., тимофеевки — 14 пуд.; сельскохозяйственных орудий: плугов разных конструкций — 21, сеялок — 4, борон — 9, лемехов — 3, ваг — 3, вальков — 6, постромков — 6, жатвенных машин — 3, молотилок — 2, одноконных приводов к молотилке — 1, веялок-сортировок — 3, куклеотборников — 1, соломорезок — 1, сепараторов — 1, финских маслобоек — 1, кос — 193 и так далее[59]. Весь этот перечень сельхозинвентаря и машин показывает не только спрос и количество проданных машин и орудий, но и ассортимент товаров, продаваемых в складах. Кроме этого уездные земские склады могли доставлять необходимые машины и орудия по предварительным заказам. Этими услугами пользовались, как правило, помещики и кулаки.

Деятельность небольшого Спасского склада земледельческих орудий была чрезвычайно незначительна. В 1898 г. этим складом было продано преимущественно крестьянам кос — 252 и брусков — 350 на сумму 191 руб. 41 коп., а также выполнено заказов на сумму 504 руб[60].

Еще хуже обстояло дело в Темниковском уезде. В этом же 1898 г. складом сельскохозяйственных орудий было проведено торговых операций всего на сумму 385 руб. 41 коп., из которых на долю крестьян приходилось только 32 руб. 25 коп. Ввиду незначительности ежегодной продажи Управа временно прекращает выписку орудий для свободной продажи, осуществляя завоз только по предварительным заявкам[61].

Наибольший же оборот с крестьянами был достигнут Саранским складом земледельческих машин и орудий. Из

всего торгового оборота склада в 7610 руб. 60 коп. на долю крестьян приходилось 2794 руб. 71 коп., или 36,7 процента[62].

Таким образом, распространение усовершенствованных машин и орудий через уездные земские склады как среди помещиков, так и среди крестьян было далеко не одинаковым. Это же говорит и о неодинаковой их распространенности по уездам Мордовии.

Отсутствие иных источников не позволяет нам раскрыть эту разницу. Имеющиеся же данные начала XX в. по отчету о деятельности сельскохозяйственного склада Пензенского губернского земства в целом показывают, что оснащение сельского хозяйства новыми, более производительными орудиями труда шло еще более интенсивно, о чем свидетельствует нижеследующая таблица.

Таблица 2

Сумма товаров, поступивших за 1901—1903 гг. в сельскохозяйственный склад Пензенского губернского земства[63]

Условия приобретения товара	1901 г.		1902 г.		1903 г.	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Товар, поступивший для свободной продажи	23211	82	28373	88	46802	20
Товар, поступивший по заказам	2987	02	1321	62	23381	52
Всего	26198	84	29695	50	70183	72

Как показывает таблица 2, количество сельскохозяйственных машин, поступивших на склад в 1903 г., увеличилось по сравнению с 1901 г. чуть ли не в 3 раза. Орудия, поступавшие на склад, были как отечественного, так и заграничного производства. Из-за слабой организации производства сельскохозяйственных машин и орудий в России численность заграничных машин была подавляющей. Орудия русского производства из их общей трехлетней суммы составляли только 28 процентов, а на долю заграничных приходилось 72 процента.

Сумма проданных орудий за эти три года также быстро увеличивалась. В 1901 г. она составляла 10909 руб. 33 коп., в 1902 г.— 22789 руб. 88 коп., а в 1903 г.— 63580 руб. 44 коп. Иначе говоря, сумма проданных в 1901 г. товаров увеличилась в 1903 г. в 5,8 раза. Всего за три года

было продано орудий на 97279 руб. 65 коп. Причем 34 процента этой суммы приходилось на орудия обработки почвы, 7 процентов — орудия для посева, 13 процентов — орудия для уборки урожая, 10 процентов — ручные и конные молотилки, 15 процентов — паровые молотилки, 4 процента — на веялки и сортировки и остальные 17 процентов — на мелкий сельхозинвентарь и прочие орудия[64].

Из общей суммы продажи на долю крестьянских покупок приходится 27 процентов и на долю землевладельцев — 71 процент. Значительный перевес вторых объясняется прежде всего большею ценностью машин, покупаемых ими. «Если бы подсчитать количество покупателей в той и другой группе хозяев,— отмечалось в отчете,— то окажется, что клиентура склада среди крестьянского населения несравненно шире, чем среди частных землевладельцев»[65].

Отношение между суммой покупаемых орудий и машин той или другой группы постоянно изменяется. В 1901 г. крестьянские покупки составляли 14 процентов общей суммы отпуска товаров, а землевладельческие — 86 процентов. В следующем году первые имели 40 процентов, вторые — 60, а в 1903 г., соответственно — 25 и 72 процента. Характерно, что среди крестьян основная доля покупок падала на орудия для обработки почвы — до 72 процентов. Наибольшим спросом среди них пользовался также и мелкий сельхозинвентарь. На их долю приходилось 17 процентов затраченных сумм. По 4 процента тратилось на ручные, конные молотилки и веялки с сортировками. Что же касается помещиков, то они предпочтение отдавали паровым молотилкам (21 процент), орудиям уборки урожая (17,7 процента). На приобретение орудий обработки почвы ими было потрачено 19 процентов суммы, а мелкий сельхозинвентарь всего 0,2 процента.

Так или иначе трехлетняя деятельность губернского склада сельхозяйственных орудий способствовала внедрению в земледельческое производство 1178 плугов различных усовершенствованных конструкций, 824 (70 процентов) из которых были приобретены крестьянами[67].

Не подвергая сомнению большую пользу быстрорастущей деятельности губернских и уездных складов в распространении усовершенствованных орудий, следует все же признать, что масштабы охвата земледелия Мордовии усовершенствованными орудиями, особенно крестьянства, были далеко недостаточными. Во многом они уступали другим губерниям Среднего Поволжья, где вследствие незначительности отработков торгово-зерновое земледелие и ка-

Сельскохозяйственные машины и орудия в крестьянских хозяйствах Поволжья в 1910 г.[66]

Губернии, районы	Орудия для подъема почвы*, %			Орудия для рыхления почвы**, %			Количество хозяйств на одну:				
	на 1 хоз-во	неусовершенствов.	усовершенствов.	на 1 хоз-во	неусовершенствов.	усовершенствов.	сеялку	жатв. машину	молотилку	веялку	сенокосилку
Казанская	1,0	78,3	21,7	1,0	99,6	0,4	12141	1633	177	27	55503
Пензенская	1,2	93,5	6,5	1,1	99,8	0,2	1609	938	136	64	704
Самарская	1,1	22,6	77,4	2,5	98,9	1,1	29	9	43	3	23
Саратовская	1,0	56,9	43,1	1,3	96,4	3,6	46	19	21	6	565
Симбирская	1,1	83,4	16,6	1,0	93,6	0,4	2068	257	117	52	47153
Астраханская	0,7	3,8	96,2	1,4	93,0	7,0	66	6	208	3	10
Поволжье	1,0	56,4	43,6	1,3	97,9	2,1	2660	477	117	25,8	17321
Нижегородская	1,0	91,2	8,8	1,0	99,5	0,5	6346	2687	121	37	5645
Оренбургская	0,9	27,5	72,5	2,7	99,8	0,2	61	7	20	7	17
Уфимская	1,0	70,3	29,7	1,3	99,7	0,3	298	63	31	6	742
Тамбовская	1,0	92,5	7,5	0,9	97,2	2,8	369	148	31	20	8523
Европейская Россия (50 губерний)	1,1	67,9	32,1	1,4	96,5	3,5	67	25	32	8	183

* Орудия вспашки: неусовершенствованные — соха, косуля, деревянный плуг; усовершенствованные — плуг железный, паровой.

** Орудия рыхления почвы: неусовершенствованные — деревянная борона с деревянными или железными зубьями; усовершенствованные — борона железная, дисковая, культиватор.

питалистические отношения в целом были развиты сильнее.

В связи с тем, что к концу рассматриваемого нами хронологического периода не имеем общих сравниваемых данных, то вынуждены обратиться к данным переписи сельскохозяйственных машин и орудий, произведенной в 1910 г. (табл. 3).

В итоге видим, что темпы и степень распространения усовершенствованных орудий в губерниях, из которых образовалась Мордовия (Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Нижегородская), были самыми незначительными. Они во многом уступали как Европейской России, так и Поволжью, где показатели были еще выше. С наиболее капиталистически развитыми губерниями — Астраханской, Самарской и Саратовской сравнивать вообще не приходится. Ибо по-прежнему основную массу пахотных орудий в Мордовии в начале XX в. составляли великорусские сохи (185774), косуль было 3047. Причем последние бытовали большей частью в Темниковском (2001) и остальные Спасском уездах[68]. Для сравнения отметим, что в 1910 г. в Мордовии, по данным центрального статистического комитета, железных плугов было 8781, железных борон — 980, прочих усовершенствованных борон — 641, сеялок — 751, жатвенных машин — 666, молотилок — 1245, в том числе — паровых 101, веялок — 3741, сенокосилок — 171 и конных грабель — 282. Всего же усовершенствованных земледельческих орудий и машин насчитывалось почти 17,5 тыс.[69] Большинство из них, конечно, принадлежало помещикам и кулакам. Относительно распределения усовершенствованных орудий показательны данные по Ардатовскому уезду (табл. 4).

Данные таблицы 4 убедительно показывают, что улучшенная земледельческая техника распространялась чрезвычайно неравномерно. Крестьянская беднота, составлявшая 3/4 всех хозяйств уезда, имела лишь 15,1 процента всех усовершенствованных машин и орудий. На 100 бедняцких хозяйств приходилось только 1,17 штуки. В руках крестьян-кулаков, составлявших 8,1 процента хозяйств уезда, находилось 57,7 процента всех улучшенных орудий и машин.

Правда, более половины кулачества не имела в своих хозяйствах усовершенствованных земледельческих машин и орудий. Но тем не менее в их руках находились все зерносушилки, 92,1 процента жнеек, 74,1 процента сеялок, 70,5 процента сортировок, 67,9 процента молотилок, 63,6 процента веялок, 54,5 процента железных плугов и 46,4 процента железных борон[71].

Таблица 4

Распределение усовершенствованного инвентаря между крестьянами Ардатовского уезда в 1911 г.[70]

Посевные группы	Наличных хозяйств			Всего улучшенного инвентаря		В среднем на 100 хозяйств приходилось улучш. инвент.
	всех	из них с улучшенным инвентарем		количество	% к итогу	
		абс.	%			
Беднота без посева	1917	—	—	—	—	—
С посевом до 1 дес.	1790	2	0,1	5,5	0,2	0,3
от 1,01 до 2 дес.	5178	12	0,2	8,5	0,3	0,16
от 2,01 до 3 дес.	9639	104	1,1	112,0	3,9	1,16
от 4,01 до 6 дес.	6969	300	4,3	309,9	10,7	4,47
С посевом до 6 дес.	25493	418	1,6	435,9	15,1	1,71
Среднее крестьянство от 6,01 до 8 дес.	3715	375	10,1	383,3	13,3	10,3
от 8,01 до 10 дес.	1973	367	18,6	401,8	13,9	20,36
С посевом до 10 дес.	5688	742	13,0	785,1	27,2	13,8
Кулаки от 10,01 до 15 дес.	1931	711	36,8	849,4	29,4	44,06
от 15,01 и выше дес.	823	503	61,1	818,9	28,3	101,62
С посевом свыше 10 дес.	2754	1214	44,1	1668,3	57,7	60,85
Всего по уезду	33935	2374	7,0	2889,3	100,0	9,41

Успехи в распределении и использовании усовершенствованных земледельческих орудий среди крестьянства могли бы быть значительно выше, если бы не их высокая цена, малоземелье у крестьянства и так далее.

Еще в 1862 г. в Пензенских губернских ведомостях в статье Андрея Карачарова из с. Духовское Инсарского уезда было подчеркнуто: «Сама же дороговизна пустить плуг в дело невольно должна наводить страх для наших хозяев, бедных оборотными капиталами»[72]. В другой корреспонденции из Пензенской губернии говорилось: «Слабое распространение специальных орудий для ухода за посевами зависит частью от малой распространенности культуры пропашных растений, затем, конечно, введению

этих орудий в хозяйствах препятствует недостаток денежных средств, а, по словам одного из корреспондентов Саранского уезда, крестьяне не могут иметь иных орудий как соха да борона уж по одному тому, что земли у них слишком мало»[73]. Кроме дороговизны сельскохозяйственных орудий, невозможности их приобретения крестьянами в Пензенских ведомостях в 1881 г. отмечалась еще одна причина: «Нужно сознаться, что они (плуги) по большей части не применимы в крестьянском хозяйстве, ибо требуют пары хорошо кормленных лошадей, а многие из крестьян таковых не имеют. Правда, в последнее время появились и одноконные плуги, но их для крестьян нельзя рекомендовать из-за их несовершенства»[74].

Во многом эти причины характерны были и для помещичьего хозяйства. На страницах Пензенских губернских ведомостей отмечалось: «Всякий, не только средней руки земледелец, но даже крестьянин видит, что сеялка лучше и скорее человека развеивает по полю зерно, что молотилка обмолачивает совершенно чисто зерно, что жнея без страды для рабочих сожнет при одном рабочем и паре лошадей столько, сколько не сделают десятки жниц,— всякий не прочь бы воспользоваться услугами благодетельных орудий по посеву и уборке хлеба; но увы — для многих это неосуществимая мечта: самое дешевое из названных орудий стоит более 100 руб... где взять такой капитал земледельцу, когда большинство из тех еле-еле сводят концы с концами, а иные, также не малая часть, даже заложили и перезаложили свои земли»[75].

По поводу замены дорогих для крестьян усовершенствованных машин и орудий более дешевыми министр сельского хозяйства В. В. Черняев в 1883 г. сообщал, что относительно производства дешевых крестьянских плугов можно сказать, что оно находится еще в зачаточном виде. В частности, относительно замены сохи и косули недорогим одноконным плугом министр заметил, что этим, то есть наличием, еще не выражается возможность полной замены сохи. Это последняя дорога для крестьянина потому, что с нею он может весьма легко изворачиваться на узких и длинных полосах земли. Существующие в настоящее время подобные оборотные плуги, хотя и могут удовлетворить вышеуказанные требования, тем не менее они представляются плугами дорогими для крестьянского хозяйства[76].

Каковы же были действительные цены на сельскохозяйственные машины и орудия? Отчасти ответ на этот вопрос дает таблица 5, а отчасти этого вопроса коснемся ниже.

Таблица 5

Стоимость наиболее распространенных сельскохозяйственных машин и орудий в 80-е гг. XIX в.[77]

№	Наименование сельскохозяйственного орудия	Цена, руб.
1	Рукадло вржесинское (однолемешный плуг)	12
2	Обыкновенный плуг № 5 У. Шварцгофа	10
3	Обыкновенный железный плуг с колесиком	18
4	Обыкновенный железный плуг с двухколесным передком	27
5	Двухконный железный плуг	32
6	Двухконный плуг У. Шварцгофа	40
7	Трехкорпусной плуг	75
8	Лущильник-запашник	60
9	Борона Валькура с 20-ю зубьями	12
10	Шотландская борона с 40 зубьями	18
11	Борона зигзаг № 14	34
12	Борона зигзаг № 12	38
13	Шведская борона экспирпатор, тележная	22
14	Деревянная борона с железными зубьями	18

Как видим, даже самый дешевый и простой плуг стоил 10 руб. Такой суммой обладал далеко не каждый крестьянин. Эта сумма могла равняться сумме годовых выплат крестьянина. Поэтому усовершенствованные машины и орудия труда почти не получали распространения из-за дороговизны среди крестьянства Мордовии.

Чрезвычайно высокая цена новых земледельческих машин и орудий, их сложная и не всегда совершенная конструкция, а также отсутствие запасных частей толкали наиболее подготовленных, предприимчивых и смекалистых мастеров, крестьян заниматься поиском и созданием машин и орудий более дешевых, надежных и удобных конструкций. Об этом творческом поиске отечественных изобретателей из простых ремесленников и крестьян имеется немалое количество публикаций периодической печати того времени.

Имелись такие народные умельцы и на территории Мордовии. Так, крестьянин Н. И. Дашкин из с. Кобаева Алатырского уезда производство земледельческих машин и орудий поставил на довольно-таки широкую основу. В 1878 г. он основал мастерскую, имел 8 рабочих. Производили в основном куклеотборники, а также веялки и плуги. Сбывал их в Оренбургскую, Самарскую, Симбирскую, Таврическую и Харьковскую губернии[78]. Имелась также мастерская Ардатовского уездного земства при Мачкасском ремесленном училище. Основанная в 1883 г.,

она имела 5 мастеров и 36 учеников, занималась производством сельскохозяйственных машин, но главным образом их ремонтом. Готовую продукцию сбывали в г. Ардатове и в пределах уезда[79].

В 1874 г. из Саранского уезда А. А. Татишев писал: «По прейскурантам московских и петербургских фабрикантов вы увидите слишком почетную цифру: около 400 или даже 600 руб. за машину (имеется в виду молотильную.— А. Тувин), но у нас простой деревенский механик сделал ее за 150 руб., и она у нас проработала 5 лет без поломки. В Саранском имении таким домашним способом устроена молотилка с веялкою, сортировкою, соломотрясом и тому подобное... Все это с молотильным сараем стоит не дороже 500 руб.»[80]

В 1879 г. крестьянин д. Чамзинки Максим Петров сделал молотильную машину с барабаном американской конструкции, с клавишными соломотрясками,— сообщалось в 1884 г. в тех же Пензенских ведомостях,— машина по сие время действует и обмолачивает с развейкою зерна до 400 снопов в час, а овса несколько поболее.

В 1882 г. на этот образец сделал молотильную машину с карусельным приводом при д. Бажановке г. Пашкова сын мастера Петрова Тимофей, которая, по отзывам, действует успешнее.

Имея в виду 1884 г., далее сообщалось, что теперь здесь работает крестьянин д. Чамзинки Тимофей Родин и крестьянин д. Усмановки Яков Турулов, оба из Симбирской губернии, Ардатовского уезда Керамсурской волости[81].

В том же Ардатовском уезде другой крестьянин-мордвин, увидев паровую молотилку, соорудил сложную молотилку собственной системы. Молотилка была гораздо более простой конструкции и обмолачивала в день до 5 тыс. снопов. Тот же крестьянин устроил веялку, которая чисто провеивает до 100 четвертей в день. О простоте конструкции молотилки и веялки можно судить по их ценам: молотилка стоит без привода от 150 до 200 руб., веялка — от 30 до 40 руб., тогда как молотилка Клейтона Шутлеворта стоит 900 руб.[82]

Приведенные факты показывают, что среди крестьянства Мордовии имелось немало умельцев, которые проявляли к улучшенным машинам и орудиям не праздный интерес, а, наоборот, глубокий и закономерный интерес как вдумчивых и рачительных хозяев, желающих внедрить в свое хозяйство более производительные машины. Не удовлетворяющие конструкции и недоступность цен ма-

шин и орудий земледелия побуждали крестьян к творческой деятельности. К сожалению, результаты их труда оставались, как правило, на уровне самодеятельной кустарщины, не получив вполне заслуживающего широкого промышленного распространения. Убедительным свидетельством тому служит отношение к изобретенной Д. С. Коноваловым из г. Мурома молотилке. Суть изобретенной молотилки состояла в том, что она была сконструирована из дерева, и конструктору она обошлась всего около 10 руб. Крестьянину, владеющему топором, она могла обойтись в 3 или 4 руб., не требовалось больших затрат и на ремонт в случае поломки[83].

Отсюда вполне понятны переживания и беспокойство, возмущения корреспондента Пензенских губернских ведомостей: «Не баснословное ли это изобретение,— писал он,— не окажет ли оно громадную услугу нашим крестьянам, и, может быть, некоторым земледельческим хозяйствам, если ему дать толчок, дать развитие? А между тем можно ручаться, что это изобретение так же останется в забытьи, как и другие не менее полезные по цене, о которых ранее писалось в газетах. Ни наши техники, ни наши земства, ни капиталисты не придут на помощь бессильному изобретателю, хотя бы изобретение удовлетворительно ценно,— и не выведут его на ту дорогу, по которой бойко идут орудия и машины заграничной работы, из которых иные весьма сомнительного достоинства»[84].

Отсутствие должного внимания к изобретениям простых крестьян, мастеров и ремесленников из русских, мордовских и других сел и деревень следует рассматривать как одну из причин слабого распространения усовершенствованных машин и орудий в центрально-черноземном центре России, и в Мордовии в частности. Те же конструкции, которые создавались в частном, кустарном порядке, были, как правило, неизвестны для широких заинтересованных лиц и не шли дальше опытных образцов. Да и эти опытные образцы чаще всего попадали в руки или помещиков, или кулаков. Для широкого круга крестьянства они также не были доступны.

Однако основной причиной малой распространенности. улучшенных земледельческих машин и орудий в Мордовии являлись пережитки старой феодальной системы: господство помещичьего землевладения, сопровождавшееся малоземельем крестьянства, отработками и так далее. Малоземелье было важнейшей причиной слабой, неразвитой материально-производственной базой земледелия,

оно закрывало дорогу техническому прогрессу в деревне, обрекая крестьянство на примитивную систему хозяйствования. Раскрывая тяжелые последствия малоземелья, В. И. Ленин считал, что «... на этом основном фоне неизбежна поразительная отсталость техники, заброшенное состояние земледелия...»[85].

«Когда помещик заводит машину или улучшенное орудие,— писал В. И. Ленин,— он заменяет инвентарь крестьянина (работавшего на него) своим инвентарем; он переходит, следовательно, от отработочной системы хозяйства к капиталистической. Распространение сельскохозяйственных машин означает вытеснение отработков капитализмом»[86].

К этому же процессу приводило и внедрение усовершенствованных орудий в крестьянском хозяйстве, но в помещичьих хозяйствах Мордовии усовершенствованные орудия плохо распространялись. Поэтому в рассматриваемое время основными земледельческими орудиями крестьян Мордовии по-прежнему оставались деревянная соха и деревянная борона.

Литература и источники

1 Фирстов И. И. Удобрение крестьянских земель в пореформенной Мордовии //Исследования по истории Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ.— Саранск, 1972.— Вып. 43.— С. 174—206; его же. Распределение скота между крестьянами Мордовии в период капитализма. Там же.— С 207—230; он же. Орудия труда в земледелии пореформенной Мордовии //Вопросы экономики промышленности и сельского хозяйства Мордовии //Труды МНИИЯЛИЭ.— Саранск, 1965.—Вып. 31.—С. 281—317; Новицкая А. П., Федянович Т. П. Сельскохозяйственные орудия мордовских крестьян в XIX — начале XX вв. //Исследования по материальной культуре мордовского народа.— М., 1963.— С. 77—103; Лузгин А. С. В тесном соседстве.— Саранск, 1987; Данилов Г. Г. Из истории земледелия Мордовии.— Саранск, 1964.

2 Прянишников Д. Н. Избранные сочинения. Общие вопросы земледелия и химизации.— М., 1965.— Т. 3.— С. 637; Суриков В. М. Вопросы истории систем земледелия в творчестве Д. Н. Прянишникова //Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР.— М., 1969.— Сб. VII.— С. 321—323; Крохалев Ф. С. О системах земледелия: Исторический очерк.— М., 1960.

3 Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904.— М., 1980.— С. 173—178; Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма.— М., 1984.— С. 129—133.

4 ЦГА МССР, ф. 60, оп. 1, д. 21, лл. 253—269.

5 Там же. д. 27, л. 328 об.

6 Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год.— СПб. 1884.— С. 98—103, 128—129.

7 См.: Данилов Г. Г. Из истории земледелия Мордовии.— Саранск, 1964.— С. 43.
8 Там же.
9 РФ МНИИЯЛИЭ. И—1067, л. 10.
10 Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Спасский уезд.— Тамбов, 1883.—Т. 5.—С. 26.
11 Данилов Г. Г. Указ. соч.— С. 44.
12 Ауновский В. А. Этнографический очерк мордвы-мокши //Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год.— Симбирск, 1869—С. 87.
13 Новицкая А. П., Федянович Т. П. Сельскохозяйственные орудия мордовских крестьян в XIX — начале XX в. //Исследования по материальной культуре мордовского народа.— М., 1963.— С. 78.
14 Данилов Г. Г. Указ. соч.— С. 44—45.
15 Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма.— Издательство Саратовского университета, 1982.— С. 93.
16 Данилов Г. Г. Указ. соч.— С. 44.
17 Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. X. Распространенность навозного удобрения в России.— СПб., 1901.— С. 12.
18 Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Темниковский уезд.— Тамбов, 1903.— Вып. VI.— С. 79.
19 Фирстов И. И. Удобрение крестьянских земель в пореформенной Мордовии //Исследования по истории Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ.— Саранск, 1972.— Вып. 43.— С. 182.
20 РФ МНИИЯЛИЭ. И—1067, л. 46.
21 Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. X.— С. 18.
22 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 55, д. 36, лл. 3—3 об.
23 Пензенские губернские ведомости.—1880.—№ 227.—Часть неоф.
24 РФ МНИИЯЛИЭ. И—1067, л. 51.
25 Там же.
26 Пензенские губернские ведомости.— 1876.— № 77.— Часть неофиц.
27 Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии.—Т. IV.— С. 71; Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии.— Вып. VI.—С. 30.
28 Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев.— Вып. X.— С. 17.
29 Там же.—С. 11.
30 Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии.— Вып. VI.—С. 31.
31 См.: Фирстов И. И. Удобрение крестьянских земель в пореформенной Мордовии.— С. 192—193.
32 Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии.— Вып. VI.—С. 38.
33 Фирстов И. И. Распределение скота между крестьянами Мордовии в период капитализма.— С. 213.
34 Фирстов И. И. Удобрение крестьянских земель в пореформенной Мордовии.— С. 201.
35 Пензенское губернское Земское собрание очередной сессии 1903 года. Доклады губернской земской Управы по агрономическому отделу.— Пенза, 1903.— С. 2.
36 Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. 38. Симбирская губерния.— СПб., 1903.— С. 253.
37 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 66.
38 Там же.
39 Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904.— С. 136.

40 Статистические сведения по Тамбовской губернии.— Т. 4.— Приложения.— С. 168—171.
41 Там же.— Т. 5.— С. 38—39.
42 ЦГА МССР, ф. 48, оп. 1, д. 2, лл. 2—18; д. 3, лл. 2—24; д. 4, лл. 1—9; д. 5, лл. 2—14; д. 6, лл. 1—9, д. 7, лл. 1—4; д. 8, лл. 2—11; д. 9, лл. 1—17; д. 10, лл. 1—29; д. 11, лл. 2—10; д. 16, лл. 1—5; д. 17, лл. 2—18, д. 18, лл. 1—7; д. 19, лл. 2—14; д. 20, лл. 1—9; д. 21, лл. 2—7.
43 Статистика Российской империи. XXXVII. Военно—конская перепись 1893 и 1894 гг.— СПб., 1896.— С. 5—7.
44 Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть.— СПб., 1884.— Вып. 2.— Отд. 2.— С. 59.
45 Статистика Российской империи. XXXVII. Военно-конская перепись 1893—1894 гг.— С. 52—53, 58—59, 60—61.
46 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 223.
47 ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 1639, ч. 4, л. 123.
48 Там же, д. 2282, ч. 1, л. 99—99 об.
49 Сталь. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба.— Пензенская губерния.— СПб., 1867.— ч. 1.— С. 395.
50 См.: Тимошкин К. М. Хозяйственная деятельность земства на территории Мордовии 1864—1890 гг.// Исследования по истории Мордовской АССР.—Труды МНИИЯЛИЭ.—Саранск, 1975.—Вып. 55.— С. 60.
51 Пензенские губернские ведомости.— 1876.— № 50.— Часть неофиц.
52 Вестник Симбирского земства.— 1896.— № 6.— С. 44.
53 Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев.— Спб., 1892.— Вып. V.— С. 177.
54 Краткие справочные сведения о заводах, мастерских и складах земледельческих машин и орудий. Составлены по сведениям 1903 и 1904 гг.— СПб., 1905.— С. 77—78, 93.
55 ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, д. 722, лл. 13—14.
56 Там же.
57 Там же, лл. 12, 36, 103—104, 311.
58 Там же, л. 103.
59 Там же, л. 12.
60 Там же, л. 309.
61 Там же, л. 311.
62 Там же, л. 36.
63 Отчет о деятельности сельскохозяйственного склада Пензенского губернского земства за 1901, 1902, 1903 гг. и бухгалтерский отчет по складу за 1903 год.— Пенза, 1905.— С. 4.
64 ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, д. 722, лл. 6—7.
65 Там же.— С. 9.
66 См.: Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма.— С. 148.
67 ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, д. 722, лл.10—12.
68 Лузгин А. С. В тесном соседстве.— Саранск, 1987.— С. 39.
69 РФ МНИИЯЛИЭ. И — 1067, л.
70 РФ МНИИЯЛИЭ. И — 1067, л. 32.
71 Там же. л. 33.
72 Пензенские губернские ведомости.— 1862.— № 9.— Часть неофиц.
73 Сельскохозяйственные и статистические сведения, полученные от хозяев. Вып. XI. Применение и распространение в России сельскохозяйственных машин и орудий.— СПб., 1903.— С. 76.
74 Пензенские губернские ведомости.— 1881.— № 140.— Часть неофиц.
75 Там же.— 1884.— № 62.— Часть неофиц.

76 ЦГИА СССР, ф. 395, оп. 1, д. 2, лл. 5—6 об.
77 Там же, л. 12.
78 Краткие справочные сведения о заводах, мастерских и складах земледельческих машин и орудий, составленные по сведениям 1903 и 1904 гг.— СПб., 1905.— С. 92.
79 Там же.
80 Пензенские губернские ведомости.— 1874.— № 16.— Часть неофиц.
81 Пензенские губернские ведомости.— 1884.— № 59.— Часть неофиц.
82 Там же.
83 Там же.— 1884.— № 62.— Часть неофиц.
84 Пензенские губернские ведомости.— 1884.— № 16.— Часть неофиц.
85 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 16.— С. 201.
86 Там же.— Т. 3.— С. 224.

А. С. Тувин

СТРУКТУРА ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ И УРОЖАЙНОСТЬ В КРЕСТЬЯНСКОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ МОРДОВИИ В 1861—1905 ГГ.

На территории Мордовии в пореформенный период серьезные качественные перемены происходили не только в земельных отношениях крестьян, но и, как выше отметили, в самом земледелии. Развитие капиталистических отношений наряду с внедрением новых усовершенствованных машин, орудий, более широким распространением удобрений и переходом с трехполья к многополью ведет к углублению специализации отдельных регионов по производству различных видов сельскохозяйственной продукции, к росту товарности земледелия, а следовательно, и к расширению внутреннего и внешнего рынка. Насколько были присущи данные явления для Мордовии, мы и попытаемся проанализировать и проследить это на примере изучения структуры посевных площадей и урожайности крестьянского земледелия.

Ученые данную проблему изучали и изучают и в настоящее время. В частности, такие исследователи, как Н. М. Дружинин, И. Д. Ковальченко, А. М. Анфимов, Е. С. Карнаухова и др[1]. Однако наибольший вклад в освещение этих вопросов внесли А. С. Нифонтов и Б. Н. Миронов[2]. Благодаря их кропотливой работе, которая завершилась изданием глубоких и серьезных монографических работ, многие пробелы и дискуссионные вопросы получили строгое научное обоснование. Всесторонний сравнительный анализ всех источников, сделанный А. С. Нифонтовым, позволил преодолеть недоверие ученых к официальной статистике (губернаторским отчетам) и вернуть интерес к этому важному корпусу источников.

«Официальная статистика хлебных урожаев в России середины XIX в.,— как пишет автор,— безусловно заслуживает серьезное внимание исследователей... Более того, в силу особенно большого числа показателей по урожайности хлебов отдельные неточности в ней не могут иметь существенного значения»[3].

Не могли пройти мимо указанной проблемы и исследователи Среднего Поволжья. В работах Ю. И. Смыкова, П. С. Кабытова, А. С. Патрушева[4] на широком и разнообразном материале рассматриваются процессы специализации земледелия региона, изменения структуры сельскохозяйственного производства, роста товарности земледелия и соотношение в зерновом производстве доли крестьянских и помещичьих хозяйств.

Что же касается Мордовии, то вопросы специализации, динамики, структуры развития посевных площадей и урожаев изучены не в достаточной мере. Очень схематично, без использования широкого круга опубликованных статистических источников и архивных материалов касается этих вопросов Г. Г. Данилов в своей монографической работе[5], посвященной истории земледелия Мордовии с древнейших времен и до начала 60-х гг. XX в. Естественно, в рамках такого огромного периода они и не могли быть освещены более или менее полно. Более серьезно и объективно этот вопрос рассмотрен в статье экономиста М. В. Агеева «Размещение и специализация сельского хозяйства в дореволюционной Мордовии»[6]. Однако и последняя работа имеет ряд недостатков. Во-первых, в ней полностью отсутствует анализ положения дел в первые два пореформенных десятилетия. Отправной точкой для автора является 1881 г., видимо, данные Центрального статистического комитета, полученные на основе опросных бланков, рассылавшихся в сельские общества, а также арендаторам и владельцам имений[7]. Слабым местом работы является и то, что размещение и специализация земледелия дореволюционной Мордовии анализируется практически только на примере Пензенской губернии и четырех уездов губернии, вошедших позднее в состав Мордовии. В то время, когда существует масса статистических и архивных материалов, позволяющих рассмотреть эти вопросы вкупе, то есть с включением Ардатовского, Темниковского и Спасского уездов, что, естественно, даст более полную и объективную картину. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве также не находит достаточного освещения. Тем не менее, несмотря на эти и ряд других недостатков, дан-

ная работа в целом позволяет правильно определить те изменения и процессы, которые охватили сельское хозяйство Мордовии в пореформенное время. Поэтому статья М. В. Агеева до сих пор не потеряла своего значения при изучении вопросов земледелия Мордовии дореволюционного периода.

В своей работе, не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы, все же попытаемся в какой-то мере устранить отмеченные пробелы и раскрыть особенности развития крестьянского земледелия Мордовии в пореформенный период. При широком использовании первичных архивных материалов основной упор в работе делается на источники официальной правительственной и земской статистики.

Известно, что в пореформенное время современная территория Мордовии входила в центрально-земледельческую зону, которая специализировалась на производстве серых хлебов, то есть ржи, овса и проса. Но прежде чем приступить к разбору структуры посевных площадей, необходимо проследить развитие посевных площадей вообще. К сожалению, ни официальная, ни земская статистика до 70-х гг. XIX в. полного и точного учета посевных площадей зерновых культур в десятинах не вела. Не определялась и урожайность зерновых на единицу площади (десятину). Учет посевных площадей и их урожайности велся по количеству засеянных и снятых четвертей зерна. Все плюсы и минусы этой системы учета в достаточной степени обоснованы А. С. Нифонтовым в первой главе его монографии[8]. Обращаясь к статистике посевов и урожаев по количеству засеянных и снятых четвертей зерна на протяжении сравнительного ряда лет, мы можем проследить основную тенденцию развития земледелия: расширение или ограничение, существенные перемены в севооборотах, соотношение крестьянских и помещичьих запашек и др. (см. табл. 1).

В указанной таблице 1 сгруппированы архивные материалы из фонда Тамбовского губернатора и данные самих губернаторских отчетов. До начала 70-х гг. официальная статистика собирала сведения только по трем направлениям: по количеству четвертей засеянных и снятых озимых, яровых хлебов и картофеля. Чтобы сопоставить данные 60-х гг. с другими, мы данные последующих годов, где яровые, да и озимые хлеба показаны по отдельным культурам, суммировали по образцу 60-х гг. Отметим также, что для 1864 и 1865 гг. характерно было расчленение посевов отдельно для помещичьих и государственных крестьян. Эти

Таблица 1

Динамика развития посевных площадей озимых, яровых хлебов и выращивания картофеля на крестьянских и помещичьих землях Темниковского и Спасского уездов в четвертях за 1864—1902 гг.[9]

Уезды	Год	На крестьянских землях			На помещичьих землях		
		озимых хлебов	яровых хлебов	картофеля	озимых хлебов	яровых хлебов	картофеля
Темниковский	1864	36348	28850	1355	10600	9395	1860
	1865	36348	28850	1355	10600	9395	1860
	1872	34802	36566	2117	15267	14670	612
	1878	70283	44089	16607	6816	4828	1313
	1879	59482	44116	15108	4963	4151	1225
	1888	35299	34687	29014	7515	9173	9587
	1889	29456	31447	23235	11222	20645	8232
	1901	40955	33504	39540	7464	11420	15039
	1902	39839	36791	39301	7907	12746	16713
Спасский	1864	42488	53254	8549	3401	6127	—
	1865	44388	63881	8631	4420	7683	315
	1872	54255	75782	11109	3411	6900	4000
	1878	45305	58118	10491	6376	12629	2335
	1879	46131	61325	9968	6368	13085	2370
	1888	20859	48825	27485	3383	4992	3473
	1889	42953	48314	35268	3539	6572	8858
	1901	43396	45931	24275	5734	8664	8695
	1902	42921	48184	42751	4215	6002	13926

данные также сгруппированы в единые. И последнее, в показатели крестьян за 1901 и 1902 гг. включили отдельно выделенные показатели арендных земель. Кроме перечисленных недостатков таблицы имеются и другие. Однако даже в таком, далеко не совершенном подходе в указанных уездах можно заметить, что в структуре развития зерновых хлебов особо сильных перемен не произошло. На крестьянских полях в Темниковском уезде, не считая 1878 и 1879 гг., когда количество высеянных четвертей озимых хлебов в первом случае было почти в два раза больше, чем в 1864 г., во втором — более 1,6 раза, увеличение за весь пореформенный период составил 3—4 тыс. четвертей. В Спасском уезде в развитии озимых вообще, можно сказать, никаких изменений не произошло. Правда, в 1872 г. они по сравнению с 1864 г. увеличились почти на 12 тыс. четвертей, а в 1888 г. высеяно было по сравнению с 1864 г. в два с лишним раза меньше. Но затем они стабилизировались на прежнем уровне. В развитии яровых хлебов колебаний заметно было больше Если в целом в Темниковском уезде высев яровых хлебов увеличился в среднем на 5—6 тыс. четвертей, то в Спасском уезде они на столько

же сократились. Бесспорным остается лишь тот факт, что и в крестьянском хозяйстве и в хозяйстве помещиков намного больше внимания стало уделяться развитию картофеля. Судя по количеству четвертей высаженного картофеля, посевы под этой культурой у крестьян Темниковского уезда увеличились в 29 раз, а у помещиков — в 9 раз. В Спасском уезде соответственно — в 5 и 44 раза. Причиной такого значительного роста следует считать большее использование картофеля в крестьянском питании и результат развития земледелия в капиталистическом направлении. Картофель в регионе становится важнейшей торговой культурой, идущей на производство спирта, крахмала и т. д.

Внедрение производства картофеля вело к повышению культуры земледелия, к интенсификации хозяйства.

«Увеличение посевов картофеля,— подчеркивал В. И. Ленин, означает, с одной стороны, повышение техники сельского хозяйства (введение в посев корнеплодов) и рост технической обработки с.-х. продуктов (винокурение и картофельно-крахмальное производство). С другой стороны, оно является, с точки зрения класса сельских предпринимателей, производством относительной прибавочной стоимости (удешевление содержания рабочей силы, ухудшение народного питания)»[10].

Чтобы полнее представить развитие крестьянского полеводства, обратимся к материалам статистики хлебной производительности первой половины 70-х гг. XIX в., где зафиксирован средний высев за пятилетний период каждой культуры в отдельности (табл. 2).

На основе этой таблицы уже более полно можно судить о зерновом производстве крестьян Мордовии. Из зерновых культур основное место отводилось серым потребительским хлебам — озимой ржи и овсу. Они составляли 800 тыс. четвертей из 939,3 тыс. общего количества засеянных хлебов, то есть более 85 процентов. Среди других хлебов выделяются посевы гречихи. Этой культуры было засеяно 64,3 тыс. четвертей. Особо необходимо обратить внимание на посевы пшеницы. Пшеница возделывалась преимущественно в Ардатовском уезде — 22 тыс. четвертей из 23,1. Ее производство шло в основном на продажу, а главным производителем из среды крестьян являлись наиболее состоятельные хозяева. Значительная площадь числилась под картофелем. Им было засажено 56,4 тыс. четвертей. В Ардатовском и Спасском уездах картофель крестьяне сажали больше, чем в других уездах.

Начиная с 80-х гг. XIX в. материалы статистики позволяют раскрыть динамику развития земледельческого

Таблица 2

Средний высев хлебов и выращивание картофеля на крестьянских землях Мордовии за пятилетие 1870—1874 гг.[11]

Уезды	Высев, тыс. четвертей									
	пшеница			рожь	овес	ячмень	гречиха	прочих хлебов	всего хлебов	картофеля
	озимая	яровая	всего							
Ардатовский	—	22	22	75	54	2	10	12,0	175,00	13,0
Инсарский	—	—	—	58	64	—	16	4,9	142,90	1,2
Краснослободский	—	0,5	0,5	83	97	0,15	7,3	6,9	194,85	12,0
Наровчатский	—	—	—	56	55	—	8,3	9,0	128,30	7,5
Саранский	—	—	—	43	39	—	15,0	5,7	102,70	8,7
Спасский	—	—	—	52	63	0,3	3,0	3,7	122,00	9,0
Темниковский	0,3	0,31	0,61	35	26	1,9	4,7	5,4	73,61	5,0
Итого	0,3	22,36	23,11	402	398	4,35	64,3	47,6	939,36	56,4

производства более детально. Здесь уже с расширением и углублением сферы товарно-денежных отношений, распространившихся и на землю, официальным критерием расчетов посевных площадей и урожайности становится единица площади, а не количество посеянных или снятых четвертей. Такой подход, с одной стороны, повышает достоверность положения дел, а с другой, дает возможность определить товарную стоимость земли при купле-продаже в зависимости от ее плодородия и качества.

Те изменения, которые затронули структуру посевов крестьян Мордовии с 80-х гг. XIX в. и до начала XX в., рассматриваются в таблице 3. Изменившаяся ситуация в стране, углубление специализации отдельных регионов по производству отдельных сельскохозяйственных продуктов, переход ведущей роли в товарном производстве хлеба к новым районам южных и юго-восточных губерний и капиталистическая эволюция всех производственных отношений значительно изменили структуру посевов у крестьян Мордовии. В производстве хлебов по-прежнему доминирующее положение занимала озимая рожь и овес.

Таблица 3

Динамика развития структуры посевных площадей крестьян Мордовии в 1881—1902 гг.

Сельскохозяйственные культуры	1881		1893		1894		1895		1896		1897	
	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу
Озимая рожь	330020	49,63	300137	47,75	313897	49,44	313857	47,93	310750	48,50	300141	47,13
Яровая рожь	1883	0,28	10	—	4	—	—	—	—	—	—	—
Озимая пшеница	479	0,07	94	0,01	310	0,05	263	0,04	282	0,04	265	0,04
Яровая пшеница	7910	1,19	9874	1,57	9015	1,42	10109	1,54	10622	1,66	11113	1,74
Овес	176068	26,48	133546	21,25	138291	21,80	148652	22,70	135470	21,14	141915	22,28
Ячмень	656	0,10	730	0,12	633	0,10	473	0,07	561	0,09	337	0,05
Полба	1455	0,22	8168	1,30	8319	1,31	8905	1,36	8832	1,38	8643	1,36
Гречиха	53379	8,03	14288	2,28	14522	2,28	15915	2,43	17903	2,79	20290	3,19
Просо	30340	4,56	55200	8,78	46060	7,25	41425	6,33	43172	6,74	43998	5,91
Горох	18109	2,72	16917	2,69	18486	2,91	19349	2,96	19209	2,99	20297	3,19
Чечевица	3719	0,56	25375	4,06	25403	4,00	29278	4,47	24830	3,88	21197	3,33
Картофель	15284	2.31	32693	5,20	29407	4,63	29428	4,49	30817	4,81	31359	4,92
Лен	12294	1,85	9227	1,47	8674	1,37	10967	1,68	9783	1,52	9575	1,50
Конопля	13358	2,01	22074	3,51	21872	3,44	26207	4,00	28453	4,44	27755	4,36
Итого	664954	100,00	628533	100,00	634893	100,00	654828	100,00	640684	100,00	636885	100,00

Продолжение таблицы 3

Динамика развития структуры посевных площадей крестьян Мордовии в 1881—1902 гг.[12]

Сельскохозяйственные культуры	1898		1899		1901		1902	
	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу
Озимая рожь	317223	48,64	320857	48,38	286035	50,50	277296	49,53
Яровая рожь	2	—	7	—	—	—	—	—
Озимая пшеница	161	0,03	151	0,02	—	—	—	—
Яровая пшеница	11772	1,80	11720	1,77	—	—	—	—
Овес	140988	21,62	144354	21,77	123001	21,72	125419	22,40
Ячмень	249	0,04	134	0,02	—	—	—	—
Полба	7078	1,09	6704	1,02	—	—	—	—
Гречиха	20728	3,18	19906	3,00	16605	2,93	13375	2,39
Просо	45353	6,95	49074	7,40	49245	8,69	55631	9,94
Горох	18805	2,88	19313	2,91	20879	3,69	17569	3,14
Чечевица	21365	3,28	18784	2,83	18764	3,31	17590	3,14
Картофель	31622	4,85	33792	5,09	28733	5,08	28733	5,13
Лен	9099	1,39	9121	1,38	—	—	—	—
Конопля	27781	4,25	29318	4,42	23124	4,08	24224	4,33
Итого	652226	100,00	663245	100,00	566386	100,00	559839	100,00

В 1881 г. под рожью и овсом находилось 76,1 процента всех крестьянских посевных площадей, 49,63 процента — под рожью и 26,48 процента — под овсом. В дальнейшем удельный вес этих культур несколько сокращается: в 1893 г. они занимали 69 процентов, а в 1902 г. — 71,9 процента. В целом же в начале XX в. в Пензенской губернии наблюдался некоторый их рост[13]. Такие же масштабы рожь и овес занимали в структуре посевов в 1900 г. и в Казанской губернии. В Симбирской губернии удельный вес ржи по сравнению с Мордовией был выше на 9 процентов, а овса на 2 процента[14]. Преимущественное производство серых хлебов и слабое внедрение как озимой, так и яровой пшеницы (посевные площади которых увеличились за 20 лет на 3,5 тыс. дес.) свидетельствуют о незначительной степени производства товарного хлеба. В начале 80-х гг. XIX в. существенное место в крестьянском полеводстве играла гречиха (более 8 процентов засеваемых площадей), но вследствие частых неурожаев гречиха к началу XX в. все больше и больше вытесняется более засухоустойчивой культурой — просом, удельный вес которого возрос в среднем с 4,56 процента в 1881 г. до 8,69 процента в 1901 г., то есть почти в два раза. Гречиха же в 1901 г. занимала всего 2,93 процента посевных площадей. Постепенно с крестьянских полей другими культурами вытеснялась и полба. Она культивировалась в основном в Ардатовском, Инсарском и Саранском уездах. В дальнейшем эта старинная хлебная культура совсем исчезает с полей. В большей степени структура крестьянских посевов претерпела изменения в отношении производства более выгодных торговых культур: картофеля, конопли и льна. Посевные площади картофеля в 1902 г. по сравнению с 1881 г. почти удвоились и стали занимать вместо 2,3 процента 5,1 процента. Удвоился удельный вес и конопли. Вместо 13358 дес., засеянных в 1881 г., в 1899 г. было засеяно 29318 дес. В отличие от конопли посевы льна в Мордовии к концу XIX в. сократились более чем на 3 тыс. дес. О развитии этих и других торговых культур следует остановиться отдельно. В начале пореформенного времени посевы конопли, льна имели несколько иной статус, нежели в конце XIX в. Лен и конопля являются древнейшими культурами, возделываемыми крестьянами, прежде всего, для удовлетворения своих нужд в условиях натурального хозяйства. Тогда посевные площади этих культур были невелики. Под них отводилась часть усадебных земель. Но в условиях, когда натуральное хозяйство стало разрушаться капиталистическими товарно-денежными отношениями,

наряду с удовлетворением своих хозяйственных нужд они приобретают и огромную рыночную значимость. Из конопли крестьяне получали прядильное волокно, из которого шили различную посконную одежду, а из семян — растительное масло для пищи. Более грубое волокно из матерки шло на выделку мешков, хозяйственных веревок, сбруи, онуч, обор и так далее. Пакля шла на строительство крестьянских изб, а оставшаяся часть — кострика — в безлесных селах и деревнях употреблялась как топливо, а жмых от маслосемян — как корм скоту. То же самое значение имел и лен. Говоря о значении посевов конопли, земский исследователь Лукояновского уезда отмечал: «Конопляники занимают в усадьбе самое большое и лучшее место и считаются наиболее ценным угодьем. В крестьянских общинах с малыми наделами конопляник считается даже самым главным угодьем. Широкое распространение конопляной культуры в усадьбе в значительной степени объясняется незначительностью площади удобренной пашни»[15]. В другом случае исследователями Спасского уезда также отмечалось, что «довольно значительна в уезде приусадебная культура конопли, следует признать за ней и промысловое значение... Денежною выручкою от конопляников многие крестьяне оплачивают повинности, покрывают те или другие расходы»[16].

Посевы конопли стали одной из самых выгодных культур. Не случайно тот же исследователь Лукояновского уезда подчеркивал, что «доходность конопляников значительно превышает доходность лучших пашен; следовательно, вполне оправдывается то исключительное внимание хозяев, которым пользуются конопляники»[17]. Чтобы не быть голословными, укажем, что в этом же уезде общая стоимость всех необработанных продуктов конопли с одной десятины равнялась 58 руб. 51 коп., а при их обработке эта сумма увеличивается до 68 руб. 79 коп.[18]. По подсчетам М. В. Агеева, при средней урожайности конопли в 30 пудов семян, столько же пеньки и поскони 15—20 пуд. денежный доход с десятины в Мордовии в 1893 г. составил 175 руб. В то же время валовой денежный доход от посева десятины ржи составил в среднем 24 руб. 33 коп., овса — 24. 75 коп., проса — 18 руб. 80 коп., гороха — 54 руб., картофеля — 18 руб.[19] Высокой была и доходность льна. Так, в Ардатовском уезде средний чистый доход с десятины картофеля в 1879 г. равнялся 38 руб., льна — 80 руб., а в 1887 г. льна — 37 руб. 98 коп. и пеньки — 26 руб. 50 коп., то есть в общей сложности 64 руб. 48 коп[20]. Однако производство конопли и льна не всегда давало такой высокий доход. Многое здесь

зависело от качества земли и количества вносимого удобрения. Коноплю и лен сеяли, как правило, только на удобренной земле. По этому поводу в оценочном обследовании Лукояновского уезда отмечено: «...конопляники кроме большой сравнительно затраты рабочих сил требуют и хорошего удобрения — условие, которое нередко заставляет плохих хозяев отказываться от выгодной культуры»[21]. Последнее обстоятельство для крестьянского хозяйства имело немаловажное значение. Вместе с относительно слабым уровнем развития местной промышленности оно служило сдерживающим фактором прогресса этих культур. Тем не менее, как уже отмечали, в пореформенное время производство конопли имело тенденцию роста. Об этом свидетельствуют и другие источники.

По данным, собранным к отчету Тамбовского губернатора, сбор льна в Темниковском уезде в 1863 г. определен в 2 тыс. пудов, конопли — в 4,5 тыс. пудов. Лен шел полностью на домашнее потребление, а конопля малой частью продавалась в Нижегородской губернии[22]. К концу XIX в. в этом уезде только под коноплей было занято около 2589 дес. крестьянской надельной земли[23].

В Ардатовском уезде в 1879 г. под лен было отведено 1018 дес., под коноплю — 3991 дес.[24], а в 1887 г. соответственно — 749 и 4305,5 дес.[25].

Но, пожалуй, наибольшее количество конопли засевалось в Инсарском уезде. В 1874 г. корреспондент Пензенских губернских ведомостей сообщал, что в Саранском уезде льном было засеяно 550 дес., коноплей — 2,5 тыс. дес., а в Инсарском уезде посевы первой культуры доходили до 8 тыс. дес., а второй — 1,5 тыс. дес. Тот же корреспондент сообщал, что в Краснослободском уезде от прошлогоднего урожая получено конопляного семени до 5 тыс. четвертей и льняного до 7 тыс., первого — на сумму 20 тыс. руб., а второго — до 56 тыс. руб. В Наровчатском уезде посевы льна и конопли доходили до 2 тыс. дес. Только в Саранском уезде 1886 г. конопляного семени было собрано 19254 четвертей, льняного — 208 четвертей 6 мер[26].

О большом значении производства технических культур, особенно конопли, в крестьянском хозяйстве Мордовии свидетельствует и то, что в начале XX в. в Инсарском уезде она по занимаемой площади была третьей культурой после озимой ржи и проса. Под нее отводилось 6,8 процента крестьянского надела. В Саранском и Ардатовском уездах — четвертой. В первом она занимала 5,8 процента надела, а во втором — 4,4 процента. В целом же по Пензенской губернии под нее отводилось 4,9 процента крестьян-

Таблица 4

Соотношение посевов конопли в крестьянских и помещичьих хозяйствах четырех уездов Мордовии за период 1900—1905 гг.[28]

Уезды	Владельцы земли	1900		1901		1902		1903		1904		1905	
		дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%
Инсарский	крестьяне	7903	94,1	8196	92,7	8211	93,5	7828	93,9	7250	93,5	6742	93,9
	помещики	496	5,9	650	7,3	575	6,5	507	6,1	507	6,5	438	6,1
	все	8399	100,0	8846	100,0	8786	100,0	8335	100,0	7757	100,0	7180	100,0
Краснослободский	крестьяне	3534	99,2	3461	98,8	3447	98,6	3542	98,4	3603	97,8	3444	97,2
	помещики	29	0,8	44	1,2	50	1,4	58	1,6	80	2,2	101	2,8
	все	3563	100,0	3505	100,0	3497	100,0	3600	100,0	3683	100,0	3545	100,0
Наровчатский	крестьяне	3266	96,3	3352	99,5	3393	98,0	3286	97,5	3008	97,8	2684	98,3
	помещики	126	3,7	19	0,5	70	2,0	86	2,5	69	2,2	46	1,7
	все	3392	100,0	3371	100,0	3463	100,0	3375	100,0	3077	100,0	2730	100,0
Саранский	крестьяне	4328	83,9	4280	79,4	4393	74,8	4300	79,9	4622	79,7	4125	74,3
	помещики	830	16,1	1115	20,6	1480	25,2	1321	20,1	1250	20,3	1428	25,7
	все	5158	100,0	5395	100,0	5873	100,0	5621	100,0	5872	100,0	5553	100,0

ского надела, в Тамбовской — 1,9 процента и в Симбирской — всего 1,6 процента[27].

Говоря о производстве конопли, следует указать, что таким повышенным вниманием она пользовалась только у крестьян. Данные таблицы 4 полностью доказывают это.

Судя по таблице 4, во всех четырех уездах основными производителями конопли являлись крестьяне. Лишь в Саранском уезде где-то четверть посевных площадей падала на хозяйства помещиков. В остальных уездах более 90 процентов посевов принадлежали крестьянам.

Данные таблицы еще раз показывают, что наибольшее количество посевных площадей под коноплю отводилось в Инсарском уезде.

Наряду с коноплей и льном большую прибыль давала такая чисто рыночная культура, как табак. В пореформенной Мордовии, да и в целом в Черноземном центре, посевы табака были незначительны. Эта очень трудоемкая культура требовала также большого количества удобрения. Ее производством занимались как крестьяне, так и некоторые городские жители — мещане.

Некоторое представление о развитии этой культуры дают сравнительные данные за 1865 и 1875 гг. (см. табл. 5).

Таблица 5

Производство табака в Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерниях за 1865 и 1878 гг.[29]

Губернии	1865		1878	
	занято земли, дес.	собрано урожая, пуд.	занято земли, дес.	собрано урожая, пуд.
Пензенская	51	5722	98	17949
Симбирская	26	6090	63	5526
Тамбовская	152	14523	666	76292

Как видим из таблицы 5, наиболее успешнее производство табака развивалось в Тамбовской губернии. За указанный период плантации этой культуры увеличились более, чем в 4 раза, занимая площадь в 666 дес., что было в 6,5 раза больше посевов Пензенской и более 10 раз — Симбирской губерний.

Интересные данные о табаководстве в г. Саранске и уезде дает Памятная книжка Пензенской губернии на 1870 г. В ней подчеркивается, что «выскокие сорта табака

в Пензенской губернии вследствие климатических условий не приняли широкого распространения. Низкие же сорта в основном возделывались в г. Саранске и его уезде. Саранские жители, преимущественно мещане и крестьяне, возделыванием табака занимаются издавна... В настоящее время собственно в г. Саранске возделывают табак около 200 семейств, засевая им 2/3 своих усадебных огородов»[30].

Возделыванием табака занимались преимущественно женщины. Приготовление из сырья готовой продукции вместе с ее реализацией на рынках считалось занятием мужчин. Большинство производителей не доводили свою продукцию до необходимой потребительской кондиции, то есть не занимались ее измельчением, а продавали как сырье. Дальнейшей обработкой табака в городе занимались человек 50. Приобретая торговые билеты, каждый из них на рынках, ярмарках и базарах реализовывал до 100 пуд. курительного и нюхательного табака. В среднем за каждый пуд получали 2 руб. 41 коп.[31]

В 1870 г. только в г. Саранске засаживалось табака около 50 дес. огородной земли. В среднем с каждой десятины получалось около 100 пуд. продукции. При ее реализации это давало до 22 тыс. руб. валового дохода, то есть на каждую семью приблизительно по 110 руб. Если вычесть половину суммы на издержки производства, то чистый доход определяется в 55 руб. Как видим, занятие табаководством для жителей г. Саранска приносило весьма заметные доходы. Этот фактор в расширении производства табака оказывал благотворное воздействие. В сборнике указывается, что «в течение 25 лет в г. Саранске число производителей табака возросло с 5—6 человек до 200. Кроме того, табачный промысел безостановочно расширяется и по окрестным селам и деревням. Так например, в селениях Атемар, Голицино, Александровке, Николаевке и других производятся значительные табачные засевы»[32].

В Пензенских губернских ведомостях сообщалось, что в г. Саранске под табаком в 1879 г. занято было уже 100 дес. огородных земель. Его сбор простирался с этой площади до 18140 пуд. При рыночной цене за 1 пуд. 1 руб. 20 коп. валовой доход десятины составлял 215 руб.[33].

Незначительное место, в основном также в огородах, посевы табака имели и в других уездах. Так, в обзоре Тамбовской губернии за 1893 г. отмечено, что табак насаждается в г. Спасске и 13 селениях уезда. Было 156 плантаций, занимавших площадь 3 дес. 1683 саж. Собрано 172 пуда и 20 фунтов[34].

В 1898 г. им занимались в г. Спасске и в 11 селениях

уезда. Имелось 95 плантаций. В Темниковском уезде табак производился в самом г. Темникове, в г. Кадоме и в 11 селениях уезда. Насчитывалось 182 плантации[35].

Из других наиболее ходовых торговых культур, игравших важную роль для хозяйства, крестьяне Мордовии выращивали свеклу и подсолнечник. Как свидетельствуют источники, в пореформенное время они еще не нашли должного внимания. Но все более ускорявшееся развитие пищевой и обрабатывающей промышленности требовали и дальнейшего увеличения посевов этих культур. Несомненно, они имели большое будущее. Но в рассматриваемый период, как свидетельствуют данные М. В. Агеева 1900 г., производство подсолнечника и других культур, без включения, разумеется, сюда конопли и льна, в Инсарском уезде занимали всего 0,5 процента посевных площадей, а в Саранском — всего 0,4 процента[36].

На первый взгляд, может показаться, что все это лишь незначительные штрихи в крестьянском производстве, но на самом деле без изучения этих штрихов нельзя в полной мере представить истинное положение деревни, ее ход и эволюцию. Тем более таких штрихов в крестьянском хозяйстве наберется не так уж и мало. Ну а в целом мы можем констатировать, что расширение производства в Мордовии картофеля, конопли, льна, махорки, подсолнечника и других рыночных культур внесло существенные изменения в структуру посевных площадей крестьян и оказало огромную роль в развитии капитализма в сельском хозяйстве.

Рассмотрев структуры крестьянских посевов, необходимо остановиться и на их размещении. Таблица 6 свидетельствует, что посевные площади ржи, за исключением Саранского и Темниковского уездов, были распределены более или менее равномерно. На долю первого уезда падало около 11 процентов, а второго — немногим более 9 процентов. На долю Спасского и Наровчатского уездов — 12—13 процентов площадей, Ардатовского и Инсарского — 15—17 процентов и лишь на Краснослободский уезд приходилось более других — от 18 до 20 процентов. За период с 1881 по 1899 гг. в размещении ржи практически изменений не произошло. В выращивании пшеницы как озимой, так и яровой основную роль играл Ардатовский уезд. Здесь в 1881 г. было сосредоточено 94 процента, а в 1899 г.— 85,4 процента. Заметно увеличились посевы пшеницы в Саранском уезде — от 1,5 процента всех посевов Мордовии до 6,2 процента в 1899 г. Значительные коррективы в размещении этой ценной культуры вносили 1891 и 1892 неурожайные годы. Так, удельный вес посевов в Ардатовском уезде после этих

Таблица 6

Размещение посевных площадей крестьян Мордовии в 1881—1899 гг.

Уезды	Год	Рожь		Пшеница		Овес		Ячмень		Полба		Гречиха	
		дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу
Ардатовский	1881	55848	16,82	7735	94,03	31416	17,24	494	82,61	1036	71,20	8046	15,08
	1899	49643	15,47	10138	85,40	23973	16,61	52	38,81	2948	43,97	1877	9,43
Инсарский	1881	58254	17,55	2	0,03	31235	17,14	—	—	237	16,29	13288	24,89
	1899	55861	17,41	523	4,41	29241	20,26	—	—	1856	27,69	4321	21,70
Краснослободский	1881	63617	19,18	321	3,90	41216	22,61	47	7,86	59	4,06	4869	9,12
	1899	64873	20,22	377	3,18	34293	23,76	—	—	148	2,21	3883	19,50
Наровчатский	1881	44075	13,28	5	0,06	23151	12,70	19	3,18	—	—	5562	10,42
	1899	43155	13,45	93	0,78	18063	12,51	81	60,45	—	—	1548	7,77
Спасский	1881	41229	12,42	4	0,05	21904	12,02	—	—	—	—	6311	11,82
	1899	41355	12,89	—	—	15714	10,88	—	—	—	—	1202	6,03
Саранский	1881	38345	11,65	125	1,52	18007	9,88	—	—	123	8,45	10740	20,12
	1899	35171	10,96	740	6,23	14155	9,81	—	—	1752	26,13	3713	18,64
Темниковский	1881	30535	9,20	34	0,41	15325	8,41	38	6,35	—	—	4563	8,55
	1899	30793	9,60	—	—	8915	6,17	1	0,74	—	—	3372	16,93
Итого по Мордовии	1881	331903	100,00	82 26	100,00	182254	100,00	598	100,00	1455	100,00	53379	100,00
	1899	320857	100,00	11871	100,00	144354	100,00	134	100,00	6704	100,00	19916	100,00

Размещение посевных площадей крестьян Мордовии в 1881—1899 гг.[37]

Уезды	Год	Просо		Горох		Чечевица		Картофель		Лен		Конопля		Всего дес.
		дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	дес.	% к итогу	
Ардатовский	1881	1419	4,68	1940	10,71	250	6,72	1778	11,63	1069	8,69	1931	14,46	112962
	1899	1878	3,83	1711	8,86	1486	7,91	4161	12,31	753	8,26	4491	15,32	103111
Инсарский	1881	5237	17,26	4612	25,47	476	12,80	1983	12,97	1685	13,71	3698	27,68	120707
	1899	7227	14,73	4530	23,46	2635	14,03	4699	13,91	741	8,12	8058	27,48	119692
Краснослободский	1881	6389	21,06	3242	17,90	461	12,40	3464	22,67	2259	18,37	2058	15,41	128002
	1899	10455	21,30	2588	13,40	3519	18,73	7804	23,10	1594	17,48	3600	12,28	133134
Наровчатский	1881	5552	18,30	2485	13,72	372	10,00	1126	7,37	3077	25,03	963	7,21	86387
	1899	9520	19,40	2369	12,27	3715	19,78	3352	9,92	2448	26,84	3221	10,99	87565
Спасский	1881	5316	17,52	969	5,35	1403	37,73	2021	13,22	2872	23,36	811	6,07	82840
	1899	7636	15,56	3133	16,22	3812	20,29	5114	15,13	1675	18,36	3592	12,25	83233
Саранский	1881	3187	10,50	3339	18,44	463	12,45	1545	10,11	190	1,55	2729	20,42	78793
	1899	6286	12,81	2984	15,45	2689	14,32	2184	6,46	118	1,29	4269	14,56	74061
Темниковский	1881	3240	10,68	1522	8,41	294	7,90	3367	22,03	1142	9,29	1168	8,75	61228
	1899	6072	12,37	1998	10,34	928	4,94	6478	19,27	1792	19,65	2087	7,12	62436
Итого по Мордовии	1881	30340	100,00	18109	100,00	3719	100,00	15284	100,00	12294	100,00	13358	100,00	670919
	1899	49074	100,00	19313	100,00	18784	100,00	33792	100,00	9121	100,00	29318	100,00	633240

Таблица 7

Структура крестьянских посевных площадей Мордовии по уездам в 1881—1899 гг. %

Уезды	Год	Рожь		Пшеница		Овес		Ячмень		Полба			
		дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%		
Ардатовский	1881	55848	49,44	7735	6,85	31416	27,81	494	0,44	1036	0,92	8046	7,12
	1899	49643	48,14	10138	9,83	23973	23,25	52	0,05	2948	2,86	1877	1,82
Инсарский	1881	58254	48,26	2	—	31235	25,88	—	—	237	0,20	13288	11,01
	1899	55861	46,67	523	0,44	29241	24,43	—	—	1856	1,55	4321	3,61
Краснослободский	1881	63617	49,70	321	0,25	41216	32,20	47	0,04	59	0,05	4869	3,80
	1899	64873	48,73	377	0,28	34293	25,76	—	—	148	0,11	3883	2,92
Наровчатский	1881	44075	51,02	5	—	23151	26,80	19	0,02	—	—	5562	6,44
	1899	43155	49,28	93	0,11	18063	20,63	81	0,09	—	—	1548	1,77
Саранский	1881	38345	48,67	125	0,16	18007	22,85	—	—	123	0,16	10740	13,63
	1899	35171	47,49	740	1,00	14155	19,11	—	—	1752	2,37	3713	5,01
Спасский	1881	41229	49,77	4	—	21904	26,44	—	—	—	—	6311	7,62
	1899	41355	49,69		—	15714	18,88	—	—	—	—	1202	1,45
Темниковский	1881	30535	49,82	34	0,06	15325	25,03	38	0,06	—	—	4563	7,45
	1899	30793	49,32		—	8915	14,28	1	—	—	—	3372	5,40
Итого по Мордовии	1881	331903	49,47	8226	1,23	182254	27,17	598	0,09	1455	0,22	53379	7,96
	1899	320857	48,38	11871	1,79	144354	21,76	134	0,02	6704	1,01	19916	3,00

Структура крестьянских посевных площадей Мордовии по уездам в 1881—1899 гг., %

Уезды	Год	Просо		Горох		Чечевица		Картофель		Лен		Конопля		Всего посевов	
		дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%
Ардатовский	1881	1419	1,26	1940	1,72	250	0,22	1778	1,57	1069	0,94	1931	1,71	112962	100,00
	1899	1878	1,82	1711	1,66	1486	1,44	4161	4,04	753	0,73	4491	4,34	103117	100,00
Инсарский	1881	5237	4,34	4612	3,82	476	0,39	1983	1,64	1685	1,40	3698	3,06	120707	100,00
	1899	7227	6,04	4530	3,78	2635	2,20	4699	3,93	741	0,62	8058	6,73	119692	100,00
Краснослободский	1881	6389	4,99	3242	2,53	461	0,36	3464	2,71	2259	1,76	2058	1,61	128002	100,00
	1899	10455	7,85	2588	1,94	3519	2,64	7804	5,86	1594	1,20	3600	2,71	133134	100,00
Наровчатский	1881	5552	6,44	2485	2,88	372	0,43	1126	1,30	3077	3,56	963	1,12	86387	100,00
	1899	9520	10,87	2369	2,71	3715	4,24	3352	3,83	2448	2,79	3221	3,68	87565	100,00
Саранский	1881	3187	4,04	3339	4,24	463	0,59	1545	1,96	190	0,24	2729	3,46	78793	100,00
	1899	6286	8,49	2984	4,03	2689	3,63	2184	2,95	118	0,16	4269	5,76	74061	100,00
Спасский	1881	5316	6,42	969	1,17	1403	1,69	2021	2,44	2872	3,47	811	0,98	82840	100,00
	1899	7636	9,17	3133	3,76	3812	4,58	5114	6,14	1675	2,01	3592	4,32	83233	100,00
Темниковский	1881	3240	5,29	1522	2,49	294	0,48	3367	5,50	1142	1,86	1168	1,91	61228	100,00
	1899	6072	9,73	1998	3,20	928	1,49	6478	10,37	1792	2,87	2087	3,34	62436	100,00
Итого по Мордовии	1881	30340	4,52	18109	2,67	3719	0,56	15284	2,28	12294	1,84	13358	1,99	670919	100,00
	1899	49074	7,40	19313	2,91	18784	2,83	33792	5,10	9121	1,38	29318	4,42	663238	100,00

неурожаев упал до 63,8 процента, а удельный вес Инсарского уезда поднялся до 11,6 процента, Саранского — 15 процентов. Но в последующем посевы пшеницы в этих уездах вновь сокращаются. Практически полностью отсутствовали посевы пшеницы в Спасском и Темниковском уездах.

Размещение овса в Мордовии по уездам осуществлялось примерно в тех же параметрах, что и ржи. Исключение составляет лишь то, что в Инсарском и Краснослободском уездах происходило некоторое увеличение их удельного веса, а в остальных уездах его сокращение. Сокращаются в целом и сами посевные площади овса.

Полба, как и пшеница, выращивалась в основном в Ардатовском, Инсарском и Саранском уездах. В Наровчатском, Спасском и Темниковском уездах она полностью была вытеснена другими культурами. В этих уездах большей частью размещались посевы картофеля и льна. Хотя в ряде случаев, как это с посевами проса в Наровчатском и Спасском уездах, гречихи — в Темниковском и других, они также играли не последнюю роль. В Инсарском уезде находилось более четверти посевов гороха и конопли Мордовии, около четверти посевов — гречихи. Краснослободский уезд обращает на себя внимание посевами проса. Вместе с Наровчатским уездом в 1899 г. они имели 40,7 процента посевных площадей проса.

Таким образом, даже в рамках такого небольшого района, как Мордовия, можно заметить определенную тенденцию в специализации отдельных видов сельскохозяйственных продуктов. Естественно, основной упор во всех уездах прежде всего делался на производство ржи и овса, а затем уже на другие культуры. Данные таблицы 7 дают явное подтверждение тому. Доминирующее положение во всех семи уездах занимали рожь и овес. Они занимали 70—75 процентов всех посевных площадей крестьян, а иногда даже и более 80 процентов (Краснослободский уезд). Третьей культурой, за исключением Ардатовского уезда, во всех остальных уездах становится просо. Если в наиболее развитых по производству торгового хлеба соседних районах с увеличением доли пшеницы и ячменя произошло сокращение посевов проса (в Самарской губернии на 44 тыс. дес., Саратовской — 21 тыс. дес.)[39], то в Мордовии они увеличились в 1893 г., по сравнению с 1881 г., на 25 тыс. дес., или на 4 процента, а в Черноземном центре к началу XX в.— на 7 процентов[40].

Анализируя структуру крестьянских посевов, нельзя обойти стороной такой вопрос, как вопрос об удельном весе или соотношении крестьянских и помещичьих посевов.

Решение этого вопроса дает ответ на другой вопрос: какую роль играла каждая группа этих владельцев в земледельческом производстве как в целом, так и в производстве продуктов сельского хозяйства в отдельности. Академик И. Д. Ковальченко, изучивший вопросы соотношения крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России, пришел к выводу, что в эпоху капитализма общая тенденция развития была такова, что роль помещичьего хозяйства падала, а крестьянского — повышалась[41].

Судя по таблице 8, то же самое можно сказать и относительно Мордовии. В структуре всех посевных площадей удельный вес крестьянских посевов очень высокий: более 70 процентов в 1881 г. В дальнейшем наблюдается, пусть не столь высокий, но все же рост их удельного веса. К началу XX в. этот рост составил 4 процента. Однако рассматривая посевные площади по каждой культуре в отдельности, нельзя не заметить такого факта, как уменьшение удельного веса крестьян в посеве таких важных торговых культур, как яровая рожь, яровая пшеница и ячмень. В 1881 г. посевы яровой ржи составили на кресьянских полях более половины, а к 1899 г. сократились до 7 процентов. За этот же период на 30 процентов сократилась доля крестьян в посевах яровой пшеницы. Сильные колебания наблюдались в посевах озимой пшеницы, однако в итоге все же произошел рост удельного веса посевов крестьян. Но мы знаем, что посевы этой культуры были чрезвычайно малы. Более чем на 40 процентов уменьшилась доля крестьян в посевах ячменя.

Удельный вес крестьянских хозяйств увеличился в посевах озимой ржи, овса, гречихи, гороха и картофеля.

Таким образом, соотношение посевов в крестьянских и помешичьих хозяйствах показывает, что помещичье хозяйство имело большую ориентацию на рынок, крестьянское же — стремилось прежде всего обеспечить себя продовольствием, а затем уже ориентироваться на рынок. Хотя очень часто положение дел было таково, что крестьянин был вынужден продавать свой необходимый продовольственный продукт, чтобы расплатиться с долгами и повинностями. Продажа на рынке менее качественной и ходовой продукции еще больше ухудшала его положение.

Конечной инстанцией, где определяются усилия любого земледельца, является урожайность его полей. В. И. Ленин не случайно отмечал, что все различия в экономической организации, в применении улучшенных орудий и машин,

Таблица 8

Удельный вес крестьянских посевов Мордовии в 1881—1902 гг. к общему их числу, принятому за 100 процентов[42]

Название растений	1881	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1901	1902
Озимая рожь	69,17	76,42	75,33	74,07	73,58	73,97	75,86	73,78	7711	75,79
Яровая рожь	51,32	20,00	7,01	83,49	—	—	6,45	7,00	—	—
Озимая пшеница	40,21	28,22	53,17	79,81	73,24	62,79	51,44	44,41	—	—
Яровая пшеница	95,39	71,56	73,16	70,06	76,01	77,60	71,60	65,22	—	—
Овес	65,83	68,70	67,41	70,07	77,00	65,78	65,81	65,44	67,22	67,73
Ячмень	86,20	85,48	76,44	64,53	76,77	79,85	83,56	44,96	—	—
Полба	94,35	85,48	84,39	79,40	86,30	85,69	86,71	82,00	—	—
Гречиха	74,43	78,27	77,13	70,02	71,06	73,52	71,82	71,87	77,32	77,90
Просо	88,23	87,40	88,36	88,56	88,55	87,49	89,37	90,44	86,70	88,77
Горох	78,74	68,59	70,98	68,58	70,65	74,66	76,26	73,52	80,66	89,15
Чечевица	97,12	88,60	85,73	83,12	86,34	81,05	88,90	86,01	81,05	82,20
Картофель	76,74	79,09	78,14	85,40	78,10	78,55	79,44	83,00	78,82	78,47
Лен	96,49	86,29	84,44	88,93	90,14	88,36	89,13	93,78	—	—
Конопля	92,02	93,49	91,06	93,95	93,17	92,65	92,82	93,47	91,81	90,85
Итого	71,84	76,44	75,22	76,28	76,75	74,08	75,33	74,11	76,24	75,99

в системах земледелия, в применении удобрений, в приемах обработки почвы и так далее «...суммируются в урожайности»[43].

На урожайность земледелия оказывало воздействие чрезвычайное множество различных факторов. По словам оценочных обследователей Нижегородской губернии, урожайность зависит как «от естественно-исторических (климатические, почвенные и топографические условия земельных участков), так и хозяйственно-экономических (качество обработки, степень удобрения) признаков, а также от хозяйственной способности самого владельца, которыми определяется большая или меньшая своевременность посева или уборки и так далее[44].

Примером зависимости урожая от качества земли могут служить данные оценочного обследования Темниковского уезда, таблица 9.

Таблица 9

Зависимость урожайности полевых культур от качества почв в крестьянских хозяйствах Темниковского уезда за 1896—1899 гг.[45]

Почвенные разряды	Рожь	Овес	Просо	Картофель
	в мерах с десятины			в четвертях с десятины
Суглин. чернозем	44,8	58,2	60,4	43,5
Серые суглинки	42,0	53,1	56,0	39,3
Подзол. супеси	37,6	42,1	49,6	36,5
Песчаная	29,5	—	40,3	32,4
Средняя по уезду	35,9	49,9	46,9	35,5

Урожайность зависела и от формы землевладения и разряда крестьян. При общинной форме землевладения урожаи получались значительно ниже, чем при подворной. Здесь сильно сказывались негативные стороны общинной формы землевладения. Высказываясь о состоянии сельского хозяйства, предводитель тамбовского дворянства замечал: «Что же касается до своевременной обработки земли, то куда же девать скот, ежéли крестьянин начнет метание пара под озимые в первых числах мая, а жнивье вспахивать осенью, да и сход ему этого не дозволит, или вспаханную им землю затопчет скот, а его скот не примут в общее стадо»[46]. В итоге этих и других обстоятельств бывшие государственные крестьяне Темниковского уезда

в 1882 г. при общинной форме землевладения получали с озимой десятины 35,7 пуд., с яровой — 68,4, а при подворной — соответственно: 40,8 пуд. и 78,7 пуд., то есть разница доходила до 10 пудов[47].

Известно, что земли бывших помещичьих крестьян были хуже земель бывших государственных, притом земли первых страдали значительными неудобствами, приводившими к неправильному ведению хозяйства, что также понижало урожайность. Так, по данным Тамбовской губернской земской управы, средний урожай ржи с 1 дес. надельной земли у бывших государственных крестьян Спасского уезда равнялся 5,05 четверти, Темниковского 4 четверти, а у бывших помещичьих крестьян — соответственно 4,6 и 3,94 четверти [48].

Указанные препятствия на пути развития крестьянского земледелия являлись не чем иным, как пережитками старой крепостнической системы производства. А. М. Анфимов по этому поводу отметил: «...приходится признать, что исключительно тяжелые условия, при которых крестьянами велось земледельческое хозяйство, далеко не способствовало его прогрессу. Результатом этих условий была чрезвычайно низкая урожайность хлебов в России в целом, и у крестьян в частности»[49].

Расчеты мордовского историка И. И. Фирстова (табл. 10) показывают, что Мордовия не была исключением из общих правил.

Таблица 10

Средняя урожайность надельных земель Мордовии с 1883 по 1908 гг. (в пудах с дес.)[50].

Сельскохозяйственные культуры	1883—1887	1888—1892	1896—1900	1901—1908	За 26 лет произошло увел. (+), умен. (—)
1. Зерновые хлеба (в том числе:)	35,8	20,6	38,1	34,0	—1,8
Рожь	46,8	24,0	52,3	42,8	—4,0
Овес	34,9	14,1	33,7	32,6	—2,3
Яр. пшеница	41,7	22,9	37,7	37,6	—4,1
Просо	41,9	27,7	42,6	36,5	—5,4
Гречиха	18,0	5,8	24,7	20,1	+2,1
Горох	28,8	24,5	35,2	27,6	—1,1
Ячмень	27,3	23,1	35,4	43,6	+16,3
Полба	56,8	23,0	43,1	31,4	—25,4
2. Картофель	353,5	223,3	399,6	372,1	+18,6

Как видим из таблицы 10, урожайность крестьянских надельных земель Мордовии была очень низкой. Она была подвержена сильным колебаниям. По сравнению с 80-ми гг., в конце 90-х гг. XIX в. наблюдалось повышение урожайности ржи, проса, гречихи, гороха, ячменя и картофеля. Хотя именно на 90-е гг., приходятся самые сильные недороды. В начале XX в. происходит вновь падение урожаев. Поэтому если говорить в целом о урожайности за взятый период, то применительно только о росте гречихи на 2,1 пуд., ячменя на 16,3 пуд. и картофля на 18,6 пуд., а в остальных случаях урожайность снизилась. Средняя урожайность за этот период зерновых культур в целом составила 32,1 пуд. В том числе: ржи — 41,4, овса — 28,8, яровой пшеницы — 35, проса — 37,1, гречихи — 17,1, гороха — 29, ячменя — 32,3, полбы — 38,5 и картофеля 337,1 пуд. За период 1883—1900 гг. урожай зерновых культур с надельной земли в Тамбовской губернии составил 47,4 пуд., в Пензенской — 41,8, Симбирской — 41,4 пуд., а в Мордовии 40,1 пуд., то есть меньше, чем в вышеперечисленных губерниях. Однако урожайность зерновых в Мордовии была одинакова с 46 губерниями Европейской России (40,2 пуда)[51].

Повышение урожайности в пореформенное время происходило не во всех крестьянских хозяйствах. Оно касается главным образом тех крестьянских хозяйств, где применяли усовершенствованные орудия и машины, вносили больше удобрения, лучше и своевременнее обрабатывали почву, засевали ее качественными семенами. Большинство же хозяйств не имея таких возможностей получали невысокие урожаи. Следовательно, урожайность находилась в прямой зависимости от состоятельности крестьянского двора.

Еще ниже была производительность крестьянских надельных земель по сравнению с помещичьими, частновладельческими. И в этом нет ничего удивительного. «Дело же заключалось в том,— пишет А. М. Анфимов,— что именно землевладение помещиков вместе с их хозяйством, давившее крестьян кабалой и отработками, державшее деревню в тисках малоземелья, донимавшее мужиков штрафами за потравы и так далее и тому подобное,— именно это землевладение было главным тормозом на пути прогресса крестьянского хозяйства, а следовательно, на пути повышения производительности земли»[52]. Но даже и в таком случае очень часто урожайность помещичьих хозяйств сильно преувеличивалась. Так, Ардатовский уездный земский агроном считал, что средняя урожайность частновладельческих хозяйств уезда в конце XIX в. прибли-

зительно на 20 пудов была больше крестьянских[53]. Действительное же положение было несколько иным (см. табл. 11).

Таблица 11

Урожайность крестьянских и помещичьих земель Мордовии в 1883—1900 гг.[54].

Название культур	Средний урожай 1 дес. (пуд.)		Превышение урожая у помещиков	
	у крестьян	у помещиков	в пудах	в %
Озимая рожь	48,2	55,2	7,0	14,6
Озимая пшеница	46,5	52,3	5,8	12,5
Яровая пшеница	32,6	36,8	4,2	12,9
Овес	30,9	39,8	8,9	28,9
Гречиха	18,0	20,9	2,9	16,1
Просо	36,6	41,1	4,5	12,3
Ячмень	36,2	32,3	— 3,9	— 10,8
Горох	35,0	43,2	8,2	23,4
Полба	41,0	41,2	0,2	5,4
Лен	21,0	26,7	6,7	32,0
Конопля	26,3	29,6	3,3	12,5
Картофель	374,3	421,4	47,1	12,6

Как видим из таблицы 11, урожайность зерновых у помещиков нигде не превышает и 9 пуд. В ряде случаев, как это с производством ячменя, была даже ниже, чем у крестьян. К такому же выводу пришел и исследователь экономики сельского хозяйства Пензенской губернии А. Бурлуцкий, считая, что разница урожаев на частновладельческой и надельной землях «не особо значительна»[55].

В. И. Ленин подчеркивал, что помещичье хозяйство стояло выше надельного крестьянского только в том случае, когда оно велось капиталистическим способом[56]. Но большинство частновладельческих земель эксплуатировались крепостнически: сдавались крестьянам в аренду или исполу. Поэтому и разница в урожайности была не столь значительна, как иногда хотят это представить.

От низкой урожайности надельных земель страдало прежде всего само крестьянство. Степень урожайности прямым образом влияла на питание крестьянсткой семьи. Особенно сильно крестьяне страдали в период недородов. Самыми губительными для Мордовии, как и для других регионов, оказались 1890, 1891 и 1892 годы. Неурожаи тормозили развитие производительных сил в сельском

хозяйстве, способствовали углублению классового разложения пореформенной деревни.

О положении крестьян с продовольствием можно судить по общему валовому сбору зерновых хлебов. По данным Центрального статкомитета, за десятилетний период с 1883 по 1892 гг. наибольший сбор зерновых в Мордовии определялся в 46934140 пуд., а наименьший в 12214308 пуд. При наибольшем сборе за вычетом семян и продовольствия в среднем оставалось излишек 187 пуд., а при наименьшем — недостаток определялся в 6,9 пудов. Средний сбор картофеля был равен 6292444 пудам. В переводе на рожь, за вычетом семян, на каждую душу прибавлялось еще около одного пуда. В итоге, за вычетом семян и продовольствия, на каждого человека излишек хлебов в этот период определялся в 4,8 пуд.[57]. Данное количество хлебов можно было бы считать товарным хлебом, если бы еще не было расходов на содержание скота. Поэтому товарность зернового производства крестьянства была невысокой. Конечно, были хозяйства и зажиточных крестьян, хлебное производство которых было ориентировано на рынок. Основная же масса крестьянства не всегда, даже за счет земледелия, покрывала свои продовольственные нужды, она вынуждена была покрывать их и за счет всевозможных промыслов. Продаваемый же ими хлеб являлся большей частью их продовольственным запасом, который вновь покупался ими зимой или весной с значительным ущербом для хозяйства.

Литература и источники

1 Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе, 1861—1880 гг.— М., 1978; Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России //Проблемы социально-экономической истории России.— М., 1971; он же. Сельскохозяйственное производство в Рязанской и Тамбовской губерниях XVIII—XIX веков //Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР.— М., 1959.— Сб. III; Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904.— М., 1980; Карнаухова Е. С. Размещение сельского хозяйства России периода капитализма. 1860—1914.— М., 1951; Яцунский В. К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны //Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России.— М., 1961 и др.

2 Нифонтов А. С. Развитие сельского хозяйства в России в 60—70-х гг. XIX в. //Вопросы истории. 1967.— № 6; он же. Статистика урожаев в России XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) //

Исторические записки.— М., 1968.— Т. 81; он же. Зерновое производство в России во второй половине XIX века.— М., 1974; Миронов Б. Н. Движение хлебных цен в России в 1801—1914 гг.// Вопросы истории.— 1975.—№ 2; он же. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.).— Л., 1985.

3 Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века.— С. 6.

4 Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма.— М., 1984; Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма.— Саратов, 1982; Патрушев А. С. Марийская деревня в период империализма.— Йошкар-Ола, 1974.

5 Данилов Г. Г. Из истории земледелия Мордовии.— Саранск, 1964.

6 Агеев М. В. Размещение и специализация сельского хозяйства в дореволюционной Мордовии //Ученые записки МГПИ им. А. И. Полежаева.— Саранск, 1956.— Вып. 4. Серия «Общественные науки».— С. 30—52.

7 Статистический временник Российской империи.— СПб., 1884.— Сер. III.— Вып. 4.

8 Нифонтов А. С. Зерновое производство...— С. 15—82.

9 ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 1730, ч. 3, л. 647 об.; д. 2022, ч. 2, л. 594; д. 1781, ч. 3, л. 648, 684; д. 2324, ч. 2, л. 570; ч. 3, л. 592 об.; Обзор Тамбовской губернии за 1878 г.— Тамбов, 1879.— Приложения.— Вед. № 1; Там же. За 1879 г.— Тамбов, 1880.— Приложения.— Вед. № 1; там же. За 1888 г.— Тамбов, 1889.— Приложения.— Вед. № 1; там же. За 1889 г.— Тамбов, 1890.— Приложения.— Вед. № 1; там же. За 1901 г.— Тамбов, 1903.— Приложения.— Вед. № 1; там же. За 1902г.— Тамбов, 1905.— Приложения.— Вед. № 8.

10 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 249.

11 Материалы по статистике хлебной производительности в Европейской России за пятилетний период, с 1870 по 1874 год.— СПб., 1880.— Часть II.— С. 14—15, 18—19, 20, 21.

12 Временник Центрального статистического комитета МВД. № 48. Посевные площади, принимавшиеся Центральным статистическим комитетом при разработке урожаев 1881, 1887 и 1893—1899 гг. по 50 губерниям Европейской России.— СПб., 1901.— С. 346—352, 440, 474—475; ГАПО, ф. 158, оп. 1, д. 17, лл. 35—68; Обзор Тамбовской губернии за 1901 г.— Тамбов, 1903.— Приложения.— Ведом. № 1; Обзор Тамбовской губернии за 1902 г.— Тамбов, 1905.— Приложения.— Вед. № 1. Данные за 1901 и 1902 гг. не содержат данных по Ардатовскому уезду. В крестьянские посевы по Темниковскому и Спасскому уездам включены также и арендованные земли. Подсчитано нами.

13 Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма.— С. 86—87.

14 Там же.

15 Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть.— Н. Новгород., 1897.— Вып. 2.— Отд. 2.— С. 102.

16 Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии.— Вып. XI.— С. 59.

17 Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть.— Вып. II.— Отд. II.— С. 110.

18 Там же.— С. 108.

19 Агеев М. В. Указ. соч.— С. 43.

20 ГАУО, ф. 48, оп. 1, д. 24, л. 25; ф. 76, оп. 4, д. 159, л. 22.

21 Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть.— СПб., 1884.— Вып. 2.— Отд. 2.— С. 111.

22 ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 1639, ч. 4, л. 89.
23 Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии.— Вып. VI.— С. 132.
24 ГАУО, ф. 76, оп. 4, д. 159, л. 21.
25 Там же, ф. 48, оп. 1, д. 28, лл. 139—140.
26 ЦГА МССР, ф. 21, оп. 1, д. 34, л. 2 об.
27 Культурный уровень крестьянского полеводства на надельной земле и его значение в земельном вопросе. С поуездными данными по 46 губерниям Европейской России.— СПб., 1906.— С. 425, 431, 519, 19.
28 ГАПО, ф. 158, оп. 1, д. 17, лл. 56—57.
29 Историко-статистический обзор промышленности России. Группы VII, X, XI. Сельскохозяйственные произведения, огородничество, садоводство и домашние животные.— СПб., 1882.— Груп. III.— С. 118
30 Памятная книжка Пензенской губернии на 1870 год.— Тамбов, 1871.— С. 221—222.
31 Там же.
32 Там же.
33 Пензенские губернские ведомости.— 1880.— № 89.— Часть неофиц.
34 Обзор Тамбовской губернии за 1893 г.— Тамбов, 1894.— С. 14.
35 Обзор Тамбовской губернии за 1898 г.— Тамбов, 1899.— С. 28.
36 Агеев М. В. Указ. соч.— С. 44.
37 Временник Центрального статистического комитета МВД. Посевные площади, принимавшиеся Центральным статистическим комитетом при разработке урожаев 1881, 1887 и 1893—1899 гг. по 50 губерниям Европейской России.— СПб., 1901. № 48.— С. 346—352, 440, 474—475. Подсчитано нами.
38 См. сноску 37.
39 Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1891 — 1904.— С. 182.
40 Там же.
41 Ковальченко И. Д. Соотношеник крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России.— С. 191.
42 См. сноску 12.
43 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17 — с. 133.
17.— С. 133.
44 Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть.— Н. Новгород.,— 1898. Вып. III.— Отд. II.— С. 7.
45 Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии.— Вып. VI.— С. 51, 57, 58, 62, 67, 71.
46 ЦГИА СССР, ф. 1233, оп. 1, д. 320, л. 103.
47 Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии.— Т. IV.— С. 168—169.
48 Краткий очерк экономического положения крестьянских обществ Тамбовской губернии. Составил С. А. Шпилев.— Тамбов, 1897.— С. 10.
49 Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство...— С. 193.
50 РФ МНИИЯЛИЭ, И—1067, л. 74.
51 Культурный уровень крестьянского полеводства на надельной земле...— С. 11, 72—73, 78.

52 Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство...— С. 194.

53 ГАУО, ф. 46, оп. 10, д. 7, л. 4.

54 Культурный уровень крестьянского полеводства на надельной земле...— С. 425, 427, 429, 431, 519, 553, 554. Подсчитано нами.

55 Бурлуцкий А. Характеристика Пензенской губернии в сельскохозяйственном отношении.— Пенза, 1898.— С. 84.

56 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 134.

57 Временник Центрального статистического комитета МВД.— № 34.— 1894: Средний сбор хлебов и картофеля за десятилетие 1883—1892 гг. в 60 губерниях Европейской России по отношению к народному продовольствию.— СПб., 1894.— С. 26—29, 34—37, 38—39.— Подсчитано нами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАПО — Государственный архив Пензенской области
ГАТО — Государственный архив Тамбовской области
ГАУО — Государственный архив Ульяновской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ИТУАК — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РФ МНИИЯЛИЭ — Рукописный фонд Ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской ССР
ЦГДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГА МССР — Центральный государственный архив Мордовской ССР
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Кузнецов А. Б. Из истории борьбы за землю на территории Мордовии в XVII—XVIII вв. 5

Юрченков В. А. К вопросу о социально-экономическом развитии крестьянства Мордовии второй половины XVII—XVIII вв. (на примере с. Лобаски) 22

Кузнецова Е. А. Антифеодальное народное движение в Темниковско-Кадомском районе в 1670 г. 32

Кузнецова Е. А. Крестьянство Алатырского уезда в антифеодальной войне 1667—1671 гг. 46

Заварюхин Н. В., Захаров В. И. Неземледельческие занятия жителей Мордовии в XVIII в. 56

Арсентьев Н. М., Летуновский С. Б. Образы общества и социальное поведение трудящихся Мордовии в конце XVII—первой половине XIX в. 62

Николаев С. Д. Структура мордовской семьи первой половины XIX в. 85

Нестерова Н. В. Крестьянские промыслы и формирование рабочего класса Мордовии в период капитализма 105

Тувин А. С. Материально-производственная база крестьянского земледелия Мордовии в 1861—1905 гг. 114

Тувин А. С. Структура посевных площадей и урожайность в крестьянском земледелии Мордовии в 1861—1905 гг. 143

Научное издание

Ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской ССР

ПРОБЛЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА МОРДОВИИ

Труды, выпуск 103, серия историческая.

Редактор *Р. П. Овечкина*
Оформление *А. Пепелова*
Художественный редактор *Л. В. Попов*
Технический редактор *Л. М. Лихонос*
Корректор *С. В. Дувалкина*

ИБ 2188

Сдано в набор 17.09.90. Подписано к печати 04.06.91. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$ Бумага писчая. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,24 Усл. кр.-отт. 9,4 Уч.-изд. л. 9,8 Заказ 844. Тираж 500 экз. Цена 1 руб.

Мордовское книжное издательство Государственного комитета Мордовской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 430000, г. Саранск, Советская, 55.

Республиканская типография «Красный Октябрь» Государственного комитета Мордовской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 430000, г. Саранск, Советская, 55а.